

CIRJE-F-262

**History of the Russian Peasantry
in the 20th Century
(volume 2), Tokyo, 2004**

Edited by Hiroshi Okuda
The University of Tokyo

February 2004

CIRJE Discussion Papers can be downloaded without charge from:

<http://www.e.u-tokyo.ac.jp/cirje/research/03research02dp.html>

Discussion Papers are a series of manuscripts in their draft form. They are not intended for circulation or distribution except as indicated by the author. For that reason Discussion Papers may not be reproduced or distributed without the written consent of the author.

History of the Russian Peasantry in the 20th Century **(volume 2), Tokyo, 2004**

Edited by H. Okuda
Professor, Faculty of Economics, University of Tokyo

Abstract

The Second Japanese-Russian Conference on the history of the Russian peasantry in the 20th century was held on 14 - 17 November 2003, at the same Fuji Educational House in Susono City, Shizuoka Prefecture, as the First Conference in November 2002. The participants there amounted to 19 Russian and Japanese scholars. This pamphlet is a collection of all the papers then presented to the Conference with the exception of the report by Naoko Hirooka, whose complete paper was not in time for the publication of this pamphlet.

The Russian participants in the Conference were as follows (asterisk* means that he/she was for the first time invited to the Conference):

Kornilov, Gennadii Egorovich (professor, senior researcher, Institute of History and Archaeology, Ural division, Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg).

Esikov, Sergei Al'bertovich* (professor, head of the chair of History of State and Law, Tambov State Technical University, Tambov), author of the article "Peasant Production in Tambov Guberniya (from the 1880s to the end of the 1920s)".

Tarkhova, Nonna Sergeevna* (head of Department of Publication of Archive Documents, Russian State War Archive, Moscow), author of the article "History of the Soviet Peasantry in the Russian Documentary Publications during Recent 15 Years".

Naukhatskii, Vitalii Vasil'evich* (professor, head of the chair of History and Politics, Rostov State Economic University, Rostov Institute of National Economy, Rostov), author of the article "Modernization of Agriculture and *Raskrest'ianivanie* in the Russian Countryside (from the 1960s to the 1990s)".

Koznova, Irina Evgen'evna (senior researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow).

Kondrashin, Viktor Viktorovich (professor, Faculty of History, Penza State Pedagogical University, Penza).

Glumnaya, Marina Nikolaevna* (associate professor of the chair of History of Father Land, Vologda State Pedagogical University, Vologda), author of the article “Characteristics and Culture of Kolkhoz Peasant Labour in the 1930s (the case of the Russian European North District)”.

The Japanese participants in the Conference were as follows (asterisk* means that he/she for the first time took part in the Conference):

Arata, Hiroshi* (former professor, Faculty of Economics, University of Kokugakuin, Tokyo).

Suzuki, Takeo (professor, Faculty of Political Science & Economics, University of Waseda, Tokyo), author of the article “Reforms and Peasant Commune in Prerevolutionary Russia”.

Matsui, Noriaki (professor, Faculty of Economics, Public University of Kushiro, Kushiro).

Okuda, Hiroshi (professor, Faculty of Economics, University of Tokyo, Tokyo).

Kajikawa, Shin'ichi (professor, Faculty of Literature, University of Kanazawa, Kanazawa).

Yamamura, Rihito (professor, Institute of Slavic Studies, University of Hokkaido, Sapporo).

Hirooka, Naoko (part-time lecturer, Faculty of Foreign Languages, Tokyo University of Foreign Studies, Tokyo).

Nobe, Koichi (associate professor, Faculty of Economics, University of Senshu, Tokyo).

Choi, Jaedong (former researcher, Faculty of Economics, University of Tokyo, Tokyo).

Asaoka, Zenji* (lecturer, Faculty of Education and Culture, University of Miyazaki, Miyazaki), author of the article “The Village Correspondent Movement in the period of NEP”.

Yuka Takeda* (postgraduate student, Graduate School of Economics, University of Tokyo, Tokyo).

Hidai, Takeo (postgraduate student, Graduate School of Economics, University of Tokyo, Tokyo).

Secretary Hosoya, Mio* cooperated in the compilation of this pamphlet.

От составителя

Предлагаемый сборник является продолжением серии «История российского крестьянства в XX веке», первый том которой был опубликован в прошлом году.

Он представляет собой материалы второй японско-русской конференции, состоявшейся 14 - 17 ноября 2003 года в том же месте что и в ноябре 2002 года, – в образовательном центре у подножия горы Фудзи.

В сборник включены все доклады, представленные на конференции, за исключением текста доклада Наоко Хироока, окончательный вариант которого не успел к данной публикации.

На конференцию были приглашены и выступили с докладами с российской стороны: Сергей Альбертович Есиков (профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой истории государства и права Тамбовского государственного технического университета), Нонна Сергеевна Тархова (начальник отдела публикации архивных документов Российского государственного военного архива), Виталий Васильевич Наухацкий (профессор, заведующий кафедрой исторических наук и политологии Ростовского государственного экономического университета «Ростовский институт народного хозяйства»), Марина Николаевна Глумная (доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета).

с японской стороны: Такэо Судзуки (профессор политико-экономического факультета университета Васэда), Дзэндзи Асаока (лектор факультета образования и культуры университета Миядзаки), Наоко Хироока (внештатный лектор факультета иностранных языков Токийского университета иностранных языков)*.

*Доступ к помещенным здесь докладам можно получить и на сайте: <http://www.e.u-tokyo.ac.jp/cirje/research/dp/2004/list.htm>, где опубликованы все дискуссионные статьи CIRJE.

Кроме них в работе конференции и обсуждении докладов, как и в ноябре 2002 года, приняли участие Геннадий Егорович Корнилов,

Ирина Евгеньевна Кознова, Виктор Викторович Кондрашин, Нориаки Мацуи, Синъити Кадзикава, Рихито Ямамура, Коити Нобэ, Чой Жаедонг, Такэо Хидаи и сам составитель.

На конференции в качестве наблюдателей присутствовали мой учитель Хироси Арата (бывший профессор экономического факультета университета Кокугакуин) и Юка Такэда (докторант в аспирантуре экономики Токийского университета), в качестве секретаря - Мио Хосоя, которая помогала и в составлении настоящего сборника.

Наше международное научное сотрудничество получает финансовую поддержку от Министерства просвещения и наук Японии. Третья японско-российская конференция намечена на 2005 год.

Январь 2004 г. Хироси Окуда
Профессор экономического факультета
Токийского университета

Содержание

От составителя-----	3
<i>Есиков С.А.</i> Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е – конец 1920-х гг.)-----	7
<i>Глумная М.Н.</i> Характер и культура труда колхозного крестьянства в 1930-е годы (на примере Европейского Севера России)-----	36
<i>Наухацкий В.В.</i> Модернизация сельского хозяйства и раскрестьянивание русской деревни (60–90-е годы XX века). -----	75
<i>Тархова Н.С.</i> История советского крестьянства в российских документальных публикациях за последние 15 лет-----	116
<i>Такэо Судзуки</i> Реформы и крестьянская община в дореволюционной России-----	142
<i>Дзэндзи Асаока</i> Селькоровское движение в период НЭПа -----	148

Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е – конец 1920-х гг.)

Несколько предварительных замечаний. Несмотря на общие черты, характерные для аграрного развития России, тамбовская деревня имела ряд специфических черт, отличавших ее от других регионов страны. Подчеркну то обстоятельство, что до недавнего времени этой стороне вопроса не придавалось серьезного значения. Своеобразие проявилось и в пореформенном развитии, и в ходе столыпинской аграрной реформы, и при проведении социально -экономических преобразований советской власти. Общепринятой методологической посылкой большинства современных обобщающих исследований по аграрной истории России является показ общих закономерностей аграрного развития страны. Однако необходимо обратить пристальное внимание и на другую сторону вопроса, на региональные особенности этого явления. Без такого подхода дальнейшее плодотворное изучение проблемы невозможно.

Традиционно считалось, что изучаться должны большие по территории регионы или отдельные республики в составе бывшего СССР. Но история изучает все-таки не территорию, а прошлое людей. В Тамбовской губернии в изучаемое время проживало около 4 млн. человек, из которых более 90% крестьяне. Численность крестьянского населения нашего региона была в четыре раза больше, чем на Дальнем Востоке и была сопоставима с численностью крестьянства, скажем, Западной Сибири или Белоруссии.

История тамбовского крестьянства интересна и тем, что в ней соединились признаки аграрного развития разных регионов Европейской России. Северные уезды губернии по своим социально – экономическим показателям относились к нечерноземной полосе, центральные и южные были типично черноземными. Замечу, что в соответствии с типологией аграрного развития губерний Европейской России рубежа XIX – XX вв., построенной академиком И.Д. Ковальченко, которую мы в целом разделяем, Тамбовская губерния занимала по основным количественным параметрам 26-е место из 50-ти, т.е. была среднетипичной.

Отдельные социально – политические процессы в Тамбовской губернии изучаемого периода имели важнейшее общероссийское значение. Так, в октябре 1905 г. в губернии поднялась мощная волна массовых крестьянских выступлений, оставшаяся на этом уровне и в 1906-1907 гг. Даже в послереволюционном 1908 г. в Тамбовской губернии сохранялось положение усиленной охраны. Восстание тамбовских крестьян осенью 1917 г. В.И. Ленин считал одним из главных симптомов назревшего политического кризиса и условий для успеха большевистского восстания. «Антоновщина» стала важнейшим сигналом к смене советской властью экономической политики. В 1918 – 1920 гг. Тамбовская губерния была едва ли не единственным производящим регионом, почти непрерывно контролировавшимся советской властью, главным объектом развернувшейся борьбы за хлеб. Именно на регионе центральной России, в которую входила Тамбовская губерния, большевики в первую очередь апробировали средства и методы своей аграрной политики.

Тамбовская губерния, ставшая в XVIII – начале XIX в. регионом мощного помещичьего землевладения, сохранила в пореформенный период, по существу, полукрепостнический режим в деревне. Помимо социально-экономических причин положение тамбовского крестьянства конца XIX – начала XX в. усугублялось естественно - историческим кризисом аграрного общества.

До XIX в. тамбовский регион развивался всецело в зависимости от природных условий, которые пока не создавали ограничений для развития земледелия в приречных районах. Экстенсивная аграрная экономика была сопряжена с экстенсивным демографическим поведением крестьянского населения, очень быстрым ростом сельского населения. Но в течение XIX в. в губернии обнаружились естественные пределы развития экономики, демографии и экологии традиционного общества. К началу XX в. в аграрных регионах России все явственнее проявлялись черты системного кризиса, особо проявившиеся в аграрном перенаселении, сокращении природных ресурсов для сельского хозяйства, истощении почвы, стагнации производства основных зерновых культур при сохранении жесткой зависимости урожаев хлебов от резких природно-климатических колебаний, сокращении масштабов животноводства ввиду распашки пастбищных и других кормовых угодий и т.п.

Демографический подъем до предела обострил проблему аграрного перенаселения Тамбовской губернии. По некоторым подсчетам, уже в 1890-е гг. свыше 40% сельского населения оказалось «лишним»¹. Власти пытались изменить ситуацию, организовав переселение крестьянства в восточные регионы страны с большими земельными ресурсами. Однако миграционные процессы не смягчили остроту

демографической ситуации. К 1897 г. из губернии выехало 260 тыс. сельских жителей, почти десятая часть населения Тамбовщины на тот момент. В 1906-1914 гг. из Тамбовской губернии выехало примерно 100 тыс. крестьян (около 3% населения региона), что явно не могло смягчить напряженность земельного вопроса на Тамбовщине². Она, напротив, нарастала ввиду того, что естественный прирост населения региона перекрывал механическое миграционное движение. Только в одном 1912 г. превышение рождаемости над смертностью в Тамбовской губернии составило 100 тыс. чел., т.е. равнялось числу всех переселенцев из губернии за период столыпинской реформы. Миграция крестьянства за пределы губернии во многом была связана с тем, что тамбовские города, которые до начала XX в. оставались, главным образом, административными доиндустриальными центрами, не могли принять сколько – нибудь значительное количество избыточного сельского населения (не более 20 тыс. чел.).

Следствием экстенсивного демографического развития тамбовской деревни уже в первой половине XIX в. стали экологические проблемы. Наиболее существенной из них явилось нарушение существовавшей в начале века оптимальной структуры использования природных угодий. Известный статистик К.И. Арсеньев, приводя сведения о количестве земли по Генеральному межеванию в Тамбовской губернии на 1797 г. (в пропорциональном отношении оно выглядело следующим образом: пашня – 40%, леса – 31%, луга – 29%), указывал на «самое равномерное распределение угодьев» в Тамбовской губернии в сравнении с другими губерниями черноземной зоны³. К середине 1860-х гг. произошло резкое изменение распределения использования земельных угодий губернии. В 1866 г. пашня (вместе с усадебной землей) занимала уже 70%, леса – 18%, сенокосы – 12%⁴. К середине XIX в. в сельской местности наметились проблемы и с использованием водных ресурсов. В связи с нехваткой для расселения приречных территорий началось основание новых населенных пунктов в межречных (плакорных) пространствах, где требовались искусственные источники воды. В 1862 г. почти 20% сельских поселений располагались у прудов, колодцев, оврагов с водой и т.п.⁵

В первое двадцатилетие после реформы 1861 г. на Тамбовщине активно распахивались целинные и залежные земли, вырубались леса, засыпались овраги. Удельный вес пашни стал приближаться к запредельному показателю в 80%, сводя до минимума территории под лесами и кормовыми угодьями. В масштабах губернии с 1900 г. по 1917 г. площадь лесов, лугов и пастбищ снизилась с 55 до 30% от общей площади, что означало довольно быстрое превращение в пашню других категорий

земель. Наиболее резкие изменения коснулись лугов: более чем на половину они сократились в Спасском, Козловском, Лебедянском и Усманском уездах, почти на две трети – в Тамбовском. По мнению аграрников (А.А. Кауфман, А.В. Чайнов и др.), для рационального трехпольного хозяйства необходима площадь лугов и выгонов, по крайней мере, равная пахотной. В Тамбовской же губернии к началу XX в. пашни было в 9 раз больше, чем пастбищных угодий. Ухудшение экологического положения губернии, его влияние на экономику и жизненный уровень тамбовского крестьянства быстро заметили современники. Так, в отчете сенатора Мордвинова, ревизовавшего Тамбовскую губернию в 1870-е гг., отмечались явные признаки уменьшения крестьянского благосостояния, связанные с истощением плодородности земли вследствие беспорядочной и хищнической ее обработки, уменьшением рабочего скота.⁶

Качество оставшихся пастбищ было низким, так как наилучшие места распахивались в первую очередь. За редким исключением общинные пастбища кормили стада от 17 до 25 дней в году. А поскольку крестьяне были вынуждены вместо стойлового содержания скота практиковать его пастьбу, то для этого использовался подножный корм на пашне. Ухудшение качества пастбищ отрицательно сказывалось на состоянии крестьянского животноводства.

Интегральным показателем демографо – экологического характера, демонстрирующим человеческую нагрузку на окружающую среду, является плотность населения. Н.П. Огановский писал, что при трехпольной системе земледелия населению становится тесно при густоте в 40 чел. на кв. версту. Для Тамбовской губернии, находившейся большей частью в черноземной полосе, эту цифру он поднимал до 50-55 чел.⁷ Уже к 1880-м гг. губерния перешагнула этот рубеж. А в 1917 г. плотность населения на крестьянских землях была почти вдвое выше нормы.

Но дело было не только в плотности населения, которая во многом является абстрактным научным показателем. Необходимо учитывать и такой «жизненный» показатель, как людность населенных пунктов. В Борисоглебском уезде средняя людность населенных пунктов в начале XX в. перевалила за 1000 чел. В Тамбовском, Кирсановском и Козловском уездах в среднем она находилась на общегубернском уровне – 700-800 чел.⁸ «Разрядка людской напряженности» в степных районах ограничивалась трудностями переселения из больших приречных сел на сухие плакорные пространства, где требовались громадные средства для строительства прудов, колодцев, скважин, лесонасаждений и т.п.

Интересно обратить внимание на различия в наделении землей крестьян разных природных зон губернии. В начале 1880-х гг. в северных уездах на одно крестьянское

хозяйство приходилось 7,2-7,4 дес. земли, в лесостепных и степных – 10-12 дес. (это соответствовало норме для черноземных губерний). В последующие три десятилетия в северных уездах этот показатель снизился до 6,1-6,2 дес., а в остальных до 6,7-6,9 дес. В условиях пореформенного уменьшения размеров земельных наделов северные уезды начали переходить к интенсивному хозяйствованию. К тому же здесь было развито отходничество в близкие промышленные губернии, что снижало реальную плотность населения. В лесостепных и степных уездах уменьшение наделов происходило резко, экстенсивная традиция хозяйствования преодолевалась очень мало, отхода почти не было, в целом острота демографического и экологического кризиса была выше.

Среднее существование семьи в губернии с трудом могли обеспечить 10 дес., а менее 10 дес. по данным 1905 г., было у 98,2 % бывших помещичьих и 78,1% бывших государственных крестьян.⁹ Вполне понятны трудности существования крестьянской семьи, оказавшейся с недостаточным наделом. На психологическое состояние массы крестьянства влияло не только малое количество земли, но сам процесс ее постоянного уменьшения. На рубеже XIX-XX вв. крестьяне в своей массе ощутили резкое ослабление социальной защищенности. Последняя воспринималась ими как наличие земельного надела или права на него в условиях общинного землевладения, представление о возможности полной утраты надела усиливало в крестьянине агрессивность, готовность к борьбе за изменение условий жизни.

Рост населения – общее явление для всех развитых и действительно развивающихся стран, важнейший фактор их экономического, социального и культурного развития. Сказанное в полной мере относится и к России. Освоение ее огромных пространств так же, как и преодоление крестьянского малоземелья, задерживалось сохранением помещичьего господства. Напомним об «отрезках» крестьянских земель в ходе реформы 1861 г. и о сохранении «временнообязанного состояния», то есть фактической крепостной зависимости крестьян от помещиков до 1883 г., о последовавшем затем десятилетии контрреформ с укреплением прямого господства помещиков в деревне через создание системы «земских начальников» и усиление прикрепления крестьян к земле через ограничение выхода из общины, что вполне соответствовало экономическим интересам помещиков. Сохранение полукрепостных порядков в деревне стало одним из главных факторов революции. Крестьянское население, не имевшее достаточного выхода за пределы губернии, а внутри региона в города, страдавшее от растущей нехватки земли, кормовых, лесных, водных угодий и снижения их качества, неизбежно становилось более радикально настроенным против помещиков, не только имевших количественно обширные и

качественно лучшие земельные и другие природные ресурсы, но и сохранявших отношения грубой эксплуатации крестьян.

Основой крестьянского хозяйства, как известно, являлось наделное землевладение. Реформа 1861 г. ухудшила земельное обеспечение крестьян. Положение 19 февраля позволило помещикам уменьшить площадь крестьянских наделных земель в Тамбовской губернии на 13,1%.¹⁰ Бывшие государственные крестьяне по закону 24 ноября 1866 г. получили в общинную собственность практически все свои наделные земли, оказавшись в лучших условиях. Размер их наделов был вдвое большим, чем у бывших частновладельческих крестьян. Такое различие в обеспеченности землей сохранялось на протяжении длительного периода. Сравнение данных 1877 и 1905 гг. показывает, что средняя величина надела у бывших частновладельческих крестьян в первом случае 6,6 и 5,0 дес. – во втором; у бывших государственных крестьян соответственно 13,8 и 9,4 дес.¹¹ По данным 1917 г. среднее селение бывших государственных крестьян имело 1285 десятин, помещичьих – 272 дес., если первые имели под усадьбами по 876 дес., то вторые – лишь 19,8 дес.¹²

В конце XIX – начале XX вв. крестьянское землевладение и землепользование в губернии заметно укрепило свои позиции. По данным 1905 г. оно характеризовалось следующими показателями: наделная земля составляла 2848238 дес., в собственности отдельных домохозяев находилось 214283 дес., крестьянским товариществам принадлежало 96348 дес., сельские общества имели 82950 дес. купчей земли. В целом крестьяне имели 3241819 десятин. Дворянское землевладение за 1877 – 1905 гг. сократилось почти на 480 тыс. дес. и составило 1114014 дес.¹³ В последующие годы продолжался процесс перемещения дворянских земель в руки мелких товаропроизводителей и прежде всего крестьянства. В 1917 г. в сравнении с 1905 г. фонд купчих крестьянских земель увеличился более, чем в 2 раза.

Тамбовская губерния традиционно относилась к районам хлебных избытков. В среднем в 1909 – 1913 гг. в губернии отмечался избыток хлебов в пересчете на душу населения: по главным продовольственным хлебам он составлял 3,89 пуда, а по кормовым – 7 пудов.¹⁴ Общий вывоз хлебов из губернии составлял в этот же период в среднем 43096 тыс. пудов в среднем в год, из которых 57% поступали на внутренний рынок. В своей подавляющей массе это был крестьянский хлеб.

Хозяйства тамбовского крестьянства отличались низкой степенью товарности. Большая часть зерновых и картофеля использовалась для внутривоспроизводственных нужд. По данным А.Н. Челинцева в северных уездах в среднем на одно хозяйство доля

проданного составляла 13,8%, в центральных лесостепных уездах – 30,5%, в южных степных – 31,5%.¹⁵

Кроме того, сравнение урожайности зерновых на помещичьих и крестьянских полях было не в пользу последних. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Таблица 1

Средняя урожайность ржи (пудов с десятины)¹⁶

Земли \ Годы	1912	1913	1914	1915	1916	1917
Помещичьи	76,4	45,8	66,8	75,7	76,5	48,7
Крестьянские	62,0	34,8	50,0	62,3	62,8	41,7

Товарность крестьянских зерновых была значительно ниже товарности владельческих хлебов. Н.Д. Кондратьев, используя погубернские данные за 1909 – 1913 гг., определял крестьянский сбор ржи в среднем в 49950 тыс. пудов в год, из которых 14500 тыс. поступали на рынок, частновладельческий сбор ржи составлял 8984 тыс. пудов, из них 5511 тыс. шли на рынок. Норму товарности он определял в 61,4% для владельческих и 29,1% - для крестьянских хозяйств.¹⁷ По ячменю и овсу товарность обеих категорий хозяйств была выше, но владельческие хозяйства вновь превосходили крестьянские: соответственно 82,8% и 58,2%.¹⁸ Высокой степенью товарности характеризовалась пшеница, посевы которой преобладали в помещичьих хозяйствах: по данным 1916 г. – 10373 дес., в крестьянских хозяйствах – лишь 2064 дес. У крестьян главной культурой была рожь, посевы которой занимали 897108 дес., в то время как в помещичьих хозяйствах – 121418 дес.¹⁹

Несмотря на трудности, медленно, но неуклонно росла товарность крестьянского хозяйства. В период с 80-х гг. до начала мировой войны возрос вывоз сельскохозяйственных товаров из губернии. Если в 80-х гг. вывоз зерновых составлял 11 пудов на душу крестьянского населения, то в 1910 г. – не менее 14,5 пуда²⁰, что превышало т. н. избытки как по главным продовольственным хлебам, так и по кормовым. Вырос также вывоз свинины, птицы, сливочного масла, овощей, пеньки, табака – и все это в темпах, превышавших темп прироста населения. Зерновые поставки помещичьих хозяйств на рынок не превышали 36%, основная доля принадлежала крестьянскому производству.²¹

Как видим, крестьянское хозяйство в начале XX века заметно укрепило свои позиции. Все более отчетливо проявлялась тенденция к перемещению центра сельскохозяйственного производства в крестьянское хозяйство.

В период гражданской войны и военного коммунизма складывалась на первый взгляд парадоксальная ситуация: при общем увеличении крестьянского землепользования стали резко сокращаться посевные площади. Так, в 1917 г. посевная площадь в губернии составляла 2 004 784 дес., в 1920 г. - лишь 1552287 дес., т.е. меньше на 22,6%, в 1921 г. площадь посевов сократилась еще на 124288 дес. или на 8%²². В этом же году размер недосева повысился до 19,4%, составив почти 1/5 части посевных площадей. В расчете же на одно хозяйство приходилось в среднем в 1917 г - 4,1 дес., в 1920 г. - 2,8 дес., в 1921 г. - 2,6 дес.²³.

Это было связано с целым рядом причин. Около трети всех сельских поселений губернии составляли села свыше 300 дворов. Отсюда истекало характерное явление для Тамбовской губернии - дальнотемелье и связанное с ним хроническое пустование отдаленных земель, что не было преодолено в ходе аграрной революции. Крестьяне вели более или менее сносное хозяйство только на участках, близких к усадьбе. К этому следует добавить нехватку семенного материала, сокращение поголовья рабочих лошадей, уменьшение навозных удобрений. выход из строя инвентаря, что снижало уровень обработки земли и вело к сокращению посевов. Определенную роль играла и существовавшая продразверстка, которая не стимулировала рост производства. Из сказанного следует, что после ликвидации помещичьего землевладения ослабленное крестьянское хозяйство было не в состоянии полностью освоить посевные площади.

Сокращение посевных площадей весьма существенно влияло на крестьянское хозяйство, способствуя превращению последнего в натуральное. Основные тенденции к натурализации крестьянских хозяйств наиболее четко видны при анализе изменений структуры посевных площадей.

Стремясь уменьшить тяготы разверстки, крестьянство меняло структуру своих полевых посевов. В связи с этим изменилось соотношение между озимым и яровым полем. С 1881 по 1917 гг. соотношение между ними оставалось практически неизменным: в 1881 г. 32% составляли площади озимых и 34,5% - яровых, в 1917 г. - соответственно 31,6% и 34,5%. В 1920 г озимое поле составило уже 33,6%, а яровое - 33%²⁴. Увеличение площади под озимыми культурами считалось более выгодным: большая урожайность при меньших затратах. Однако площадь посевов озимой ржи

значительно сократилась: если в 1917 г. она занимала 99,9% озимого поля, то в 1920 г. - 92,2%, а в 1921 г. - 89,2%²⁵.

Вследствие общего уменьшения посевных площадей и некоторого увеличения озимого клина произошло довольно существенное сокращение площадей под яровыми: в 1917 г. она составляла 1075295 дес., в 1920 г. - 810446 дес., в 1921 г. - 898532 дес.²⁶

Рассмотрим изменения посевных площадей. В 1917 г. озимой рожью - главной зерновой культурой Тамбовской губернии - было засеяно 1094401 дес., в 1920 г. под рожью было 797363 дес., в 1921 г. - лишь 781373 дес. Как видим, за пять лет площади под рожью сократились почти на 30%. В качестве основной причины такого резкого сокращения в 1920 - 1921 гг. следует указать острую нехватку семян.

Под влиянием разверстки сократилось производство наиболее нужных государству зерновых и соответственно увеличился засев культур для внутривладельческих нужд. Особенно наглядно это проявилось в изменении посевных площадей под овсом и просом. Так, посев овса с 627675 дес. в 1917 г. упал до 154909 дес., т.е. за 4 года произошло сокращение на 75%. Площадь же под посевом проса выросла с 335861 дес. в 1917 г. до 487416 дес. в 1920 г. - рост на 45,4%.²⁷

Кроме уже названной причины весной 1920 г. из-за недостатка семенного овса, а также вследствие опасений засушливого года значительная часть ярового поля была засеяна просом. Однако засушливый 1920 г. выявил отрицательные стороны этой замены: просо более прихотливо по отношению к почве, требует более тщательного ухода, больше, чем овес страдает от сорняков. Кроме того, известно значение овса для крестьянского животноводства. Поэтому весной 1921 г. площадь посева овса вновь повысилась до 213445 дес. (или на 37,8%), а площадь под просом уменьшилась до 321564 дес. (или на 34%) в сравнении с 1920 г.²⁸

Представление о том, как изменилась структура полевых посевных площадей в губернии дает табл. 2. Как видно из таблицы, хозяйственная разруха повышала в первую очередь спрос на продовольственные культуры, в то время как спрос на технические падал. Это обстоятельство заставляло крестьян по возможности увеличивать, либо хотя бы сохранять прежние размеры посева под продовольственными и резко сокращать производство технических культур, которые из-за своей трудоемкости требовали больших усилий. Часть культур переключивалась на огороды и приусадебные участки.

Состав полевых посевных площадей в крестьянских хозяйствах в 1916-1921 гг.³⁰

Годы	На 100 десятин полевого посева приходится десятин						
	Культура						
	Ржи	Овса	Проса	Картофеля	Конопли	Подсолнуха	Гречихи
1916	47,6	27,1	15,3	3,9	0,9	2,1	0,2
1917	47,7	26,6	16,6	3,4	0,6	1,7	0,4
1920	51,5	9,4	33,4	2,1	0,1	1,2	0,2
1921	54,7	13,8	24,2	0,1	0,4	1,5	0,1

Все это объяснялось увеличением значения продовольственных культур для внутривладельческого потребления, а также тем, что в условиях продразверстки учитывались в основном лишь полевые посевы, а огород оставался фактически необлагаемой единицей. Крестьяне по мере возможностей увеличивали площадь под приусадебными участками и огородами. Если в 1917 г. под усадьбой в крестьянских хозяйствах находилось 24484 дес., то в 1920 г. - 72792, а в 1921 г. - 67801 дес.²⁹ Можно констатировать трехкратное увеличение.

В огородных посевах также наблюдалось изменение соотношения культур. Весьма значительно в сравнении с довоенным и военным временем сократились полевые посевные площади под картофелем: в 1916 г. - 59354 дес., в 1917 г. - 57078 дес., в 1920 - 26236 дес., в 1921 г. - 31000 дес.³¹ В то же время все большее распространение картофель получил как огородная культура. В 1920 г. - 55,1% огородных площадей занимал картофель, в 1921 г. - 62,7%³². Картофель терял в те годы свое значение технической культуры, играя большую роль в качестве продукта питания. Картофель, как и подсолнечник при сравнительно меньшей затрате труда, давали легко утилизируемые продукты питания, что имело безусловную ценность в голодное военное время. Второй по значению после картофеля приусадебной культурой становилась конопля. Если посевная площадь под коноплей с 1917 г. по 1920 г. сократилась более, чем в 6 раз, то ее приусадебные посевы заметно выросли, превысив в 1920 г. полевой посев более чем на 12 тыс. дес.³³ Сокращение посевов льна в традиционно льноводческих районах повлекло за собой увеличение его посевов в Тамбовской губернии. Из-за отсутствия рынка льна приходилось увеличивать его посевы хотя бы в размерах, необходимых для потребления в крестьянских хозяйствах. За 1917 - 1920 гг. произошло почти трехкратное сокращение полевых посевов льна и почти такое же увеличение его приусадебных посевов³⁴.

Важнейшим после полеводства компонентом крестьянского хозяйства было животноводство. В первую очередь проанализируем количественные показатели. С

начала 1880-х и вплоть до 1912 г. число лошадей рабочего возраста в губернии даже сократилось на 10%. Это объясняется тем, что при незначительном увеличении полевой площади в рамках одной и той же системы хозяйства нет экономического стимула к увеличению поголовья рабочего скота. В 1881 - 84 гг. общегубернское количество рабочих лошадей на 100 дес. пашни (16,8) превышало потребность в них для полевых работ приблизительно на 30%. Наибольший избыток лошадей отмечался в четырех северных и Моршанском уездах. В центральных и южных уездах показатель практически приближался к норме (Лебедянский уезд -13,6). Аналогичная ситуация складывалась и по отношению к посевной площади.

В 1912 г. среднегубернское количество лошадей на 100 дес. посева несколько ниже, чем в 80-х гг. - 22,4 против 25,3. Однако разница между отдельными районами стала более резкой. Моршанский и северные уезды значительно превысили норму: Елатомский уезд - на 100% (33,9 лошади вместо 16,7). Повышение числа лошадей в северных уездах, по отношению к посевной площади, объясняется развитием в них промыслового коневодства для работ вне сельского хозяйства - извоз, лесные работы и т.д. Центральные и южные уезды, особенно Борисоглебский, Лебедянский, Тамбовский и Усманский, имели количество лошадей, соответствовавшее норме. В 1916 г. и абсолютное количество лошадей почти равно 1912 г. и относительное - 23,4 лошади на 100 дес. посева в 1916 г. и 22,4 - в 1912 г. Прежним оставалось и поуездное распределение лошадей.

Для периода гражданской войны в связи с уменьшением яровых посевов, сопровождавшимся неурожаем трав, особенно в 1920 и 1921 гг., сокращением сочных и объемистых кормов, а также проразверсткой характерна тенденция к уменьшению поголовья крестьянского скота.

Так, число лошадей рабочего возраста в губернии с 508018 голов в 1917 г. уменьшилось до 326596 в 1921 г., или на 36%. Количество лошадей от 1 года и до рабочего возраста сократилось с 82303 голов в 1917 г. до 41985 в 1921 г., на 51%. Самое же большое сокращение коснулось жеребят (возраст до 1 года): с 88773 голов в 1917 г. до 17395 - в 1921 г., на 80%³⁵. Как сказало сокращение поголовья лошадей на крестьянском производстве?

Вопрос о необходимом количестве лошадей на единицу площади с максимальным использованием их рабочей силы в самые напряженные периоды полевых работ при обычном качестве крестьянских лошадей и общепринятой земледельческой технологии разрабатывался экономистами в 10-е годы XX века. Так, проанализировав бюджетные обследования тамбовской деревни, А.Н.Челинцев пришел

к выводу, что одна лошадь, способная в течение полумесяца дать не более 12-14 рабочих дней "могла обслужить 9,1 дес. в северной полосе, в средней - 8,6 и в южной - 8,7 дес.". При пересчете на 100 десятин пашни при условии, что лошади будут работать 13 дней из 15-ти, в северной полосе потребуется 11 лошадей, в центральной -11,6 и в южной -11,5 лошадей. На 100 десятин посева потребуется соответственно 16,7 лошадей для северной полосы и 17,5 лошади- для центральных и южных уездов губернии³⁶. Приблизительно к такой же норме пришли П.А. Вихляев и А.В. Чаянов, производившие расчеты на материалах нечерноземных губерний³⁷.

Рассмотрим как же складывалось реальное соотношение площади посевов, пашни и числа лошадей. Как видно из табл. 3 с начала 1880-х годов и вплоть до 1917 г. количество лошадей рабочего возраста в губернии мало изменилось. Это объясняется тем, что при незначительном увеличении полевой площади в рамках одной и той же системы хозяйства нет экономического стимула к увеличению поголовья рабочего скота. В 1917 г. по сравнению с предыдущим годом несколько повысилось общее количество лошадей, но одновременно повысились площади пашни и посева. В итоге тем же остался среднегубернский показатель на 100 дес. посева - 23 лошади.

Сравнивая количество лошадей на 100 дес пашни в 1917 г. и в начале 80-х гг., можно отметить, что оно изменилось незначительно: 16,8 лошади в 80-х гг. и 15,2 в 1917 г. Опираясь на среднегубернскими показателями, следует не забывать о том, что распределение лошадей между хозяйствами было неравномерным.

Таблица 3

**Общее количество лошадей рабочего возраста в крестьянских хозяйствах
Тамбовской губернии³⁸**

Годы	1881-1884	1912	1916	1917	1920	1921
Общее кол-во лошадей	481235	429732	439137	46100	376321	326569

Таблица 4

**Количество лошадей рабочего возраста на 100 десятин пашни и посева в
крестьянских хозяйствах³⁹**

Годы	1881-1884	1912	1917	1920	1921
На 100 Десятин пашни	16,8	-	15,2	14,3	12,0
На 100 Десятин посева	25,3	22,4	28,0	24,2	22,9

Так, в 1912 г. было зафиксировано 36%, в 1917 г. - 41% , в 1921 г. - 34,3% безлошадных хозяйств. Эти и другие дворы, не имевшие вовсе или в недостаточном количестве лошадей, страдали и при вполне благоприятных средних данных.

В 1920 г. по сравнению с 1917 г. количество лошадей рабочего возраста сократилось на 18,4%. Наибольшее их число в расчете на 100 дес. пашни приходилось на северные и Моршанский уезды, в остальных либо соответствовало норме, либо было ниже. Однако предполагать, что одна лошадь в состоянии обработать 8,5 - 9 дес. пашни можно лишь при наличии достаточного количества кормов, т.к. напряженную работу лошадь должна была выполнять в течение 13 дней из 15-ти. Кормовая база 1920 г. несомненно отразилась на работоспособности лошадей. Поэтому справедливо будет считать, что сила рабочей лошади в 1920 г. составляла не более 75% от обычной. В таком случае на 100 дес. пашни потребовалось бы в северных уездах 14,6 лошади, а в центральных и южных - 15,4. Реальная же ситуация, сложившаяся в Лебедянском (13 лошадей), Козловском (12), Усманском (11), Борисоглебском (12), Кирсановском (13) уездах (41), свидетельствовала о недостатке рабочих лошадей для проведения всех необходимых полевых работ. Это подтверждается данными табл. 5.

Таблица 5

Количество десятин пашни, приходившееся на каждую лошадь старше 4-х лет⁴⁰

Уезды	Годы		
	1917	1920	1921
Северные	5,66	5,18	5,76
Центральные	7,46	7,49	10,16
Южные	7,73	8,70	12,39

Сделав поправку на пониженную работоспособность лошадей, получим, что на 100 дес. посева необходимо было иметь не менее 20 лошадей. В центральных и южных уездах при таких пересчетах ощущалась нехватка лошадей.

В следующем 1921 г.. ситуация ухудшилась, число рабочих лошадей сократилось еще на 13,2%. Более или менее благополучная картина сохранялась опять-таки в 4-х северных и Моршанском уездах, тогда как в большинстве других уездов, особенно в расчете на 100 дес пашни, лошадей было ниже принятой нормы. Все это не могло не сказаться на крестьянском производстве. А, учитывая еще более резкое сокращение поголовья молодняка, о перспективах скорого восстановления говорить не приходилось.

Менее всего сократилось поголовье коров, даже произошло их незначительное увеличение: в 1917 г. 442246 голов, в 1920 г. 452159. В расчете же на 100 душ населения в 1917 г. приходилось 12,2 коровы, в 1919 г. - 14,2 и в 1920 г. - 13,6⁴¹. Это связано с тем, что крестьянство отдавало предпочтение наиболее выгодным отраслям животноводства. В условиях неурожая и нехватки кормов все усилия хозяина были направлены на сохранение молочной коровы. Тем более, что до марта 1920 г. молоко не было монополизировано и крестьянин мог продавать его на рынке. В некоторых местах, прежде всего близких к городам, крестьяне, не видя экономической выгоды в расширении запашек, увеличивали число коров, которые давали продукт, быстро и выгодно реализовавшийся среди несельского населения.

Однако все сказанное не означало, что поголовье коров оставалось стабильным. Заметно сократился прирост молодняка: количество нетелей в возрасте до 1,5 лет с 1917 по 1920 гг. уменьшилось на 16,9%, а нетелей старше 1,5 лет - на 43,5%. Неурожай и недостаток кормов в 1920 г заставил крестьянство сократить поголовье коров за год 1920-1921 гг. на 7,6%, доведя его до 417572 голов весной 1921 г.⁴²

Наибольшим сокращением подвергся за этот период относительно "малогабаритный" скот, а, следовательно, более легко отчуждаемый при реквизициях и разверстке, чем крупный рогатый скот. Так, число взрослых овец и баранов сократилось с 1472662 голов в 1917 г. до 641546 в 1921 г. т.е. на 55%, а количество взрослых свиней - с 129817 голов в 1917 г. до 28273 в 1921 г, т.е. на 78%⁴³. Несколько увеличилось в этот период не имевшее ранее большого распространения в губернии поголовье коз, чему способствовал декрет СНК (март 1920 г.) "Об обязательной поставке скота на мясо", которым сдача коз не предусматривалась.

Важными факторами, влиявшим на крестьянское производство, являлись обработка земли и уход за посевами. Начавшийся в предвоенные годы процесс

обновления крестьянского инвентаря и распространения агрономических мероприятий был прерван войной и революцией.

Доля хозяйств, не имевших усовершенствованного инвентаря по данным переписи 1917 г., составляла 79,7%⁴⁴. В период гражданской войны положение еще более ухудшилось: если количество плугов и сеялок в крестьянских хозяйствах в 1917 г. принять за 100%, то в 1920 г. плугов осталось лишь 57%, сеялок - 42%, а в 1921 г. - соответственно 56% и 40%⁴⁵. Основная причина столь резкого сокращения - чрезмерная изношенность и практически полное отсутствие снабжения крестьянских хозяйств новым инвентарем. Происходило "вымывание" плуга и замена его сохой, были случаи продажи плуга из-за отсутствия достаточного количества рабочего скота.

Плужная обработка, как известно, находилась в тесной зависимости от наличия в хозяйстве двух и более лошадей, количество таких хозяйств заметно сократилось: если в 1912 г. в губернии 29,2% хозяйств имели двух и более лошадей, то в 1921 г, таких хозяйств насчитывался лишь 1%⁴⁶. Возвращение к первобытным орудиям - сохе и деревянной бороне влекло за собой существенное ухудшение обработки почв.

В связи с неурожаем, сокращением поголовья скота, унавоживание проводилось гораздо в меньших размерах, чем требовалось, что в свою очередь сказывалось и на урожаях и на поголовье скота. Получался замкнутый круг.

Ухудшение обработки земли и ухода за посевами в совокупности с неблагоприятными погодными условиями 1920 и 1921 гг. не могли не сказаться на урожайности крестьянских полей: она резко упала, особенно за два указанных года. Об этом свидетельствуют данные табл. 6.

Таблица 6

**Урожайность (сбор с 1 казенной десятины в пудах) основных культур в
крестьянских хозяйствах губернии⁴⁷**

Годы	Рожь		Овес		Просо		Картофель	
	Абс.	в %	Абс.	в %	Абс.	в %	Абс.	В %
1896-1910 в среднем за год	55,4	100	44,9	100	42,5	100	406,8	100
1917	41,3	75	24,7	55	38,1	90	367,5	90
1918	37,2	67	31,4	69	35,0	82	332,7	82
1919	42,4	77	49,2	110	60,8	143	Нет св.	Нет св.
1920	18,2	33	28,1	63	12,2	29	209,3	51

1921	14,9	26,9	16,4	36,5	12,2	29	230,8	56,7
------	------	------	------	------	------	----	-------	------

Соответственно сократились и валовые сборы основных хлебов в крестьянских хозяйствах, что показано в табл. 7.

Таблица 7

Валовые сборы в крестьянских хозяйствах губернии (в пудах)⁴⁸

Годы	Рожь		Овес	
	Абс.	в %	Абс.	в %
1906-1910 в среднем за год	60710900	100	38633200	100
1917	43456635	71,5	16531400	42,8
1920	14954159	26,4	4370400	11,3
1921	11753441	19,4	4007000	10,4

Для сравнения приведем такой факт. В 1913 году при валовом сборе ржи в губернии в 55574000 пудов было вывезено за пределы губернии 11024000 пудов (34), т.е. столько же, сколько было произведено в 1921 г. Исключив из валового сбора вывоз из губернии и необходимое количество семян для посева, увидим, что в 1913 г. для нужд местной промышленности, питания населения и корм скоту оставалось 34 млн. пудов ржи. Отняв от этой цифры 488359 пудов, использованных на винокуренных заводах, получим примерно 33 млн. пудов, израсходованных в 1913 г. в пределах губернии. Сравнивая эту цифру с валовыми сборами изучаемого периода, можно судить о том недостатке продовольствия, какой испытывала губерния.

Это обстоятельство не могло не отразиться на питании крестьянского населения; в сравнении с довоенным уровень питания заметно ухудшился. Мы располагаем результатами обследования питания сельского населения, проводившегося в 1915 и 1920-1921 гг. в Тамбовской губернии. Эти данные, хотя и приблизительно, дают следующую картину: в среднем в день на душу в 1915 г. приходилось 1,75 фунта печеного хлеба, в декабре 1920 г. - 1,29 фунта, в октябре 1921 г. этот показатель вырос до 1,42 фунта; более чем вдвое сократилось потребление молока - с 1,33 фунта в 1915 г. до 0,5 фунта в октябре 1921 г.; вдвое сократилось и без того незначительное потребление мяса: соответственно 0,13 фунта и 0,06. Доля картофеля в крестьянском рационе за этот же период возросла с 1,21 до 1,81 фунта. Практически неизменным оставалось лишь количество потребляемой крупы: 0,26 и 0,19 фунта⁴⁹.

В различных крестьянских группах потребление продуктов питания было неодинаковым, но в целом произошло ухудшение. В условиях же голода 1920 -1921 гг. в некоторых крестьянских семьях не было и этого. Приведем пример. В связи со сложившейся ситуацией Козловский исполком разослал в волости анкеты. Ниже приводятся выдержки из анкетного листа Староюрьевской волсовета, датированного 22 сентября 1921 г. Вопрос: "Наблюдается ли острая нужда или недоедание среди граждан волости?" Ответ: "Наблюдается в большинстве". Вопрос "Употребляются ли жителями вашей волости в пищу суррогаты хлеба и какие?" Ответ: "Употребляется в большом количестве просеянная мякина и лебеда в сушеном виде". Вопрос: "До какого времени большинство граждан вашей волости может прокормиться своим хлебом?" Ответ "До 1 января 1922 г." Вопрос: "Какое количество хлеба останется на едока у большинства граждан после уплаты продналога?" Ответ: "2 пуда". Вопрос: "Имеет ли место среди граждан волости сбор лебеды как запасов продовольствия?" Ответ. "Имеет место сборы лебеды".⁵⁰

Кризис крестьянского производства развивался на фоне усиливавшегося давления на крестьянство со стороны властей. Обширный многолюдный тамбовский край с плодородной землей и хлебным достатком всегда был источником людских и материальных ресурсов. В 1917-18 гг. государственные заготовки хлебофуража в Тамбовской губернии составили 8577 тыс. пудов. По данным ЦСУ излишки урожая 1918 г. составили 16157 тыс. пудов, а по разверстке было назначено 36000 тыс. Реально же заготовили 14017 тыс. пудов. Непомерно высокими оставались заготовки 1919-1920 гг. - 12250 тыс. пудов. Даже в засушливом 1920 г., когда 12-пудовый урожай ставил тамбовского крестьянина в безвыходное положение, разверстка была назначена в 11,5 млн. пудов; реально собрали 5305 тыс. пудов⁵¹.

Крестьянство в целом воспринимало разверстку как налог. Ему было только непонятно, почему этот налог требует от него больше хлеба, чем его имелось в наличии. Соглашаясь в основном с определенной заданностью обложения, крестьяне всячески требовали уменьшить его. Подливали масла в огонь методы проведения продовольственной политики. Утрачивая внутренние побудительные мотивы, крестьянство резко сокращало свое производство. Нужна была кардинальная смена политики.

В течение нескольких десятилетий историография тиражировала созданный властями миф о восстановлении довоенных посевных площадей под зерновыми культурами и разрешении на базе нэпа продовольственной проблемы. При этом

совершенно замалчивались факты массовых голодовок в 1923-1925 гг. в основных хлебопроизводящих районах, включая и Тамбовскую губернию.

Эта же мифология сохраняется и в некоторых публикациях последних лет. Так, в 1998 г. вышла в свет книга экономиста – аграрника А.Г. Белозерцева «Зерновое хозяйство России (1865 – 1997 гг.). Историко – экономический очерк», где по-прежнему утверждается, что «в годы нэпа зерновое производство восстанавливалось более быстрыми темпами, чем промышленность», «производство сельскохозяйственной продукции пошло в гору в 1921 – 1928 гг.», «увеличился доход хлебопашцев, во многих семьях на обеденном столе появился достаток» и т.д.⁵² Аналогичные суждения можно встретить и у других авторов⁵³. Практически не идёт и речи о внутренних кризисных явлениях в крестьянских хозяйствах и, как следствие, в зерновом производстве. Вообще в историографии проблемы, как правило, рассматриваются внешние факторы, влиявшие на крестьянское хозяйство: высокие налоги, природные явления и т.д., при этом в стороне остаются его внутренние проблемы. В этом плане выгодно отличается статья И.В. Кочеткова⁵⁴, в которой внесены коррективы в известные статистические показатели и проанализированы производительные силы крестьянского хозяйства.

В силу всего сказанного вопрос о состоянии производства зерна в период нэпа нуждается в новом освещении. Для этого необходимо выяснить масштабы голода 1923 – 1925 гг. и его связь с уровнем зернового производства; определить основные тенденции динамики производства зерна и её движущие силы.

В условиях хозяйственной разрухи отмена продовольственной развёрстки, означавшая признание за крестьянами права свободного распоряжения производимыми ими продуктами, не была и не могла быть полной. В продовольственном налоге, сохранявшемся до 1923 г. сохранялось немало от продразвёрстки. По сравнению с продразвёрсткой продналог с самого начала был весьма умеренным, тем не менее для разорённой, жившей впроголодь деревни, его взимание было тяжким бременем. Переход к единому сельскохозяйственному налогу на 1923/24 хозяйственный год, ознаменовавшийся значительными скидками для неимущих слоёв деревни, явился крупным шагом на пути к нэпу. Налог был действительно облегчён, однако для деревни он оставался непосильным. При этом необходимо учесть, что и продналог и единый сельскохозяйственный налог были единственным источником не только для восстановления, но и существования страны. Налог, в то же время, был существенным внешним фактором, влиявшим на состояние и развитие крестьянских хозяйств, их производительных сил. Налоговое обложение и неэквивалентный обмен – два основных

канала выкачивания средств из крестьянских хозяйств – оставались главной проблемой в отношениях между городом и деревней. Оба названных фактора играли не малую роль в воспроизводстве и распространении ситуации голода.

В литературе неоднократно рассматривалась тема голода 1921/22 г. и его последствий. Однако ситуация складывавшаяся в тамбовской деревне в 1923 – 1925 гг. разработана слабо. Опубликованные в последние годы в последние годы сводки ОГПУ⁵⁵ значительно дополняют её и дают возможность реально оценить положение в тамбовской деревне.

В сводке от 30 апреля 1923 г., когда полным ходом шла посевная кампания, отмечалось, что в губернии во многих местах крестьяне употребляли в пищу суррогаты из-за полного отсутствия хлеба; острый недостаток посевного материала приводил к тому, что продавали домашний скарб для приобретения семян⁵⁶.

В конце июля 1923 г. нарком земледелия РСФСР Свицерский в письме заместителю председателя Совнаркома Цюрупе перечислял районы, включая Тамбовскую губернию, в которых очередной неурожаем остро поставил вопрос о существовании крестьянских хозяйств⁵⁷.

Осенью к сообщениям о голоде, употреблении в пищу суррогатов добавляется острое недовольство сельскохозяйственным налогом. Как и предполагалось ранее, зимой запасы иссякли. Сводка от 18 февраля 1924 г. отметила наступивший голод в губернии и на почве последнего массовую продажу скота и инвентаря⁵⁸.

Весна и лето 1924 г. облегчения не принесли, наоборот, лето оказалось ещё более засушливым, особенно пострадали южные уезды. Всего в Тамбовской губернии погибло 60% яровых и 52,5% озимых посевов. Чистый сбор зерновых составил по губернии 8,9пуда на душу сельского населения. «Таким образом, - говорилось в сообщении ОГПУ, - от продукции полеводства население не только не будет иметь товарных излишков, но даже не сможет в полной мере покрыть свои продовольственные потребности»⁵⁹.

Зимой 1925 г. во многих уездах для уплаты сельскохозяйственного налога крестьяне продавали скот, «даже последних рабочих лошадей», более третьей части хозяйств не имела корма для скота⁶⁰.

Голод достиг апогея весной – летом 1925 г. Сводки ОГПУ отмечали, что более половины сельского населения губернии употребляет в пищу разные суррогаты, питается травой, в пищу шёл падший скот⁶¹. Имели место случаи голодных смертей, опухания⁶².

Из - за повторявшихся голодовок наблюдалось стремление выехать в Сибирь, на отхожие промыслы в другие районы страны. Это подтверждается и официальными статистическими данными: доля выселившихся и ликвидировавшихся хозяйств составляла в 1922 г. 2%, в 1923 г. – 2%, в 1924 г. – 2,4%, в 1925 г. – 3,4%, в 1926 г. – 2,5%⁶³.

Как видим, есть все основания утверждать, что в Тамбовской губернии в 1923, 1924 и 1925 гг. наблюдался массовый голод сельского населения, вполне сравнимый по своим масштабам с голодом 1921/22г.

Каковы же были основные показатели производства хлебов в годы нэпа? Данные о состоянии посевных площадей под главными зерновыми культурами (рожь, овёс, просо, ячмень) в губернии могут быть представлены следующим образом⁶⁴:

Годы	1917	1920	1923	1924	1925	1926	1927
Площадь посевов (тыс.дес.)	1678	1219	1472	1467	1439	1475	1523

При всём известном стремлении крестьян предреволюционный уровень площади посевов так и не был достигнут. Кроме того, с связи с засухой, весьма значительны были потери как озимых, так и яровых посевов. В относительно благополучном 1923 г. они составили 63 тыс. десятин, в 1924 г. – 343 тыс., в 1925 г. – 419 тыс.⁶⁵

Состав посевных площадей под главными продовольственными культурами практически не изменился по сравнению с предреволюционным временем (в 1917 г. – 47,4% площади всех посевов), составив 48,6% в 1920 г. – максимальная доля – и 40,2% в 1925 г. – минимальная доля⁶⁶. В связи с этим возможно говорить о стагнации посевных площадей под зерновыми на предреволюционном уровне

Урожайность зерновых культур в крестьянских хозяйствах никогда не отличалась стабильностью и оставалась в основном на низком уровне. Так, урожайность ржи в довоенное и военное время составляла (пудов с десятины): 1912 г. – 62,0; 1913 г. – 34,8; 1914 г. – 50,0; 1915 г. – 62,3 ; 1916 г. – 62,8; 1917 г. – 41,7⁶⁷. Самый низкий показатель получен в неблагоприятном в климатическом отношении 1913 г. В 20-е гг. даже таких результатов достигнуто не было: в 1923 г. – 25,3; в 1924 г. – 26,4; в 1925 г. – 14,4⁶⁸. Характерно, что в 1926 – 1928 гг. в официальных отчётах партийных и советских органов губернии данные об урожайности и валовых сборах зерновых не приводилось.

Произошло резкое сокращение посевов кормовых хлебов. Особенно это характерно для начала 20-х гг.: если в 1917 г. площадь посевов под овсом составляла

26,5% от общей посевной площади, то в 1920 г. – лишь 8,9%; в 1922 г. – 9,6%⁶⁹. Представляется, что именно по этой причине власти при характеристике фуражного баланса предпочитали говорить лишь о заготовках сена и соломы, но даже и их не хватало: так в 1924 г. недостаток соломы составлял 11 млн. пудов, сена – 28,2 тыс. пудов⁷⁰. Даже в конце изучаемого периода не удалось достичь дореволюционного уровня посевной площади под овсом: в 1927 г. она составила лишь 20% от всей посевной площади губернии. Низкой оставалась и урожайность овса: 1923 г. – 42,5 пуда с дес.; 1924 г. – 8,9; 1925 г. – 67,9⁷¹. Приведённые данные показывают явное отставание производства кормовых хлебов по сравнению с продовольственными, что, естественно, тормозило восстановление численности лошадей.

Валовая продукция зерновых культур составила (тысяч пудов):

1913 г. – 84762; 1922/23 г. – 83564; 1923/24 г. – 60107; 1924/25 г. – 36576; 1925/26 г. – 77147; 1926/27 г. – 72361⁷². Как видим, даже в относительно благополучные 1925/26 и 1926/27 гг. прирост был весьма скромным: производство зерна на душу сельского населения в 1925/26 г. составляло всего 30,6 пуда, включая затраты на семена и т.д. Последний показатель даёт представление о возможном уровне потребления хлебопродуктов сельским населением в 20-е г

Как и прежде, основное количество потреблённых калорий во всех группах составляли калории, полученные от растительных продуктов, в первую очередь от хлеба. Так, в 1921/22 г. их доля составила 92,7%, в 1922/23 г. – 93,3%, в 1923/24 г. – 87,8%, в 1924/25 г. – 90,6% и т.д. Потребление продуктов животного происхождения в крестьянских семьях было крайне незначительно. Их доля в среднеспособном рационе колебалась от 6,7% в 1922/23 г. до 12,2% в 1924/25 г. Наличие скота и птицы в хозяйстве не гарантировало того, что эти продукты попадут на стол крестьянской семьи. Наряду с продуктами земледелия значительная часть мяса, яиц, молочных продуктов шла на продажу, пополняя деньгами крестьянский бюджет. Физиологическая норма производственного потребления хлебных продуктов в 1920-е гг. для крестьян определялась в 22 – 23 пуда на душу в год. Реально же в Тамбовской губернии среднедушевое потребление хлеба сельским населением колебалось от 7,7пуда в 1921/22 г. до 13,4пуда в 1924/25 году⁷³. В среднем же в 20-е гг. душевое потребление хлеба составило 11,4пуда, что едва дотягивало до половины обоснованной нормы. Роста крестьянского потребления хлеба в годы нэпа не наблюдалось, правильнее говорить о голодном и полуголодном существовании производителей хлеба.

В чем же состояла причина данного кризиса? Кроме уже отмеченных внешних факторов попытаемся разобраться во внутренних закономерностях развития крестьянских хозяйств в 20-е гг.

Мелкое крестьянское хозяйство 1920-х гг. почти полностью основывалось на применении ручного труда. Рабочая сила человека являлась главной производительной силой крестьянского хозяйства, определявшей низкий уровень развития сельскохозяйственного производства. Затраты живого труда в производстве хлебов намного превышали материальные издержки. Ручной труд играл преобладающую роль в производстве всех сельскохозяйственных культур.

Сельскохозяйственные орудия и машины, постоянное совершенствование и расширение употребления которых является решающим средством подъема производительности труда, играли совершенно недостаточную роль в производстве сельскохозяйственной продукции. По данным обследования крестьянских бюджетов 1925/26 гг. в Тамбовской губернии на долю сельскохозяйственного инвентаря из всей стоимости имущества приходилось в хозяйствах с посевом до 4 дес. 5,6%; от 4 до 8 дес. 9,6%; свыше 8 дес. – 12,7%⁷⁴. Как видим, удельный вес простейшей техники в производстве сельскохозяйственных культур был мизерным. Затраты живого труда крестьянина и его семьи в десятки раз превышали затраты труда, овеществлённого в технике.

Заметные сдвиги произошли в обеспечении сельского хозяйства машинами и орудиями после принятия ВЦИК и СНК РСФСР в 1925 г. постановления «О мерах восстановления Центрально – Черноземных губерний в хозяйственном и культурном отношении», на основе которого крестьянство начало ежегодно получать в бюджетном и кредитном порядке большие суммы денег, которые были использованы для укрепления в основном бедняцких и середняцких хозяйств на льготных условиях, а также для развития сельскохозяйственных кооперативов. Так, в 1925/26 г. в сельское хозяйство губернии было направлено кредита и бюджетных ассигнований 4 млн. руб.; в 1926/27 г. – 6,6 млн. руб.; в 1927/28 г. – 7,4 млн. руб.⁷⁵ Однако несмотря на весьма значительные затраты в целом крестьянское хозяйство было оснащено в техническом отношении крайне низко. Так, в 1928 г. в среднем по губернии на 1 соху приходилось лишь 0,58 плуга; на 1 октября 1928 г. в Тамбовском округе насчитывалось 385 тракторов, в Козловском – 240, в Борисоглебском – 606⁷⁶. При условии, что все трактора работают с полной нагрузкой (150 га за сезон), они смогли бы обработать лишь 3,2% имевшейся пашни. Видно абсолютное преобладание ручного труда.

Соотношение ручного и машинного труда всегда служит важнейшим показателем развития производительных сил. Оно определяет возможности производства, уровень производительности труда. Крестьянское земледельческое производство в годы нэпа свидетельствовало о крайней примитивности сельскохозяйственной техники и о необеспеченности ею крестьянского хозяйства. Поэтому низкая производительность и товарность хозяйства были неизбежными при такой организации производства, когда основой его являлся ручной труд. Это обстоятельство ставило чрезвычайно узкие рамки для развития сельскохозяйственного производства. В массе крестьянских хозяйств сохранялось подавляющее господство естественных производительных сил. В сочетании с семейным трудом эти черты обуславливали относительную устойчивость крестьянского хозяйства и, одновременно, - застойность, низкий уровень производительности труда, незначительность расширенного производства.

Как известно, экономический рост (т.е. расширенное воспроизводство) при неизменной технологии предполагает, что на каждом новом производственном цикле в процесс вовлекается дополнительное количество материальных ресурсов, созданных, но не потреблённых в предыдущих циклах. Иными словами, расширенное воспроизводство невозможно без накопления.

Зерновое производство крестьянских хозяйств полностью соответствовало указанной модели: не менявшиеся на протяжении многих десятилетий способы и орудия обработки земли и ухода за посевами сохранялись и в 20 – е гг. В традиционном крестьянском хозяйстве основную роль играли, как уже отмечалось, средства производства естественного происхождения, прежде всего, лошадь как главный источник двигательной энергии. Количество и качество лошадиных сил определяли степень интенсивности и производительность человеческого труда. Вот почему важнейшим показателем производственного накопления в крестьянском хозяйстве является количество рабочего скота в расчёте на одного работника.

В течение всего изучаемого периода этот показатель демонстрировал отрицательную динамику. А это означало, что к моменту перехода к нэпу крестьянская экономика не только не накопила дополнительный энергетический потенциал, необходимый для ускоренного восстановительного роста, но и потеряла часть потенциала, созданного до революции.

В 20-е гг. в Тамбовской губернии произошло резкое сокращение поголовья лошадей, особенно рабочего возраста, в крестьянских хозяйствах, которое продолжалось вплоть до 1925 г.(242847 голов против 387139 в 1917 г.)⁷⁷, после чего

началось медленное увеличение его, однако и в 1927 г. достичь дореволюционного уровня не удалось (296288 голов)⁷⁸. Более половины хозяйств не имела рабочего скота вовсе: в 1923 г. – 53,5%; в 1924 г. – 52,7%; в 1925 г. – 54,7%; в 1926 г. – 52,3% и лишь в 1927 г. – 48,2%⁷⁹. В создавшейся ситуации произошло сокращение количества лошадей рабочего возраста, приходившегося на 100 десятин посева: в 1917 г. – 21,8 лошади; в 1920 г. – 21,1; в 1923 г. – 14,5; в 1925 г. – 14,1; в 1926 г. – 14,9⁸⁰. (Вспомним расчеты А.Н. Челинцева). Недостаток рабочего скота можно было отчасти компенсировать, увеличивая на него нагрузку. В трудные времена крестьяне всегда так поступали. Но поднимать эту нагрузку без дополнительных затрат можно было только до определённого уровня, дальнейшее увеличение эксплуатации лошадей требовало соответствующих затрат на уход и кормление, а таких возможностей у крестьян не было.

Объективно оценивая положение дел в сельском хозяйстве, июльский(1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) совершенно справедливо отметил: «Из всех отраслей сельского хозяйства зерновое хозяйство является наиболее отсталым как в смысле его производительности (урожайности), так и в смысле его товарности⁸¹.

Таким образом, к моменту перехода от войны к миру мелкокрестьянское зерновое хозяйство не располагало потенциалом, необходимым для начала восстановительного процесса. В течение 20-х гг. производственный потенциал крестьянских хозяйств вырос крайне мало. Обеспеченность человеческого труда рабочим скотом значительно отставала от дореволюционного уровня. Поскольку, как уже отмечалось, именно этот показатель наилучшим образом характеризует потенциал увеличения производительности труда в крестьянской экономике, можно утверждать, что довоенная производительность труда в зерновом производстве Тамбовской губернии в 20 – гг. была, при сохранении господства мелкокрестьянского производства, недостижима. Падение производительности труда не восполнялось и приростом численности трудоспособного сельского населения. Как видим, очевидным был факт кризиса зернового производства в годы нэпа, который проявился в стагнации посевных площадей под зерновыми культурами, в отсутствии в крестьянских хозяйствах производственных возможностей для удовлетворения собственных нужд (не говоря о потребностях города, промышленности и т.д.) и в неспособности достижения даже дореволюционного уровня.

Подведу итоги. Начиная с 1880-х гг., в связи с резким ростом населения в тамбовской деревне обострился земельный вопрос. Растущая нехватка земли заставляла крестьян искать источники расширения своего землепользования. При

сохранявшейся неравномерности в распределении наделных земель у бывших частновладельческих и государственных крестьян размеры душевых наделов сокращались. Общее увеличение площади крестьянского землепользования и землевладения (за счет аренды, купчих земель) в начале XX в. в сравнении с другими категориями владельцев земли, не решая проблемы земельного голода, делало крестьянское хозяйство основным поставщиком сельскохозяйственной продукции.

На рубеже XIX – XX вв. в крестьянских хозяйствах только началось использование улучшенных сельскохозяйственных орудий и машин. К началу мировой войны в этом деле были достигнуты определенные успехи. И это при том, что не всякий двор мог себе позволить приобретение того или иного орудия, не говоря о машине; да и уровень крестьянских знаний не всегда позволял умело обращаться с техникой.

Аграрный капитализм под сильным давлением остатков крепостной поры с большим трудом пробивал себе дорогу. Под влиянием развития капитализма началась модернизация приемов крестьянского земледелия. Следствием ориентации известной доли крестьянских хозяйств на рынок являлось расширение в начале XX в. посевов технических культур.

Все названные процессы протекали в рамках общинного землевладения и землепользования. Не меняя своей принципиальной сущности, община под влиянием внешних условий проявила способность приспосабливаться к ним. Исходя из необходимости выживания, община отреагировала на развитие рыночных отношений попытками модернизировать хозяйства: предпринимались шаги по смягчению последствий чересполосицы, внедрялись травосеяние и многопольные севообороты, применялись различные агротехнические мероприятия и т. д. В результате росли показатели сельскохозяйственного производства, товарность хозяйств.

Годы аграрной революции (1917-1921 гг.) оказали глубокое воздействие на судьбу крестьянского хозяйства. Уравнительное перераспределение земли и ежегодные внутринадельные переделы, не решив проблемы земельного голода, сохраняли и углубляли неустойчивость крестьянского землепользования. Традиционное вмешательство государства выразилось в чрезмерной регламентации хозяйственной деятельности крестьян. Существенно выросло бремя натуральных повинностей и продразверстки. Сказывались и негативные последствия первой попытки социалистической перестройки сельского хозяйства. Неокрепшие ростки рыночно - ориентированных хозяйств были уничтожены. Основная масса крестьянских хозяйств замыкались рамками натурального производства. В целом события аграрной

революции отбросили крестьянское хозяйство губернии на уровень 1880-х гг., и в этом плане можно говорить об архаизации хозяйства.

Безусловно доза частной инициативы и конкуренции, допущенные большевиками перед лицом голода и страха потери власти, оказались достаточными для налаживания элементарных основ хозяйственного быта. Неравноценное, но все же сотрудничество государства с частным хозяйством базировалось на хозяйственной устойчивости мелкого крестьянского производства, его тяги к труду, способности к экономии. Однако и его возможности были не беспредельными. Восстановительный процесс носил частичный и ущербный характер из-за измельчания и низкой доходности крестьянских хозяйств, падения их денежности и доходности. Росли аграрное перенаселение, малоземелье и деревенская безработица, усилился натурально-потребительский тип крестьянских хозяйств и резко сократился производящий, рыночный.

Таким образом, к концу изучаемого периода крестьянское хозяйство, несмотря на крайнее напряжение собственных сил, находилось в состоянии стагнации, застоя, носило в целом натуральный характер. Крестьянскому хозяйству нужна была реальная помощь время. Взяв курс на сплошную коллективизацию, руководство страны отчетливо оценивало ситуацию, сложившуюся в крестьянском хозяйстве, но избрали именно этот радикальный путь преобразования последнего.

Примечания

¹Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р.-761. Оп. 1. Д. 185. Л. 11 об., 14 об.

²См.: 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области: Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997. С. 17, 27

³См.: Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 399

⁴Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. СПб., 1871. С. 229

⁵См.: Аврех.А.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Мизис Ю.А., Протасов Л.Г. Формирование и развитие сети сельских населенных пунктов(СНП) Тамбовской области (XVII – XX вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 10

⁶См.: «И пыль веков от хартий отряхнув...»: Хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 131

- ⁷ГАТО. Ф.Р.-761. Оп. 1. Д. 185. Л. 11 об., 14 об.
- ⁸Рассчитано по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. См.: ГАТО. Ф. 143
- ⁹Статистика землевладения. Вып. 20. Тамбовская губерния. СПб., 1906. С. 125
- ¹⁰См.: Тарасюк Д.М. Поземельная собственность пореформенной России. М., 1981. С. 128
- ¹¹Статистика землевладения... С. 29
- ¹²Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 2. Д. 232. Л. 36
- ¹³Статистика землевладения... С. 37
- ¹⁴См.: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 314
- ¹⁵Челинцев А.Н. Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно – агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков, 1919. С. 42
- ¹⁶РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 237. Л. 13
- ¹⁷См.: Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 324, 325
- ¹⁸Там же
- ¹⁹Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. Тамбовская губерния. Губернская сводка данных. Население. Скот. Посевы. Тамбов, 1916
- ²⁰Челинцев А.Н. Указ. соч. С. 43, 46
- ²¹Там же. С. 50
- ²²Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С.59.
- ²³ Там же. С.60
- ²⁴РГАЭ. Ф.478. Оп.2.д. 232. Л.36.
- ²⁵ ГАТО. Ф.Р.-761. Оп.1. Д.161. Л. 37 об.
- ²⁶ Там же. Д. 185а. Л. 20.
- ²⁷ Вебер К.К. Очерк сельского хозяйства Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С.45.
- ²⁸ ГАТО.Ф.Р.-761. Оп.1.Д. 162. Л.1-2.
- ²⁹ Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1925. С. 114-115.
- ³⁰ Там же. С. 116.
- ³¹ Там же. С. 110.
- ³² Там же. С.116.

- ³³ГАТО.Ф.Р.-761.Оп.2.Д. 299.Л.6-7; Статистический справочник... С. 111,116.
- ³⁴ Статистический справочник... С. 111,116.
- ³⁵Вебер К.К. Указ. Соч. С.47,
- ³⁶Челинцев А.Н. Указ. Соч. С.215-216.
- ³⁷ Вихляев П.А. Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. Вып.1.М.1912; Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С.320-326.
- ³⁸Сборник очерков... С.66-67.
- ³⁹ Там же. С.68.
- ⁴⁰ Вебер К.К. Указ. соч.12.
- ⁴¹Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С.50.
- ⁴²Поездные итоги весеннего выборочного обследования крестьянского хозяйства Тамбовской губернии в 1921 году. Вып. 1. Тамбов, 1921. С.8; Вебер К.К. Указ. соч. С.47.
- ⁴³Вебер К.К. Указ. соч.47.
- ⁴⁴РГАЭ. Ф.478. Оп.2. Д.237. Л.26.
- ⁴⁵Там же. Л.27.
- ⁴⁶Там же. Л.28.
- ⁴⁷ГАТО.Ф.Р.-761. Оп.1. Д. 162 .Л.1; Сборник очерков...С.164.
- ⁴⁸РГАЭ.Ф.478. Оп.2 Д. 237. Л.13,14об.-15.
- ⁴⁹См.: Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро(далее – Бюллетень ГСБ). 1923. №1. С.56
- ⁵⁰ ГАТО. Ф.Р.- 149. Оп. 1. Д. 1255. ЛЛ. 34 - 34 об.
- ⁵¹Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. "Антоновщина" Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 10; Сборник очерков... С.164-165.
- ⁵²Белозерцев А.Г. Зерновое хозяйство России (1865 – 1997 гг.). Историко – экономический очерк. М. 1998. С. 47 – 49
- ⁵³Белусов Р.А. Экономическая история России: XX век. Кн. 2. М. 2000 С. 331 – 340
- ⁵⁴Кочетков И.В. Зерновое производство в годы нэпе: действительность и возможности// Экономическая история России XIX – XX вв.: современный взгляд / Под ред. В.А. Виноградова. М., 2000

- ⁵⁵ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы / Под ред. А. Береловича и В. Данилова. Т. 2. М., 2000
- ⁵⁶ Там же. С. 101
- ⁵⁷ Кочетков И.В. Указ. соч. С. 94
- ⁵⁸ Советская деревня... С. 182
- ⁵⁹ Кочетков И.В. Указ. соч. С. 96
- ⁶⁰ Советская деревня... С. 282, 283
- ⁶¹ Там же. С. 317
- ⁶² Там же
- ⁶³ Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 82
- ⁶⁴ Краткий статистический справочник... С. 60-61
- ⁶⁵ См.: Отчёт Тамбовского губкома РКП(б) XVII – й губернской партийной конференции. Тамбов, 1925. С. 7
- ⁶⁶ Краткий статистический справочник... С. 62-63
- ⁶⁷ См.: Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века. Тамбов, 1998. С. 19
- ⁶⁸ См.: Отчёт Тамбовского губкома РКП(б)... С. 8
- ⁶⁹ Краткий статистический справочник... С. 62
- ⁷⁰ Отчёт Тамбовского губкома РКП(б)... С.8
- ⁷¹ Там же
- ⁷² Краткий статистический справочник... С. 85
- ⁷³ Там же. С. 98-99
- ⁷⁴ Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов. 1927. С. 90-91
- ⁷⁵ Коммунист. 1927. № 18. С. 17
- ⁷⁶ Центрально – Черноземная область. Справочная книга. Под ред. Алексева В., Малаховского Е., Швера А. С. 159-160
- ⁷⁷ Краткий статистический справочник... С. 66
- ⁷⁸ Там же
- ⁷⁹ Там же. С. 78; Отчёт Тамбовского губкома ВКП(б) XIX губернской партийной конференции. С. 15
- ⁸⁰ Там же. С. 59
- ⁸¹ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 349

Характер и культура труда колхозного крестьянства в 1930-е годы (на примере Европейского Севера России)

Как известно, важнейшую часть крестьянской жизни составляет труд на земле и все, что с ним связано. Не было это исключением и для колхозного крестьянства, которое с начала 1930-х гг. стало преобладающей частью деревенского населения, и доля его все возрастала, пока к концу этого решающего для российской деревни десятилетия не составила 93% всех сельских жителей. Каков был характер труда, формы его организации, оплата и отношение крестьян к труду, его предметам, орудиям и результатам? Что появилось нового, а что осталось прежним в культуре крестьянского труда в период существования колхозного строя в СССР? Без ответа на эти вопросы невозможно описать феномен советского колхозника, который пришел на смену российскому крестьянину, просуществовал почти полвека — до конца 1980-х гг. и черты которого все еще просматриваются в характере сельского населения современной России.

В то же время описать феномен советского колхозного крестьянства, невозможно, не пытаясь рассмотреть его через призму культуры традиционного аграрного общества, которое государство буквально «втаскивало» в индустриальное. В этой связи важно выявить черты традиционной культуры, сохранявшиеся в коллективизированной деревне, и то новое, что принесла модернизация. Необходимо определить соотношение «старого» и «нового» в культуре крестьянства, показать, как новации «приживались» на традиционной почве деревни и что от подобной «прививки» получилось. Возможно, в таком случае удастся получить ответы на многие вопросы, например, ответ на вопрос, почему оснащение сельского хозяйства новой техникой и внедрение новейших приемов сельскохозяйственного производства, не привели к кардинальному подъему производительности труда в аграрном секторе. Или, может быть станет понятным, наконец, почему и в 1930-е, и в 1980-е годы трактористы только весной начинали «откапывать» прицепные орудия к своим тракторам из-под снега, а тонны минеральных удобрений, уже оплаченных сельскохозяйственными предприятиями, годами

бесполезно мокли под дождем и снегом, загрязняя окружающую среду. Осознавая глобальность подобной задачи, ограничимся более частным вопросом — проблемой крестьянского труда в колхозной деревне.

На наш взгляд, было бы целесообразно использовать применительно к истории колхозного крестьянства понятие «**культура труда**». Среди историков культуры и этнографов обычно принято говорить о «земледельческой культуре» или «аграрной культуре» крестьянства, под которой обычно понимается определенный уровень развития агротехники, набор и специфика сельскохозяйственных орудий, выбор системы земледелия, основных сельскохозяйственных культур и пород скота, наличие природоохранных мероприятий и т.д. Социологи сосредотачивают свое внимание на проблеме трудовых ценностей современного населения России ¹. **Культура крестьянского труда** — понятие комплексное и пока еще не до конца осмысленное. Однако уже сейчас можно сказать, что оно включает в себя формы и способы осуществления трудовой деятельности в сельскохозяйственном производстве, характеризующиеся, прежде всего, определенным отношением к самому процессу труда, и предполагающие определенный набор мотивов и стимулов к труду, а также наличие определенных традиций трудовой деятельности. Можно определить **культуру труда** и как отношения, складывающиеся в процессе труда между людьми, а также между людьми, с одной стороны, предметом, средствами и результатами труда, с другой. Культура крестьянского труда является составной частью общей **культуры хозяйствования на земле**.

Советская историография, уделяя большое внимание количественным характеристикам производительных сил деревни, часто «забывала» о людях в процессе производства и об отношениях, возникавших между ними в процессе трудовой деятельности. Следует также присоединиться к мнению Ш.Фицпатрик, указавшей, что история деревни **после** коллективизации одна из наименее изученных проблем, как в советской, так и в зарубежной историографии². Современные российские историки, занимающиеся проблемами крестьянства 1930-х гг. сосредоточились, главным образом, или на исследовании процесса коллективизации во всех ее проявлениях и последствиях, или занимаются изучением основных параметров колхозного крестьянства, расширяя, правда, границы своего поиска. Особенно ярко это проявляется на подходе региональных историков. Так, в сферу их внимания попадают повинности крестьянства, хозяйство колхозного двора, социальные аспекты существования деревни, сопротивление крестьянства государственной политике и другие сюжеты, которые до этого считались неактуальными³. На этом фоне привлекает

внимание работа Ш.Фицпатрик «Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня», вышедшая в 1994 году в Нью-Йорке и Оксфорде, а в 2001 г. на русском языке в России, где, наконец, главным действующим лицом оказалось не государство, а колхозник. Один из параграфов пятой главы исследования Ш.Фицпатрик называется «Труд и заработная плата», что очень созвучно проблеме настоящего доклада. В целом же, следует признать, что вопросы труда в колхозной деревне в современной литературе изучены недостаточно.

Рассмотрение вопросов, связанных с культурой труда в колхозной деревне, логично начать с колхозов, сложившихся еще во второй половине 1920-х гг., когда они еще не были массовым явлением, но шло активное их создание, причем, как правило, на добровольных началах. В это время колхозы стали своего рода испытательным полигоном, где отработывались многие параметры будущей модели коллективных хозяйств. К концу 1930-х гг. колхозный строй оформился в своих основных чертах, что предопределяет верхнюю границу исследования.

Основу источниковой базы настоящего исследования составила **делопроизводственная документация** советских и партийных органов. Особо хотелось бы среди этого вида источников отметить документацию местных (губерния, округ, край) отделений Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин): материалы обследования колхозов и колхозного строительства в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (*программы и акты обследований колхозов, различные справки, докладные записки и т.д.*). Не меньшую информационную ценность представляют документы сельскохозяйственных отделов краевого (областного) комитетов ВКП(б) (*справки, докладные записки, информации и т.д.*). Общим для этих групп документов является, во-первых, личное знакомство их составителей (инспекторов Рабкрин, инструкторов сельхозотделов, уполномоченных Облисполкома и Обкома ВКП(б) по разным сельскохозяйственным кампаниям) с положением дел в колхозах, что делает их наблюдения и выводы достаточно достоверными. Во-вторых, эти документы, имеют синтетический характер, т.к. их авторы помимо личных наблюдений пользовались информацией, исходившей из разных советских и партийных структур: земельных, финансовых, плановых органов, органов народно-хозяйственного учета, районных партийных комитетов и др. Тщательное изучение названной группы документов позволяет составить представление о советской деревне 1930-х гг., весьма существенно отличающееся от той лаковой картины (по словам Ш.Фицпатрик — «потемкинской»), которую нам дает советская историография и официальные источники — периодическая печать и справочные статистические издания тех лет.

По мнению Ш.Фицпатрик, поведение российских крестьян после коллективизации зачастую принимало формы «повседневного сопротивления», обычные для **подневольного и принудительного труда** (Подчеркнуто — М.Г.) во всем мире: работа спустя рукава, непонимание получаемых распоряжений, безынициативность, мелкое воровство, невыходы в поле по утрам и т.д.⁴ Все эти признаки подневольного, принудительного труда, безусловно, можно увидеть и северной деревне в 1930-е гг. В то же время, несомненно, и наличие специфических черт в трудовом поведении колхозного крестьянства в этот период. Рассмотрим некоторые из них.

Продолжительность рабочего дня в первых коллективных хозяйствах, созданных в 1920-е гг. на добровольной основе, была различной и зависела от времени года. Предполагалось, что в среднем она составляет 8 часов в день, в летнее время — доходит до 10-12 часов, зимой — 6-8 часов. Но обычно колхозники следовали правилам: «сколько поработается», «работаем по возможности», «у нас как в коммуне: от каждого — по способностям, каждому — по потребностям»⁵. В целом, можно сказать, что рабочий день в первых коллективных хозяйствах не был строго регламентирован, колхозников никто не обязывал приходить к точно установленному времени, как никто не контролировал и время завершения работ.

К концу 1930-х гг. в этом отношении мало что изменилось. Как свидетельствуют материалы инструкторских проверок, колхозники оставались также вольны в вопросе о начале своего трудового дня в колхозе и его продолжительности. Более того, колхозники могли прерывать его на достаточно длительный срок или вообще не выходить на общественные работы, если того требовали какие-либо семейные или хозяйственные нужды. При этом в колхозах обычно существовал принятый на общем собрании распорядок дня, согласно которому, например, рабочий день летом должен был начинаться в 6 часов утра и продолжаться до 8 часов вечера. Однако этот распорядок нарушался практически повсеместно. Как неоднократно отмечали в своих докладных записках инструкторы сельхозотдела Вологодского обкома ВКП(б), в конце 1930-х гг. в редких колхозах рабочий день в страдную пору начинался раньше 8-9 часов утра⁶. Колхозники обычно выходили на общественные работы только после того, как «обрядятся» в своих личных хозяйствах⁷. В отдельных колхозах или в отдельные дни рабочий день мог начинаться и того позже — в 10-12 часов⁸. К вечерней дойке домашнего скота (5-6 часов вечера) работа на общественных полях обычно завершалась⁹. В некоторых колхозах рабочий день летом завершался раньше — в 15-16 часов¹⁰. Все это свидетельствует о том, что при установлении распорядка дня

колхозники руководствовались скорее привычкой и традицией, собственным разумением и приоритетами, нежели уставными нормами или призывами, раздававшимися со страниц газет. При этом нежелание колхозников выходить на работу в четко установленные часы и выдерживать строгий график работ можно рассматривать не только как сопротивление «казарменным» порядкам, но и как отсутствие привычки к дисциплине как таковой. Об этом же свидетельствует, например, история партизанского движения в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Также необходимо подчеркнуть и возникшее у колхозного крестьянства болезненное раздвоение ранее циклически целостного времени на *время-труда-для себя* и *время-труда-на-колхоз*, характерное для крепостного состояния¹¹. Это тем более показательно для Европейского Севера, который практически не знал крепостного состояния. Это подтверждает наблюдение В.Магуна о том, что трудовые ценности не являются неизменными, что они меняются даже на сравнительно коротком промежутке времени — правда, в том случае, когда этот промежуток насыщен важными социальными событиями¹².

Разумеется, было бы несправедливым огульно обвинять всех колхозников в «нерадивом» отношении к труду в колхозе, тем более, что у них были для этого свои основания. Одним из показателей «ударного», «стахановского» труда как раз и был продолжительный и напряженный рабочий день — «от темна до темна»¹³.

Причины для преждевременного завершения рабочего дня в колхозе могли быть самые разные. Одна из наиболее частых причин — употребление спиртных напитков в рабочее время мужской частью населения деревни¹⁴.

Завоз в сельский магазин хлеба, «мануфактуры» или других промышленных товаров и сразу же выстраивавшиеся за ними очереди, становились причиной для преждевременного завершения общественных работ или прогулов уже со стороны женской части трудоспособного населения¹⁵. Поездки колхозников на рынок, который обычно располагался в райцентре на значительном расстоянии от колхоза, для продажи товаров своего хозяйства также становились причинами прогулов¹⁶.

Одной из характерных для Севера причин прогулов среди колхозников был сбор ягод и грибов — традиционный для северного региона источник пополнения семейного бюджета и улучшения рациона питания. Обычно заготовками даров леса в деревне занимались женщины и подростки, т.е. как раз те, кто являлся основной рабочей силой на колхозных полях в 1930-е гг. В итоге, иногда колхозники в сенокос и в уборочную не выходили на колхозные работы по несколько дней и целыми бригадами во главе с бригадирами, не ставя об этом в известность руководство колхоза¹⁷.

В еще большей степени, чем сбор грибов и ягод, по мнению партийных властей, разлагали дисциплину в колхозах разные «праздники», которыми изобиловала русская деревенская традиция. Характерно, что среди праздников, отмечавшихся колхозниками в 1930-е годы, преобладали так называемые религиозные («поповско-кулацкие» по официальной терминологии тех лет) праздники: Троица, Иванов день, Петров день, Ильин день, Покров и др. В пунктуальности отмечания праздников колхозники 1930-х мало, чем отличались от коллективных хозяйств и крестьян предыдущего десятилетия¹⁸. Сам перечень праздников (в сочетании с выходными днями) свидетельствует о сохранении ритма сельскохозяйственных работ, установившегося в течение веков. Новое появилось в характере празднования. Ни в коей мере не обольщаясь на счет степени религиозности российского крестьянства, следует отметить, что до начала 1930-х гг. церковные (православные, религиозные) праздники несли в себе очень мощный духовный заряд, сопровождалось соблюдением религиозной обрядности (праздничные богослужения, крестные ходы, окропление святой водой полей, скота, источников воды и т.д.). Важна была сама подготовка к празднику, состоявшая в «очищении» не только жилищ (изнутри и снаружи), но и души. Только после этого начиналось собственно «гулянье». Таким образом, праздничная традиция не только позволяла крестьянину физически отдохнуть, расслабиться в напряженный, сжатый во времени период сельскохозяйственных работ, но и поддерживала его духовные силы. Однако в результате гонений на Церковь в конце 1920-х гг. религиозная составляющая праздников стало все более замещаться «гуляньем», на деле обычно выливающимся в банальную «пьянку». Продолжительность праздников была разной, она зависела от того, на какой день недели они выпадали, так как в любом случае гуляли до конца недели. Как следует из документов, в 1930-е годы празднование продолжалось обычно 2-4 дня¹⁹. Поскольку в соответствии с православной верой «в праздник работать — грех», наиболее важные сельскохозяйственные работы на период праздника прекращались, что и вызывало особое неудовольствие властей и всплески антирелигиозной пропаганды²⁰.

На проведение праздников колхозники затрачивали не только время, но и значительные средства: из колхозных запасов варили пиво, брагу, резали колхозный скот, что также вызывало неудовольствие властей, усматривавших в этом «разбазаривание» колхозного имущества²¹. Между тем, традиция совместной трапезы, отнюдь не была изобретением советской деревни. По сути, она являлась продолжением совместного труда, свойственного колхозной деревне 1930-х гг. в не меньшей степени, чем доколхозной крестьянской общине. Помимо этого, совместная трапеза выполняла

социальную роль — позволяла «подкормить» (поддержать) ослабевших от напряженного труда колхозников.

Руководители колхозов часто были вынуждены идти навстречу колхозникам и, отдавая дань традиции, разрешали проведение подобных празднеств, даже скрывая это от районных властей. Известны случаи, когда председатели колхозов сами инициировали проведение подобных праздников²².

По традиции отмечали колхозники и завершение сельскохозяйственных работ, что выражалось также в «гуляньях». Часто инициатива проведения таких праздников и здесь принадлежала колхозному руководству²³. Как свидетельствуют документы Северного краевого комитета ВКП(б), коллективные праздники и «пьянки» не были отличительной чертой конца 1930-х гг. «пьянство, нередкое коллективное», имело место в большинстве колхозов и в начале десятилетия²⁴.

Одной из главных причин невыхода на общественные работы в колхозе была занятость колхозников в личных приусадебных хозяйствах. В 1937 г. не выработали ни одного трудодня 11,7% всех колхозников РСФСР и 12,8% всех колхозников СССР. Доля колхозников, уклонившихся от участия в общественном хозяйстве, на Европейском Севере была выше, чем в целом по стране и по республике — 14,3%. Превышение общесоюзных и республиканских показателей произошло, главным образом, за счет Карельской АССР, где удельный вес колхозников, не участвовавших в колхозных работах составил 20,2%, что перекрыло сравнительно небольшие показатели Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР (соответственно, 10,0%, 12,2% и 14,6%). При этом удельный вес колхозников, заработавших до 50 трудодней, на большей части Европейского Севера превысил общесоюзные и республиканские показатели и составил в Архангельской области — 27,0%, в Карелии — 27,3%, в Коми республике — 30,6%, по РСФСР — 20,7%, по СССР — 21,2%. Исключением стала лишь Вологодская область, где доля таких колхозников едва превысила 18%. Соответственно доля колхозников, показавших образцы самоотверженности на общественных работах, на Европейском Севере была ниже, чем в целом по республике. Выработали 400 и более трудодней по СССР — 5,7%, по РСФСР — 9,8%, в Архангельской области — 5,6%, в Вологодской области 6,5%, в Карельской АССР — 5,9%, в Коми АССР — 2,8%²⁵. Внутри региональные различия в участии в колхозных работах обусловлены, скорее всего, большей (или меньшей) степенью вовлеченности колхозников в неземледельческие занятия, а также тем значением, которое играло в данном районе индивидуальное хозяйство колхозников для обеспечения потребностей семьи.

Приведенные выше данные характеризуют участие колхозников в общественном производстве в 1937 г., т.е. до введения обязательного минимума трудодней. В 1939 г., по данным Вологодского обкома ВКП(б), ситуация изменилась: из проверенных 994 колхозов с 54227 трудоспособными колхозниками 6676 колхозников не выработали минимума трудодней (12,3%) и 1921 колхозник (3,5%) совсем не участвовали в работе колхозов²⁶. В докладной записке секретаря Вологодского Обкома ВКП(б) В.Н.Лобкова секретарю ЦК ВКП(б) Андрееву приведены уже более полные данные за 1939 г. Из общего числа трудоспособных колхозников от 16 лет и старше, насчитывавших 462 тыс. человек, 5 тысяч колхозников (1,1%) не выработали ни одного трудодня, 80 тысяч (17,3%) выработали менее 50 трудодней, 55 тысяч (11,9%) — от 51 до 100 трудодней. Около 90 тысяч колхозников (19,5%), или в среднем по 15 человек на каждый колхоз, работали не более 20-30 рабочих дней в году²⁷. Следовательно, введение обязательного минимума трудодней способствовало увеличению вовлеченности колхозников в общественные работы, но свое участие в них они по-прежнему предпочитали максимально ограничивать, удовлетворяясь установленным минимумом.

Таким образом, колхозники в общественном производстве имели обычно 8-часовой (или меньше) рабочий день, что сближало их положение с положением городских рабочих. При этом они были гораздо свободнее последних в определении времени выхода на работу и обеденного перерыва, в планировании выходных и праздничных дней. Следует отметить, что описанная выше ситуация была выявлена для конца 1930-х гг., известного своей «милитаризацией труда» и ужесточением производственной дисциплины в городской промышленности. У власти практически не было никаких возможностей «дисциплинировать» крестьян, сделать их труд более «индустриализованным», «современным», «упорядоченным», близким по своему характеру к труду на промышленных предприятиях. Колхозная власть демонстрировала полное бессилие в деле наведения порядка с дисциплиной труда в коллективах. Еще меньшее влияние на крестьян оказывали редкие и краткосрочные «наезды» в колхозы разного рода уполномоченных и проверяющих. Об их рекомендациях и призывах забывали сразу, как только оседала пыль на дороге, по которой они уезжали из колхоза.

Характерной особенностью труда в колхозах второй половины 1920-х — 1930-х гг. является сохранение многих традиционных черт.

Анализируя состояние колхозной сети Архангельской губернии к концу 1920-х гг., партийные и советские органы отмечали, что трудовые процессы большей частью

протекают «по старинке», ничем не отличаясь от процессов труда в единоличных крестьянских хозяйствах²⁸.

В основе организации труда в 1920-е гг. в колхозах был положен **принцип общего участия** в физическом труде. Материалы обследований колхозов, проведенные работниками Вологодской губернской рабоче-крестьянской инспекции (ГубРКИ) в конце 1920-х гг., практически не зафиксировали случаев освобождения руководящих работников колхозов от участия в коллективном физическом труде. Однако в некоторых колхозах существовало материальное поощрение колхозной верхушки²⁹.

От участия в общественном труде освобождались только нетрудоспособные старики и дети, больные, беременные женщины. Обычно они содержались за счет колхоза³⁰.

Иная ситуация сложилась в 1930-е гг. Как правило, председатели колхозов, бригадиры и другие представители колхозной верхушки уже не участвовали в общих колхозных работах лично, осуществляя лишь общее «руководство» колхозниками. Но даже и в конце десятилетия документы зафиксировали случаи личного труда председателей на колхозных полях и даже на лесозаготовках, вызванные, видимо, стремлением больше заработать. Нельзя исключить и такой фактор, как стремление воздействовать на колхозников личным примером ударного труда.

Принцип общего участия означал не только **равенство** всех членов в процессе труда, но и **обязательность труда** для всех членов коллектива. Уже в 1920-е гг. существовал определенный **минимум трудового участия** колхозников в общественном производстве. Например, в Первомайском трудовом кооперативе Вельского уезда Вологодской губернии каждый трудоспособный колхозник был обязан отработать за установленную плату как минимум 25 трудодней в год (при 10-часовом рабочем дне), на что бронировалось до 40% урожая. Остальная часть урожая распределялась пропорционально количеству едоков в хозяйствах, что гарантировало определенное обеспечение даже тех хозяйств, входивших в коллектив, которые не имели ни одного работника³¹.

Но в 1920-е гг. выполнение этого минимума лишь давало колхознику дополнительный доход, в то время как уже сам факт членства в колхозе означал определенные гарантии в обеспечении его минимальными средствами к существованию. Невыполнение минимума не влекло за собой каких-либо последствий, кроме как снижения дохода семьи колхозника. В конце 1930-х гг., в условиях массового уклонения колхозников от участия в общественных работах, государство

ввело **обязательный минимум трудодней** (60-100 трудодней), не выполнение которого влекло за собой исключение из колхоза и утрату прав колхозника³².

Большинство первых колхозов, созданных в 1920-е гг., были небольшими по числу входивших в них хозяйств, поэтому, **специализации работ** в них еще не существовало, за некоторыми исключениями: кузнец, счетовод, тракторист и т.п. Правда, в некоторых коммунах существовала, например, очередность женщин в работах на кухне или на скотном дворе. На полевые работы выходили все трудоспособные члены хозяйства и работали сообща. Такая форма организации скорее напоминала общинные помочи, нежели организацию труда в крупном производстве. В более крупных колхозах, существовавших несколько лет и считавшихся «образцовыми», имелось подразделение хозяйства на производственные участки (экономии), как правило, по территориальному принципу (по деревням) и на производственные отрасли (животноводство, полеводство, огородничество, подсобные предприятия и т.д.). Однако и здесь существовал все тот же **общий** выход на работу.

По мере развертывания процесса коллективизации, укрупнения и разукрупнения колхозов в поисках наиболее оптимальных размеров коллективных хозяйств, складывалась ситуация, когда в состав такого хозяйства входили жители одной или нескольких деревень, с окружающими выселками, хуторами. Вариант совместного труда в таких колхозах уже себя не оправдывал. Здесь невозможно было эффективно организовать общественное производство без разделения колхозников на какие-то производственные единицы. Такой производственной единицей стала **бригада**. Уже в 1930 г. введение бригадного метода организации труда в колхозах становится одной из главных задач организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

В докладе Северного краевого земельного управления «О колхозном строительстве в Северном крае в 1931 г.» с удовлетворением отмечалось, что в основном работы в колхозах проводились бригадным методом. Однако в новой форме организации труда были выявлены существенные недостатки: во-первых, территориальный (бригады-дворки), а не производственный принцип создания бригад, во-вторых, отсутствие их специализации. Лишь в животноводстве бригадный метод организации труда просматривался наиболее четко. Кроме того, большинство бригад не имели постоянного состава членов, а бригадиры часто менялись³³. Одним из узких мест бригадной формы организации труда на протяжении всего изучаемого периода была так называемая «обезличка». Она явилась непосредственным результатом обобществления средств производства и проявлялась в небрежном хранении сельхозинвентаря, плохом уходе за продуктивным и тягловым скотом, посевами,

растаскивании урожая и т.д. Безуспешную борьбу с этим злом пытались вести путем прикрепления орудий труда к отдельным бригадам и колхозникам. Однако, по признанию земельных органов, это прикрепление носило скорее «бумажный», а не фактический характер³⁴.

К 1932 г. структура общественного производства приобрела более четкие формы. Коллективное хозяйство включало в себя несколько производственных участков, которые делились на бригады. Обычно в каждом таком участке была своя бригада полеводческая и по кормодобыванию, и одна животноводческая бригада. При организации бригад принимались во внимание объем работ, размеры земельных угодий, наличие продуктивного и тяглого скота, размеры производственных заданий. В зависимости от этого определялось количество людей и сельскохозяйственного инвентаря для каждой бригады. Помимо полеводческих и животноводческих бригад в колхозах создавались бригады по строительству, например, скотных дворов, зернохранилищ и т.п. Они, как правило, были меньше по размеру — 4-5 человек, состояли в основном из мужчин, обладавших соответствующей квалификацией и навыками, работали сезонно, т.к. на время полевых работ включались в полеводческие или сенокосные бригады.

В полеводческой бригаде могло быть от 20 до 40 человек, в животноводческой — до 10 человек. Бригада создавалась обычно на год³⁵ и имела «сквозной» характер: по завершении одного вида работ, например, пахоты, она переходила к другим (сев, боронование, прополка, подкормка и т.д.) Достаточно большие размеры полеводческой бригады определили разбивку ее на более маленькие подвижные группы. Уже в начале 1930-х гг. такие группы назывались «звенья», которые создавались специально под какие-то виды работ, например, звено пахарей, сеяльщиков и т.д., куда подбирали колхозников, наиболее умелых в том или ином виде работ³⁶.

Таким образом, повторялась расстановка сил в единоличном крестьянском хозяйстве, где на самые тяжелые и ответственные работы ставились наиболее умелые и опытные члены семьи.

К концу 1930-х гг. бригадный метод организации общественного производства закрепился в колхозах, но в самих бригадах существовало немало проблем. В отдельных районах и колхозах продолжали существовать бригады-дворки, что, по мнению властей, мешало развитию стахановского движения³⁷. Бригады не были организационно закреплены, многие существовали только на период весенней посевной кампании, а в сенокос и на время уборочной страды бригады распадались, и колхозники работали семьями или группами (3-5 человек), образованными, видимо, на

основе личной симпатии или все тех же родственных связей³⁸. О работе такими группами, основанными на принципе групповой сдельщины, сами колхозники отзывались «исключительно положительно», мотивируя, что в таких случаях к работе привлекаются буквально все, «от мала до велика» и бригадирам не приходится ходить по утрам и будить на работу. «Каждый старается сам пораньше встать и побольше выкосить, а отсюда и побольше заработать»³⁹.

Таким образом, несмотря на активное насаждение с начала 1930-х гг. принципа индивидуальной сдельщины и создание бригад, где должны были размываться семейные связи, колхозники предпочитали семейную (дворовую) организацию труда, когда результат труда делился поровну внутри семьи (группы), независимо от выработки.

Власти, пытаясь заинтересовать крестьян в развитии общественного производства, во второй половине 1930-х гг. решили использовать крестьянский опыт организации труда небольшими группами. Панацею от обезлички и стимул к повышению производительности труда увидели в **специализированных постоянных звеньях**. Зеленый свет новой производственной единице внутри бригад дал XVIII съезд, когда с высокой трибуны секретарь ЦК ВКП(б) Андреев заявил, что «опыт звеньевой организации труда со всей убедительностью показал, что эта форма организации труда является прогрессивной, целиком оправдавшей себя на практике»⁴⁰.

В отдельных колхозах Вологодской области такие звенья, прежде всего, по льну были созданы еще в 1936 году. В 1938 г. в области было уже 7500 звеньев, в 1939 г. — 10325, за которыми было закреплено 56,7% посевов льна⁴¹. Существовали, кроме того, так называемые «звенья высокого урожая», или «ефремовские» — по фамилии зачинателя «ефремовского движения в сельском хозяйстве» — колхозника из колхоза «Искра» Белоглазовского района Алтайского края М.Е.Ефремова, впоследствии депутата Верховного Совета РСФСР. Возникло это движение как ответ на призыв Сталина на Всесоюзном совещании комбайнеров и комбайнерок в 1935 г. о ежегодном сборе 7-8 млрд. пудов зерна.

По признанию земельных и партийных органов, в конце 1930-х гг. большинство звеньев существовало на бумаге и только в начале посевной кампании, а затем они распались. Некоторые колхозники и даже сами звеньевые не знали, что они прикреплены к тому или иному звену, земельные участки за звеньями не закреплялись, процветала все та же обезличка⁴². Процесс создания и укрепления постоянных звеньев, начавшись в конце 1930-х гг., не мог завершиться в быстрые сроки. Поэтому расцвет звеньевой системы организации труда пришелся уже на послевоенный период⁴³.

В конце же 1930-х гг. сама звеньевая система была непонятна не только колхозникам, но и председателям колхозов, и даже руководителям районных земельных отделов⁴⁴. Наиболее распространенным было понимание звена как маленькой бригады, когда за звеном закреплялись все культуры возделываемые в бригаде (7-8 или даже 9 культур), что было удобно с точки зрения равномерной загрузки всех звеньев в бригаде, простоты управления и контроля за такими маленькими коллективами. Но здесь страдало то, ради чего и создавались звенья, прежде всего, принцип специализации. Большое количество культур, возделываемых одним звеном, приводило к тому, что колхозники не успевали освоить всего комплекса агротехнических мероприятий, а совпадение во времени работ по нескольким культурам влекло за собой их дезорганизацию, т.к. колхозники буквально разрывались между работами по разным культурам. Кроме того, работа звеньев осложнялась тем, что они получали участки в разных полях севооборота, много времени уходило на перемещения от одного участка к другому. В конечном итоге все это расплывало силы звена и осложняло организацию работ.

В целом можно сказать, что хотя внутрихозяйственная специализация и разделение труда стали одной из характерных черт аграрного производства в условиях колхозного строя, приживались они с большим трудом. К концу 1930-х гг. отчетливо просматривается специализация труда в животноводстве, что было связано как созданием в колхозах разных видов животноводческих ферм — крупного рогатого скота, свиноводческих, овцеводческих, так и с практикой выращивания молодняка на молочно-товарных фермах. Как правило, разные люди занимались уходом за молочным скотом и за молодняком крупного рогатого скота. Значительно более медленно шел процесс специализации в земледелии. Как правило, полеводческая бригада занималась возделыванием разных культур в соответствии с отведенными ей полями севооборота. Во второй половине 1930-х гг., когда началась кампания по созданию **звеньев**, они организовывались по принципу **специализации** культур или отраслей хозяйства — льноводные звенья, звенья огородников, картофелеводов и т.д. Однако переход от **универсального** характера труда, свойственного единоличному крестьянскому хозяйству, к **специализированному** до конца 1930 гг. не был завершен.

И в конце 1930-х гг., несмотря на существование бригадной системы организации труда и попытки укоренить постоянные звенья, во многих колхозах были отмечены случаи работы «скопом», т.е. без учета индивидуальной выработки каждого, когда произведенный объем работ делился **поровну** и так записывался в трудовые книжки колхозников⁴⁵.

Вообще, следует сказать, что **уравнильные настроения** среди колхозников имели значительное распространение не только в конце 1920-х — начале 1930-х гг., но и во второй половине 1930-х гг. Это ярко проявлялось не только в организации труда⁴⁶, но в распределении доходов, в стремлении разделить полученный колхозом доход не по результатам трудового участия и выработки, а поровну, с учетом не работников, а едоков.

Возможности для такого уравнильного распределения в колхозах имелись. Во-первых, распространение групповой (бригадной) сдельщины, широко бытовавшее в колхозах и в начале, и в конце 1930-х гг., скрывало под собой не что иное, как стремление к уравнильному распределению.

Во-вторых, уравнильность проявлялась в начислении, например, «льняных трудодней» или разных премий-надбавок, заработанных за продукцию, сданную государству сверх плана, не непосредственным исполнителям, чей труд позволил получить колхозу этот дополнительный доход, а **всем** членам бригады или колхоза. В этом, кстати, была одна из причин нестабильности звеньев и трудностей с их созданием. Не получив обещанных надбавок, звенья считали себя «обманутыми»⁴⁷.

Еще одним каналом уравнильного распределения было авансирование колхозников хлебом и деньгами, принимавшее особый размах с началом уборки зерновых. По уставу сельхозартели 1935 г. колхоз мог выдавать хлебный аванс своим членам в размере не более 10-15% от намолоченного зерна. Поскольку оплата в колхозах строилась на основе сдельщины, предполагалось, что и аванс будет выдаваться в соответствии с заработанным количеством трудодней. Однако как показали обследования колхозов, проведенные в конце 1930-х гг., практически повсеместно это правило нарушалось.

В некоторых колхозах авансирование проводилось не с учетом выработанных трудодней, а по факту выхода на колхозную работу (т.е. независимо от выработки)⁴⁸.

В других колхозах уравнильность скрывалась за так называемым «переавансированием» колхозников. Обычно за хлебом из нового урожая приходили к председателю с просьбой наименее обеспеченные колхозники, часто обремененные большой семьей. В ход шли разные способы давления на председателя — слезы, лесть, родственные связи, взятки, прямой шантаж: на работу выйдем только в том случае, если дадут хлебный (или денежный) аванс. Аванс выдавался по личным запискам председателя или счетовода колхоза, без учета трудодней. В результате часто оказывалось, что колхозники, получившие аванс, выработали трудодней меньше, чем уже получили от колхоза денег или продуктов, они оказывались должны колхозу.

Наоборот, те, кто вырабатывал много трудодней, при окончательном расчете не получал заработанного полностью, колхоз оставался его должником. Иногда такая ситуация могла продолжаться не один год.

На областном совещании передовиков сельского хозяйства в марте 1940 г. секретарь Вологодского обкома ВКП(б) Лобков сообщил, что в 1938 г. при распределении доходов в колхозах было передано колхозникам более 5 млн. рублей в виде авансов, не заработанных этими колхозниками⁴⁹.

Таким образом, колхозники могли получать от колхоза средства, используя старые уравнильные традиции общины. Ведь приходили за помощью наиболее нуждавшиеся. А на председателя, видимо, оказывали влияние не только лесть, уговоры, или шантаж, но и общественное мнение деревни.

Уравнильность заявляла о себе и в тех случаях, когда колхозы игнорировали постановления правительства о начислении так называемых «двойных» трудодней тем колхозникам, которые выполняли норму в несколько первых дней сева (уборки). Колхозники иногда даже не знали о соответствующих постановлениях правительства⁵⁰. Некоторые председатели скрывали правительственные постановления намеренно, отражая, видимо, настроения колхозников⁵¹.

Здесь особо нужно сказать о взаимоотношениях стахановцев, ударников, с одной стороны, и рядовых колхозников, с другой. Колхозники, не имевшие званий ударников или стахановцев, как известно, не очень-то жаловали последних. И дело здесь было не только в том, что успехи «передовиков» влекли за собой повышение норм выработки для остальных, и не в большей близости передовиков к власти, или в том, что они были обласканы ею. Можно предположить, что в условиях тесной взаимосвязи различных стадий и операций аграрного производства, когда труд стахановца обеспечивался усилиями разных людей, колхозники расценивали успехи «передовиков» как результат и их вклада в «рекорд», который, однако, не получал должного вознаграждения⁵². Присваивая единолично результаты этого **общего** труда, стахановцы вроде бы как «воровали» часть общего достояния, что отчасти объясняет неприязненное к ним отношение со стороны основной массы колхозников.

Известны случаи, когда остальные колхозники фактически «обрабатывали» своих передовиков⁵³. Справедливости ради необходимо отметить, что были стахановцы, которые пользовались среди колхозников уважением. Ведь труд стахановцев был тяжелым, на грани физических возможностей, особенно в животноводстве⁵⁴.

Одной из новаций, принесенной в деревню колхозами стало **планирование** сельскохозяйственных работ. В 1920-е гг. в коммунах наряды на работы обычно

составлялись вечером или даже утром за завтраком путем общего обсуждения предстоящих на день работ⁵⁵. В товариществах по общественной обработке земли, где отсутствовала система коллективного питания, наряды на следующий день раздавались по дороге с поля домой. При этом отсутствующие члены могли не знать своих задач. Распределение нарядов заранее на какой-то сравнительно длительный период (например, на неделю) не практиковалась. Тем более отсутствовала программа работ на целый сезон. Это мешало колхозникам рационально использовать свое свободное время на какие-то дополнительные занятия. Поэтому некоторые колхозники жаловались, что «живем бедно, нельзя отлучиться на побочные заработки»⁵⁶.

Труд колхозников по сезонам был распределен весьма неравномерно и использовался нерационально. В 1926-1927 гг. один трудоспособный мужчина в колхозах Вологодской губернии выработал за год всего 238 дней, женщина — 170 дней. В то же время при недогрузке собственных членов большинство колхозов весьма активно использовали наемную рабочую силу⁵⁷.

В начале 1930-х гг. в колхозах начался переход к плановой системе хозяйствования. Проходило это с большими трудностями. Крестьянское хозяйство жило особым трудовым ритмом, ориентируясь на общинные традиции, приметы природы, семейные нужды. Хотя крестьянское хозяйство было многоотраслевым и требовало от крестьянина разнообразных знаний и опыта, все же колхозное производство было намного сложнее, причем опыта его ведения не было практически никакого. Поэтому внедрение планирования в колхозах было одной из важных задач укрепления колхозов. Планирование означало не только определение размеров посевных площадей, объемов выхода продукции. Это задачу с готовностью брали на себя партийные и государственные органы, земельные отделы, планы, как известно, спускались колхозу «сверху». Но планирование означало и умение правильно, эффективно организовать процесс сельскохозяйственных работ. Это было трудно, во-первых, из-за увеличения хозяйства — приходилось брать в расчет не одно крестьянское хозяйство, а несколько дворов, во-вторых, усложнилась сама структура хозяйства за счет появления новых отраслей, культур, которых не было в крестьянских хозяйствах. Например, на Европейском Севере именно в колхозное время широко распространялось травосеяние, силосование, овощеводство, свиноводство, птицеводство, внедрялись постепенно правильные севообороты и т.д. Теперь многое зависело от грамотной, рациональной расстановки рабочей силы, планирования работ во времени. В начале 1930-х гг. с «плановостью» в колхозах, по признанию Северного краевого земельного управления, дело обстоит «плохо». Весной 1931 г. с рабочими

программами в посевную кампанию работали только 75-80% колхозов. Но и эти цифры, скорее всего, были «бумажными» и вовсе не означали, что колхозы строго руководствовались этими программами. Годовые рабочие и производственные планы в колхозах, как правило, составлялись с запозданием, часто были нереальными. Планирование распределения рабочей силы вообще отсутствовало⁵⁸.

К концу десятилетия ситуация с планированием несколько улучшилась. Однако в повседневной, хозяйственной деятельности колхозов по-прежнему было много недостатков. Это касается, прежде всего, распределения работ на микроуровне — в бригаде, звене. Они часто не имели плана агромероприятий, слабым местом оставалась расстановка рабочей силы. Бригадиры раздавали наряды несвоевременно — утром, что задерживало выход на работу. Иногда и вовсе нарядов не давали и колхозники, по словам посторонних наблюдателей, «слонялись» без дела. При этом наем посторонней рабочей силы — явление характерное для колхозов Европейского Севера и в конце 1930-х гг.

Слабым местом колхозов 1920-х гг., как, впрочем, и всего последующего десятилетия был точный **учет труда**. Книг нарядов обычно не велось. Наблюдения за работой членов также обычно не было, эффективность труда каждого колхозника не учитывалась. В большинстве колхозов отсутствовали нормы выработки⁵⁹. Все это мало способствовало повышению производительности труда в колхозах.

В начале 1930-х гг. учет труда часто велся без учета фактической выработки, в часах. В животноводстве в некоторых колхозах подобная ситуация сохранялась и в конце десятилетия — трудодни начислялись с головы скота, а не по фактическим надоям или привесу скота.

На протяжении всего десятилетия существовала проблема с записями в трудовых книжках колхозников. Трудовые книжки у колхозников если и имелись, то они заполнялись крайне нерегулярно — один раз в месяц, или даже один раз в три месяца. Об этом свидетельствуют многочисленные проверки, проводившиеся как инструкторами обкомов, райкомов партии, так и специальными уполномоченными обкомов и облисполкомов по сельскохозяйственным кампаниям. В редких колхозах запись выработанных трудодней осуществлялась в соответствии с уставными требованиями — один раз в пять дней. В большинстве случаев колхозники не знали, сколько они выработали, что, безусловно, сдерживало их трудовой энтузиазм⁶⁰.

Положение с учетом труда в колхозах может быть объяснено как объективными, так и субъективными обстоятельствами. Во-первых, в практике крестьянского хозяйства отсутствовал опыт точного учета трудовых усилий каждого из членов семьи.

Во-вторых, система норм выработки была достаточно сложной, а грамотных людей, способных правильно определить результаты трудовых усилий каждого члена бригады, звена, в колхозах не хватало. А если учесть, что бригадиры, в колхозах часто менялись, а все счетоводство было часто очень запутано, то не удивительно, что колхозники не знали, сколько трудодней они заработали.

Можно также предположить, что на ситуацию с учетом в колхозах влияли уравнилельные настроения деревни. Разделить поровну и технически было проще, и более соответствовало желаниям колхозников.

Одним из завоеваний колхозного строя, о котором обычно было принято говорить в советской историографии, явился рост технической вооруженности колхозов. На полях увеличилось количество не только уже известных крестьянам сложных сельскохозяйственных орудий (сеялки, веялки и т.д.), но пришла и новейшая техника — трактора, комбайны.

Однако оборотной стороной роста механизации сельского хозяйства в 1930-е годы стало распространение так называемых «антимашинных настроений». Сразу следует оговорить, что это термин того времени⁶¹. Он употреблялся тогда в основном для обозначения недостаточно активного, неполного использования сельскохозяйственной техники, имевшейся у колхоза. Однако сегодня его содержание можно дополнить еще одной очень важной для понимания производственных процессов в колхозной деревне составляющей — отношением к технике, которое в целом можно охарактеризовать как негативное.

Говоря об особенностях использования машинной техники в колхозах, во-первых, следует отметить **неполное использование сельскохозяйственных машин**. При этом данное явление было характерно как для коллективных хозяйств, созданных, на добровольной основе в 1920-е гг., так и для хозяйств, образовавшихся в результате насильственной коллективизации в начале 1930-х гг.⁶².

Вторая особенность — **не использование сельскохозяйственных машин колхозами при их недостатке**. При этом такое положение отмечалось при производстве **всего** цикла сельскохозяйственных работ в разных районах Европейского Севера⁶³.

Оценивая результаты весенней посевной кампании 1940 г. и, в первую очередь, агротехнический уровень работ, партийные органы Вологодской области отмечали не полное использование сеялок, имевшихся в колхозах. В колхозах преобладал разбросной, ручной сев из лукошка. В большинстве колхозов рядовые сеялки или не были отремонтированы к началу посевных работ и поэтому в работе не

использовались, или же просто простаивали из-за недооценки рядового сева руководителями колхозов и районов. Удельный вес рядового сева в посевах зерновых культур колхозов Вологодской области в 1940 г. составлял не более 15-20%, в посевах льна — не более 15%⁶⁴.

В конце 1930-х гг. при наличии значительного количества конных и тракторных сенокосилок в ряде районов Вологодской области сев проводился вручную⁶⁵.

Не была исключением и **уборочная кампания**. В конце 1930-х гг. конные косилки простаивали практически во всех районах Вологодской области⁶⁶. Уборка зерновых, несмотря на наличие машин, также часто проходила в колхозах по старинке⁶⁷.

Одним из важных направлений сельского хозяйства на Европейском Севере было льноводство. В связи с этим в 1930-е гг. в регион активно завозились льноуборочные и льнообрабатывающие машины. Обеспеченность этими машинами северных колхозов хотя и была не высока, но все же несколько превышала союзные и республиканские показатели. Однако использовались они, как и другие сельскохозяйственные машины, в колхозах недостаточно. В 1940 г., по данным 25 районов Вологодской области, в колхозной обработке льна из имевшихся 1608 льнообрабатывающих машин использовалось всего 917, или 57%. Терялось льна машинами было произведено на площади 4877 га (или 5,6% от всей площади посевов льна)⁶⁸. Результатом стало затягивание расстила льна и снижение качества льняной соломки.

Еще в 1931 г. в районы Вологодской области было завезено 33 агрегата Антонова для обработки льна. Все они были проданы колхозам в кредит. Но к 1938 г. они все еще лежали на складе сельскохозяйственного снабжения. Колхозы в категорической форме от них отказывались, поскольку они сдавали на льнозаводы лен трестой⁶⁹.

Не лучше обстояло дело и с другими машинами. Например, в Белозерском районе Вологодской области на складе Сельхозснаба имелись 19 лущечников стерни. Их продавали колхозам не по государственной стоимости — 180 рублей за штуку, а **как утиль**, на вес железа. Тем не менее, колхозы от них отказывались⁷⁰.

Удивляет даже не столько сам факт не использования машин, поскольку этому можно найти вполне рациональные объяснения, сколько их **игнорирование в условиях недостатка собственной рабочей силы**, когда вместо того, чтобы применить уже имеющиеся в колхозах агрегаты, колхозы предпочитали привлекать наемных работников. И опять это явление характерное в одинаковой степени для всего изучаемого периода. При этом, следует учесть, что в 1930-е гг. привлечение наемной рабочей силы на основных сельскохозяйственных работах, не требующих специальной

подготовки и знаний, с одной стороны, было запрещено уставом сельскохозяйственной артели, а с другой, отток мужского трудоспособного населения в города и промышленность особенно обострил вопрос с рабочей силой в северных колхозах⁷¹.

Еще одной особенностью использования собственной техники колхозов было ее **нерациональное применение**, проявлявшееся сразу по нескольким линиям. Прежде всего, необходимо отметить **непродуманное распределение малого количества машин для охвата ими как можно большего количества хозяйств**, в результате чего загруженность машин была неполная, что снижало их рентабельность⁷².

Далее, следует указать на **нерациональную организацию работы самих машин**. Это, прежде всего, относится к режиму работы зерноочистительной и уборочной техники, а также агрегатов по первичной обработке льна. И здесь определенную роль играли трудовые традиции. Крестьяне, привыкшие для сельскохозяйственных работ использовать световой день, не могли быстро перестроиться на индустриальные методы использования живой тягловой силы и инвентаря. Поэтому попытки, например, организовать пахоту, жнитво на сменных лошадях или сменную работу молотилок и тем самым удлинить рабочий день, неизменно наталкивались на тихий «саботаж». Партийные постановления нацеливали колхозников именно на сменную работу молотилок, с тем, чтобы рабочий день продолжался до 20 часов. Однако в лучшем случае молотилки работали по 10-12 часов, в худшем — 8 часов⁷³. Льнообрабатывающие машины также работали в одну смену⁷⁴. Серьезной проблемой были простои машин, как из-за частых поломок, так и вследствие непродуманной их эксплуатации⁷⁵.

Одной из проблем в использовании сельскохозяйственных машин было **неумение организовать подготовительные мероприятия**, обеспечивающие непрерывность работы агрегатов и качество конечного продукта⁷⁶.

В основе нерационального использования сельскохозяйственных машин лежало, прежде всего, отсутствие опыта применения сложной сельскохозяйственной техники в условиях крупного аграрного производства. Крестьянину, имевшему за плечами лишь опыт мелкого крестьянского хозяйства, как правило, не обремененного сложной сельскохозяйственной техникой, было трудно быстро перестроиться и организовать ее использование. Председательский и бригадирский корпус колхозов, причем очень нестабильный по своему составу и формировавшийся из тех же вчерашних единоличников, таких навыков также не имел. Научные разработки рационального применения сельскохозяйственных машин в колхозах, которые велись в 1930-е гг.,

практика так называемых «передовых» колхозов, до основной массы коллективных хозяйств доходили крайне медленно.

Безусловно, в колхозах было немало примеров хорошей организации работ и использования сельскохозяйственных машин⁷⁷.

В чем причины подобных «антимашинных настроений» колхозников?

По мнению партийных руководителей, главная причина «антимашинных настроений» лежала в недостаточной работе местных партийных организаций по пропаганде и разъяснению значения сельскохозяйственных машин для повышения производительности труда и подготовке машин к работам.

Сами колхозники видели причину, прежде всего, в отсутствии запасных частей для машин и рабочих рук для их ремонта. Поэтому к началу сельскохозяйственных работ машины оказывались обычно не подготовленными⁷⁸.

Свою роль играло отсутствие приспособленных лугов и полей, которые бы можно было обрабатывать машинами⁷⁹. Это было связано, прежде всего, с обилием камней на полях, которые приводили к порче агрегатов.

Кроме того, следует учесть конфигурацию и расположение пахотных угодий и, особенно, лугов. На Севере многие сенокосы принадлежали к категории лесных, т.е. часто располагались по берегам мелких лесных речек на значительном удалении друг от друга и от усадьбы колхоза, чересполосно с другими хозяйствами. На пути к ним часто лежали болота, непреодолимые для машин. Поэтому председатели колхозов предпочитали отправлять на такие сенокосы мобильные группы косарей, которые проживали там «табором», пока не закончат работу. А уже по зимнему пути сено вывозилось на лошадях. Разбросанность пахотного земельного фонда колхозов — в середине 1930-х гг., до массовой кампании по внутрихозяйственному землеустройству в некоторых колхозах имелось до 50-60 мелких участков — препятствовала рациональному применению даже машин МТС. Трактористы жаловались, что больше времени они затрачивают на переезды от одного поля к другому, а также на неподготовленность полей к обработке тракторами и комбайнами (все из-за тех же камней). Если к 1941 г. пашня и выгоны были сведены в один присельный участок, и большинство колхозов имели по 2 участка, и лишь в исключительных случаях по 5-6 участков, то сенокосы по-прежнему в значительной степени оставались чересполосными⁸⁰.

На неполном использовании сельскохозяйственных машин, безусловно, сказывалась и тяжелая ситуация с состоянием тяглового скота в колхозах: его

недостаток и истощенность из-за недостатка кормов или вследствие плохого ухода⁸¹. Ситуация усугубилась мобилизацией колхозных лошадей в РККА осенью 1939 г.⁸²

Не всегда использование машин влекло за собой более высокие результаты, что, безусловно, снижало интерес колхозников к их использованию. Те машины, которые работали, давали очень часто более низкую производительность, чем работа вручную. Причина — частые поломки из-за некачественного ремонта техники, низкая квалификация машиноведов и их небрежное отношение к машинам, изношенность машинного парка, доставшегося колхозам от единоличных хозяйств, к тому же в массе своей морально устаревшего к концу 1930-х гг., наконец, несовершенство самой машинной техники⁸³.

Низкое качество работы сельскохозяйственных машин также снижало заинтересованность колхозников в их использовании. Это относится и к работам, произведенным машино-тракторными станциями (МТС)⁸⁴.

Наличие около колхоза МТС также иногда расхолаживало колхозников, которые, понадеявшись на трактора и комбайны, не спешили использовать собственную технику⁸⁵.

Среди причин неполного использования сельскохозяйственных машин следует также назвать недостаток подготовленных кадров — машиноведов и их низкую квалификацию⁸⁶. За 10 лет существования колхозов властями были предприняты серьезные усилия для подготовки квалифицированных кадров основных сельскохозяйственных профессий. Для этого расширялась сеть районных колхозных школ, совершенствовались их программы, методы обучения. Однако в конце 1930-х гг. заявила о себе тенденция, когда в районные колхозные школы шла учиться в основном сельская молодежь. Определился своеобразный рейтинг профессий. На отделениях машинистов молотилок, льнообрабатывающих и льноуборочных машин постоянно наблюдался недобор, в то время как на отделениях счетоводства все места обычно были заняты. И, как правило, получив квалификацию, эти молодые люди не спешили возвращаться в родные колхозы, а стремились устроиться на работу в различные организации или продолжить учебу на различных курсах⁸⁷.

Наконец, нельзя не сказать о том, что в некоторых случаях колхозники не использовали сельскохозяйственные машины с умом. Целью подобного «саботажа», «вредительства» (так это обычно квалифицировалось органами власти) было затянуть уборочные работы. Так, колхозники не спешили с уборкой колхозных лугов с тем, чтобы, после того, как пройдут все сроки и районные власти махнут на отстающий колхоз рукой, выкосить их для скота личного пользования. С этой же целью

затягивался обмолот. Колхозники говорили, что «нечего с обмолотом спешить — вся зима впереди, успеем, обмолотим». Задержка обмолота до весны позволяла если не совсем уйти от выполнения обязательных поставок зерна государству, то хотя бы несколько уменьшить их объем.

Как уже отмечалось, под «антимашинными настроениями» колхозников мы понимаем не только сам факт неполного использования машин, но и отношение к ним колхозников в процессе общественного производства.

Практически повсеместно документы зафиксировали «бесхозяйственное» отношение к орудиям труда. После завершения сельскохозяйственных работ, как правило, машины не чистились, бросались, где попало, обычно там, где на них в последний раз поработали, при этом нередко, что называется «по частям». Например, одна часть жнейки дышлами кверху в одном месте, другая — под крышей где-нибудь в сарае⁸⁸. Машины (сеялки, косилки, жнейки и т.д.) часто оставались под снегом до следующей весны прямо на полях⁸⁹. В результате иногда ни сами колхозники, ни колхозное руководство не знали, какие машины имеются в хозяйстве и в каком состоянии они находятся.

В лучшем случае использованные машины свозили в одно место, но и здесь они хранились в помещениях непригодных, без навесов и, следовательно, с тем же успехом ржавели под дождем и снегом. Это относится даже к такой «редкой» для колхозов технике, как грузовые автомашины⁹⁰.

Руководство земельных органов, советские и партийные власти были прекрасно осведомлены о таком отношении к машинам, периодически призывали изменить его, но эти «заклинания» с высоких трибун ничего не меняли. Заведующий Вологодским областным земельным управлением Прокофьев признавал на областном совещании передовиков сельского хозяйства в марте 1940 г., что «сейчас в ряде колхозов имеются факты, что сеялки, сортировочные машины по использованию бросаются. Вместо того чтобы эту сортировку, молотилку, плуг, все сельскохозяйственные машины после работы взять, по-настоящему очистить, смазать, у нас этого не делается»⁹¹.

Следует подчеркнуть, что подобное отношение к сельскохозяйственным машинам (как и скоту, как и к результатам своего труда — урожаю) наблюдаем на протяжении всего изучаемого периода. В колхозах, организованных до начала сплошной коллективизации во второй половине 1920-х гг., когда фактор насильственного включения в колхозы был весьма незначителен, имело место точно такое же равнодушное отношение к колхозному имуществу. И в добровольно созданных колхозах, сельскохозяйственный инвентарь точно также бросался, где попало, ломался,

ржавел. При этом форма коллективного хозяйства, т.е. степень обобществления, не играла совершенно никакой роли. В коммунах, которые обычно создавала беднота, и в ТОЗах (товариществах по совместной обработке земли), где было значительным представительство среднего крестьянства, отношение к общественному имуществу было идентичным. Это позволяет предположить, что в основе такого отношения лежало, прежде всего, отношение к сельскохозяйственному инвентарю как к «чужому», который совсем недавно, до обобществления, был «своим». Кроме того, следует учесть присущий крестьянину прагматизм. Косилка или жнейка не могли быть использованы на крохотном приусадебном участке колхозника, поэтому их сохранность мало волновала колхозника, тем более, что использовались они в общественном производстве, из которого государство забирало себе львиную долю дохода.

Другое дело, например, упряжь или транспортные средства, которые часто становились объектом «приватизации»: уже после проведенного обобществления: колхозники растаскивали их по своим дворам, содержали в полном порядке и использовали по мере возникновения своих надобностей. Были, например, колхозы, в которых на 30 рабочих лошадей имелось всего 16 комплектов сбруи и 3 транспортных средства, причем в непригодном для работы состоянии. Зато почти у каждого колхозника в хозяйстве был свой комплект упряжи и телега, когда-то обобществленные, но благополучно возвратившиеся к хозяину. Лошадьми же из колхозной конюшни колхозники пользовались по мере надобности, часто не ставя бригадира или председателя об этом в известность и, естественно, без всякой оплаты⁹².

Привлекательно было бы объяснить «антимашинные настроения» колхозников, выросших в недрах традиционного, аграрного общества, «варварским» отношением примитивных земледельцев к машинам как к «железу», т.е. как к чему-то «неодушевленному». Однако документы, воссоздающие картину жестокого, бездушного отношения колхозников к «живой» лошади или корове опровергают подобные предположения.

Одной из задач коллективизации сельского хозяйства в СССР, как уже отмечалось, было повышение уровня аграрного производства. Это предполагалось достичь, прежде всего, за счет повышения уровня агротехники.

Однако источники свидетельствуют, что коллективизация привела к разрушительным изменениям в культуре обработки земли. Главным показателем этих перемен стало **равнодушное (безразличное, «холодное») отношение** колхозников к самому процессу, труда, его предмету и результатам. Подобное отношение распространялось на все виды и стадии сельскохозяйственных работ.

Удивительное равнодушие колхозников к труду проявлялось уже в их отношении к земле, которое ранее имело сакральный оттенок. По мнению И.В.Власовой, в 1930-е годы произошло нарушение связи человека с землей, отторжение хлебороба от земли, утрата крестьянской психологии (любовь к земле, отношение к ней как к **живой**). О нарушении связи с землей говорили жители вологодских деревень:

Не космос погодой правит —

Народ поохладел к земле.

Вот, она, Матушка, и остывает⁹³.

Крестьяне с момента организации колхозов перестали обращать внимание на состояние полей. В результате они зарастали кустами, камни не собирались, поля к машинной обработке не готовились⁹⁴. В еще большей степени это относилось к пастбищным угодьям, что было предметом особой тревоги партийных деятелей и земельных работников региона.

Исследование трудовых традиций российского крестьянства этнографами показывает, что крестьянин, особенно на тяжелых, неплодородных почвах за сезон несколько раз прилагал свои усилия к своему наделу: «двоил», «троил» землю. Иногда, например, в случае гибели озимых, проводилось до пяти обработок земли за лето⁹⁵. В 1930-е годы наблюдаем катастрофическое падение культуры обработки земли. В документах находим примеры, когда уже засеянная земля не «заделывалась», т.е. не бороновалась⁹⁶. Не менее распространенным явлением был сев непротравленными, некондиционными семенами, сев по не перепаханной зяби⁹⁷.

Таким образом, уже в момент сева налицо было равнодушие к результатам своего труда. Неудивительно поэтому проявление такого же отношения к земле и на других стадиях сельскохозяйственного цикла. Отсюда, например, такое распространенное явление как потравы хлебов скотом. Колхозные лошади в уборочную пору свободно ходили по полям, и никто из колхозников об этом не беспокоился⁹⁸. От потрав страдали не только посевы, но и уже заскирдованный хлеб и сено⁹⁹.

В полеводстве равнодушие проявлялось в допущении гибели посевов, оставившихся «под снег», подвергавшихся гниению и прочим видам порчи. Такая незавидная судьба могла ожидать и уже собранный урожай, более того, привезенный с полей и помещенный в зернохранилища колхозов, которые часто не соответствовали требованиям, предъявляемым к сооружениям такого рода. Докладные записки инструкторов и уполномоченных Обкома партии изобилуют множеством примеров о гибели части урожая¹⁰⁰. По данным обкома ВКП(б), в ряде районов Вологодской области в 1939 г. часть посевов осталась не убранной: 547 га зерновых культур, 31 га

льна и 585 га картофеля¹⁰¹. Однако можно предположить, что в действительности потери урожая были больше.

Конечно, не все колхозники проявляли подобное бездушие по отношению к результатам своего труда, но такой интерес, скорее исключение, чем правило.

О равнодушии крестьян к результатам своего труда свидетельствовало также низкое качество работ¹⁰².

Равнодушное отношение к труду с особой силой проявилось в животноводстве. Материалы обследований колхозных животноводческих ферм буквально вопиют о серьезных проблемах в этой отрасли сельского хозяйства. Одна из них — недостаток кормов, в результате чего: «скот истощен до такой степени, что отдельные животные без помощи доярок не могут встать на ноги», «коровы телятся на веревках», лошадей кормят «соломой, которую снимают с крыш», от истощения «лошади висят на веревках», «часть лошадей не встает на ноги»¹⁰³. Причиной такого положения был, прежде всего, недостаток кормов. Однако дефицит кормового баланса создавался не только в результате неурожая сена, кормовых культур из-за плохих погодных условий или вследствие тяжести поставок сена государству, но и стремлением колхозников обеспечить сеном и фуражом в первую очередь личный скот. Поэтому во время сенокоса колхозники косили сначала для себя, и только потом — для колхоза. При этом лучшие сенокосы выделялись для коров личного пользования. При распределении доходов колхозники старались больше получить хлеба на трудодни, в том числе и за счет фуражного фонда общественного стада. Подобные действия хотя и были, безусловно, вредны для общественного животноводства, но они понятны и объяснимы логикой выживания самих крестьян. Однако часто скот голодал и там, где был хороший урожай сена — «никогда столько не косили», или где были нетронутые запасы силоса. Создавалось такое положение из-за неправильного ухода за скотом или по причине отсутствия такового: кормление без норм, когда сено бросалось из-за отсутствия кормушек прямо под ноги скоту, который его затапывал, солома не нарезалась и не запаривалась и в таком виде давалась даже телятам¹⁰⁴. Были колхозы в которых иногда телята не получали ничего, кроме воды и подстилки из-под ног, а коров кормили мерзлой соломой¹⁰⁵. Даже поили скот недостаточно, иногда только раз в сутки.

Плохими оставались санитарно-гигиенические условия содержания скота, прежде всего, из-за отсутствия специализированных помещений. По данным профессора Лискуна, в начале 1930-х гг. Северный край ежегодно терял из-за холодных, непригодных помещений для скота продукции животноводства на 4,5 млн. рублей¹⁰⁶.

Особую проблему представлял навоз. В большинстве колхозов навоз со скотных дворов своевременно не вывозился, иногда по 2-3 года. В результате чего пол, кормушки, стены на ферме покрывались плесенью и начинали гнить, кормушки «врастали в навоз». Уровень накопленного навоза в разных колхозах мог быть разным. Где-то коровы стояли по колени в грязи, без каких-либо признаков подстилки. В других дворах навоза было накоплено столько, что крупный скот задевал при переходе с места на место хребтами о потолочные перекладины. Толщина навоза в стойлах у лошадей и коров достигала от 1 до 2 метров. Скот стоял как на сцене, упираясь хребтом в крышу. Падение с таких «помостов» заканчивалось не только ушибами, но и переломами. В отдельных колхозах коровы просто «тонули в навозе». На одной конюшне пришлось сломать стойло, т.к. из-за накопленного в нем навоза не могли вывести лошадь¹⁰⁷.

Несвоевременный вывоз навоза со скотных дворов в суровые северные морозы заканчивался катастрофой. Секретарь Севкрайкома ВКП(б) В.Иванов в одну из поездок по краю в 1933 г. наблюдал в колхозе «Красный ухтомец» Вожегодского района такой случай: навоз в скотном дворе не убирался, коровы, когда ложились, то утопали в грязи. Ударил мороз, хвосты у коров примерзли. Колхозники вышли из положения, обрубив коровам хвосты¹⁰⁸. В январе 1940 г. руководитель бригады стахановцев по оказанию помощи колхозам П.В.Демченко сообщил начальнику Управления животноводства Вологодского ОблЗУ, что в колхозе «Коммунар» Преображенского сельсовета Лежского района «скот стоит покрытый инеем», «коровы горбятся и дрожат от холода»¹⁰⁹.

Не менее остро стоял вопрос с чисткой скота. В единичных колхозах документы зафиксировали наличие чистки скота. В большинстве колхозов ситуация была просто удручающей: скот «грязный до невозможности», «коровы так укатались в навозе, что не отличишь, какой масти корова», «скот содержится в таком грязном состоянии, что животные потеряли всю шерсть»¹¹⁰.

Несоблюдение элементарных санитарно-гигиенических условий содержания скота отчасти может быть объяснено объективными обстоятельствами. Прежде всего, почти полным отсутствием механизации в животноводстве, где главными работниками к тому же были женщины. Тяжесть труда на животноводческих фермах делала его особенно непопулярным среди колхозников. В 1937 г. в животноводческих бригадах колхозов, занятых уходом за крупным рогатым скотом, в среднем по СССР и РСФСР насчитывалось 8-9 человек, на Европейском Севере — 8 человек. При этом, если по стране в целом соотношение мужчин и женщин в этих бригадах было равным (по 4 человека), по РСФСР примерно равным (мужчин — 3, женщин — 5), то на

Европейском Севере преобладали женщины — 1 мужчина и 7 женщин¹¹¹. Все работы в животноводстве проводились вручную: доение, поение и кормление скота, уборка навоза, чистка скота и т.д. Единственными механизмами на животноводческих фермах были автоматические поилки для скота. Но в 1932 г., например, на территории Архангельской области не было еще ни одного такого приспособления. Ситуация несколько улучшилась к 1938 г.: на 254800 голов крупного рогатого скота в 1773 молочно-товарных фермах имелось 2450 автоматических поилок, т.е. на одну поилку приходилось более 100 голов скота. Если учесть овцеводческие (204), свиноводческие (469) и смешанные (440) фермы, то насыщенность животноводческих колхозных ферм этими простейшими приспособлениями окажется явно недостаточной¹¹².

Именно плохой уход, по мнению специалистов сельского хозяйства, в 1930-е гг. был одной из главных причин большого отхода (падежа) скота, особенно молодняка. При этом документы зафиксировали просто страшные факты бездушного, даже жестокого, отношения колхозников, приставленных для ухода за скотом, к жеребым кобылам и стельным коровам. Такой «уход», иногда вместе с вопиющей зоотехнической безграмотностью, становился причиной гибели и маток, и приплода. Зоотехническая безграмотность была, отчасти, результатом слабости системы сельскохозяйственного образования в целом — зоотехнические кадры, особенно с высшим образованием, в силу их малочисленности оседали, главным образом, в районных земельных органах, крупных совхозах и т.д. Колхозы они посещали крайне редко. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что в период коллективизации «крепкие» хозяева были раскулачены или вынуждены были уйти из деревни. А именно в таких хозяйствах аккумулировались агрономические и зоотехнические знания и вековой опыт крестьянства.

Отношение к павшим животным свидетельствовало даже о нарушении каких-то человеческих норм в отношении к смерти как таковой¹¹³. Документально зафиксировано множество случаев жестокого отношения к лошадям в процессе их эксплуатации, что нередко приводило к их гибели¹¹⁴.

Обычным делом было несоблюдение правил дойки коров. Во многих колхозах вместо двух-трех раз коров доили один раз в день. Это приводило, с одной стороны к снижению их продуктивности, с другой — к болезням и даже гибели коров. Редким явлением на колхозных фермах были зимние прогулки скота.

В отношении к уходу за скотом опять можно выделить передовиков и стахановцев. Их следует рассматривать как людей, которые не только стремились к улучшению количественных показателей своего труда, но как работников,

стремившихся достичь этого, прежде всего, за счет улучшения качественной стороны дела. Их отличает соблюдение правил зоотехники — норм и рационов кормления, правил дойки и вскармливания молодняка, внимание к санитарно-гигиеническим условиям содержания скота и т.д. Передовики сельского хозяйства, как правило, были очень восприимчивы к достижениям агрономической и зоотехнической науки и целенаправленно внедряли их на своих участках и фермах¹¹⁵.

Поразительно жестокое отношение к колхозному скоту, наряду с объективными обстоятельствами — недостатком кормов, отсутствием специализированных помещений и т.д., можно попытаться объяснить разрывом культурной традиции в отношении к лошади и к корове, существовавшей в доколхозной деревне. И корова, и лошадь были в глазах крестьян «кормилицами» хозяйства. Известно особое, «трепетное» отношение крестьянок к «своей» корове. Корова на колхозной молочно-товарной ферме не только становилась «чужой» для крестьянок, но переставала быть «кормилицей». Жестокое отношение к скоту и плохой уход за ним распространялись на колхозное стадо, но ни в коем случае не на скот, находившийся на личных подворьях колхозников. А именно личные приусадебные хозяйства кормили колхозника и его семью. Можно также говорить и об отсутствии традиции «чистого», «культурного» содержания скота как таковой. Еще в начале XX века многих современников тревожило положение дел в животноводстве Европейского Севера. В Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности была подана специальная записка, в которой говорилось о заметном вырождении холмогорского скота. «Вырождение этой породы главным образом происходит от дурного питания телят (рано лишают их молока), содержания зимою в грязных, душных, а нередко и в холодных помещениях, и от ранней случки...». Современники также отмечали вырождение некоторых славившихся до этого пород рабочего скота¹¹⁶. С еще большим трудом можно представить какие-то иные — лучшие (чистые, светлые, теплые) условия содержания скота на Европейском Севере, например, в первой половине XIX или XVIII в., когда даже крестьянские избы отапливались по-черному, дров не всегда хватало для отопления человеческого жилья, а воду приходилось возить на себе или из колодца, или проруби (зимой).

Необходимо отметить, что нами не обнаружено принципиальной разницы в отношении к труду у колхозников конца 1930-х гг. и у членов коллективных хозяйств второй половины 1920-х гг. (созданных, как правило, на добровольной основе). Заметим также, что колхозы второй половины 1920-х гг. были весьма независимы от государства в своей хозяйственной деятельности и, получая от власти некоторую

материальную и финансовую помощь, взамен не отдавали практически ничего. Таким образом, объяснить падение культуры труда, равнодушие к колхозному труду только фактом насильственной коллективизации, видимо, нельзя.

Что вызвало незаинтересованное отношение большей части колхозников к результатам рук своих? Первая причина, это, безусловно, низкие доходы, которые получали колхозники от общественного производства. Первая заповедь колхозника: «сначала сдай хлеб государству, а потом распределяй оставшийся урожай на трудодни», естественно, не способствовала возникновению интереса колхозников к результатам своей производственной деятельности. Однако повышение эффективности труда в общественном хозяйстве неизбежно влекло за собой рост валовых сборов сельскохозяйственных культур, надоев и других показателей развития животноводства, а, значит, увеличивало и ту часть доходов, которая, после всех отчислений государству и во внутриколхозные неделимые фонды, оставалась для распределения по трудодням. Таким образом, колхозники должны были бы быть заинтересованными в увеличении количества и повышении качества своего участия в общественном производстве. Но в эту схему никак не укладывается, например, безобразное состояние колхозных зернохранилищ, где хранилось зерно, предназначенное для внутриколхозного употребления (семенной, кормовой, страховой фонды, хлеб, выделенный для распределения по трудодням). Представляется, что одной из главных причин незаинтересованности в результатах своего труда и всего, что с ним связано, являлось расхождение между целями аграрного производства, которые ставило государство, создавая колхозы, и традиционной мотивацией крестьянского труда. Крестьяне трудились не только для «выживания», они при этом предполагали достижение определенного уровня потребления. Разумеется, каждый крестьянин руководствовался своим уровнем желаний. Однако можно предположить, что в целом по России, особенно на Европейском Севере с его суровыми климатическими условиями и низкой отдачей от земли, этот уровень был сравнительно не высок. Нищета дореволюционной деревни, две изнурительные войны — мировая и гражданская, небольшая передышка в период нэпа, которая, однако, не сделала основную массу северного крестьянства «счастливой и зажиточной», ужасы насильственной коллективизации, жесткая конфискационная политика власти в колхозной деревне вряд ли позволяли задумываться крестьянину о каких-то «благах». Видимо, большая часть сельского населения руководствовалась народной поговоркой — «не до жиру, быть бы живу». Здесь следует учесть и фактор внешнего влияния. Какие блага и товары могла предложить крестьянину городская промышленность, занятая своим внутренним

развитием и ориентированная на производство средств производства? Недостаток промышленных товаров очень остро ощущался в деревне. В результате крестьяне, как и раньше, вели почти натуральное хозяйство: не только продукты, но и одежда, обувь, предметы домашнего обихода, мебели и т.д. изготавливались самими крестьянами. Конъюнктурные обзоры колхозно-базарной торговли на рынках Вологодской области в конце 1930-х гг. зафиксировали наличие устойчивого дефицита промышленных товаров. Этот недостаток не покрывался изделиями кустарных артелей, которые могли предложить лишь самый скромный перечень необходимых крестьянам изделий. Таким образом, отсутствие рынка потребительских товаров и услуг сдерживало формирование потребностей колхозников. А это, в свою очередь, ограничивало стремление колхозников к увеличению их трудовых усилий в общественном хозяйстве.

И здесь пролегает как раз грань между рядовыми колхозниками и передовиками, стахановцами сельского хозяйства. Последние имели больше возможностей приобщиться к благам цивилизации. Это и поездки для участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке или каких-то других форумах в Москву, с ее не только подземными дворцами и эскалаторами метро, поражавшими воображение человека, до этого не выбиравшегося дальше райцентра, но и с не менее впечатляющими магазинами, на посещение которых уходила значительная часть времени гостей столицы¹¹⁷. Это путевки на курорты, с их непривычным для сельской женщины уровнем сервиса¹¹⁸. Это и больше возможностей для получения каких-то дефицитных товаров. Ведь уже на районном, тем более, на областном или краевом уровне, разного рода собрания передовиков обставлялись соответствующим образом: обязательный буфет с городскими деликатесами, недоступные для простого человека товары для продажи, премирование опять же дефицитными товарами, культурная программа и т.д. Неслучайно, поэтому передовики и ударники в большей степени, нежели рядовые колхозники, были ориентированы на расширение своего участия в колхозном производстве, на получение максимального количества трудодней. При этом дело не сводилось только к материальному фактору. Для передовиков характерно эмоционально окрашенное, небезразличное отношение к процессу и предметам своего труда. В этом еще одно отличие между рядовыми колхозниками и стахановцами (передовиками, ударниками)¹¹⁹.

Можно также предположить, что до колхозов крестьянин работал хорошо и честно и потому, что его могли увидеть и осудить другие (соседи-общинники), и потому что на него смотрел Бог. После того, как храмы разрушили (в том числе и в душе человека), колхознику стало некого «стыдиться». Каких-то новых ориентиров,

понятных и приемлемых для всех, создано не было. Репрессивная политика оказалась неспособной в должной мере дисциплинировать крестьян. Радость, которая составляет главный эмоциональный фон жизни творчески производительных людей, не стала составляющей и направляющей труда колхозника. Исключение составили здесь только «ударники» и «стахановцы», которые увидели в деле, которым они занимались смысл своего существования¹²⁰. Их труд доставлял им не только материальное вознаграждение, но и радость, стал основой самоактуализации личности.

Подводя итоги рассмотрению характера и культуры труда в колхозах Европейского Севера во второй половине 1920-х — 1930-х гг., хотелось бы уточнить определение характера труда колхозников как «принудительного» и «подневольного». С точки зрения условий труда и системы мер принуждения к нему, труд колхозников существенно отличался от «принудительного» и «подневольного» труда, например, заключенных ГУЛага. Колхозники были достаточно свободны, например, в вопросе — работать или не работать на колхозном поле. В то же время отсутствие у крестьян желания работать хорошо, поскольку труд не приносил им не только необходимого и достаточного материального вознаграждения, но и морального удовлетворения (радости), сближает труд советских колхозников с «принудительным» и «подневольным» трудом узников советских лагерей, крепостных крестьян, рабов и т.д.

До конца 1930-х гг. труд основной массы колхозников сохранял традиционные черты: стремление к совместному (небольшими группами, семьями) труду, а также широкое распространение уравнительных настроений, как в процессе трудовой деятельности, так и при распределении доходов.

В 1930-е гг. в характере труда крестьян появились новые черты — усилилась внутривозрастная специализация, заявляли о себе элементы планирования, учета труда, выросла его техническая оснащенность. Однако следует признать, что все эти черты в течение первого колхозного десятилетия находились в стадии становления, на них сильное давление оказывала все та же традиция.

С точки зрения культуры крестьянского труда можно сказать, что 1930-е годы стали временем ее деградации. Это проявилось, прежде всего, в равнодушии крестьян к орудиям труда, предмету и результатам своей деятельности, в снижении качества сельскохозяйственных работ. В основе этого явления как утрата крестьянами чувства «хозяйина» на земле, так и низкий уровень притязаний, повышению которого городская промышленность, занятая форсированным производством средств производства, мало способствовала. Кроме того, следует отметить, что уровень культуры труда, который ожидала от крестьян власть, соответствовал представлениям о культуре труда в

индустриальном обществе. Крестьяне же могли предложить только уровень культуры традиционного общества, обусловленный природно-географической средой, климатическими условиями, возможностями и потребностями крестьянской семьи. И этот уровень находился в противоречии с ожиданиями властей. Отсюда постоянное желание властей «поднять», «улучшить», «увеличить» и т.п., которое в большинстве своем так и не было реализовано, отсюда постоянная неудовлетворенность «отсталой деревней».

В целом можно сказать, что труд крестьян в колхозах 1930-х гг. оставался в значительной степени традиционным. Ростки нового, «современного» (индустриализированного) труда представляло лишь сравнительно небольшое число ударников, стахановцев и прочих «передовиков» сельского хозяйства, которые хотя и радовали власть своим энтузиазмом, однако не могли переломить общую ситуацию в деревне.

Примечания.

¹ Русские. М., 1997; Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века. М., 2001; Зарубина Н. Проклятое благо // Отечественные записки. 2003. №3. С.289-300; Магун В. Смена диапазона // Отечественные записки. 2003. №3. С.260-275; Магун В.С. Об изменениях трудовых ценностей российского населения // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С.439-447; Magun V.S. Labour Culture // Russian Culture in Transition: Paradoxes of Consciousness / Ed. by D. Shalin. Boulder, Co: Westview Press, 1996.

² Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С.359.

³ См., напр.: Артемова О.В. Хозяйство крестьянского двора Европейского Севера России (вторая половина 1930-х — 1940-е гг.) // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вып. 2. Вологда. 2001. С.90-107; Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930-1960-х годах. Вологда, 2001; Четверикова М.В. Радикальный протест крестьян в начале 1930-х гг. (на материалах северной деревни) // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С.30-35 и т.д.

⁴ Ш.Фицпатрик. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С.12.

⁵ ГАВО. Ф.201. Оп.1. Д.1228. Л.19 об.

⁶ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.147. Д.242. Л.43, 59. Оп.2. Д.446. Л.96, 100, 122, 135 и др.

⁷ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.446. Л.149.

⁸ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.241. Л.24. Оп.2. Д.176. Л.102, 107, 173.

⁹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.241. Л.24. Оп.2. Д.446. Л.149.

¹⁰ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.446. Л.122.

¹¹ Зарубина Н. Проклятое благо // Отечественные записки. 2003. №3. С.293.

¹² Магун В. Смена диапазона // Отечественные записки. 2003. №3. С.271.

¹³ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.165. Л.1, 68. Д.446. Л.102.

¹⁴ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.147. Оп.2. Д.181. Л.84. Д.447. Л.117.

¹⁵ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.446. Л.109. Д.447. Л.66, 108.

¹⁶ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.447. Л.122.

¹⁷ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.241. Л.89, 96. Д. 242. Л.59; Оп.2. Д.176. Л.72, 175; Д.190. Л.159. Д.446. Л.126 и др.

¹⁸ ГААО. Ф.659. Оп.2. Д.130. Л.90.

¹⁹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.241. Л.55, 57-58, 104. Оп.2. Д.162. Л.95. Д.170. Л.121. Д.175. Л.197. Д.181. Л.117. Д.446. Л.19, 104, 126 и др.

²⁰ Новые, «советские праздники» в 1930-е гг., по-видимому, также отмечались. Однако свидетельств, о том, что они способствовали в той или иной мере срыву сельскохозяйственных работ не имеется. Причина этого, скорее всего, не в высокой сознательности крестьянства, якобы отмечавшего основные сельскохозяйственные работы начинаются достаточно поздно — после Первомайских праздников, а к Октябрьским праздникам (7 ноября) страда в основном завершалась.

²¹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.446. Л.37.

²² Так, председатель колхоза «Ударник» Череповецкого района Вологодской области Прасковья Белякова для того, чтобы на Ильин день колхозники не приезжали с сенокоса в деревню, сама купила вина на 180 рублей и увезла колхозникам. Последние, напившись вина, пьянствовали два дня и на сенокосе не работали. Можно предположить, что действия председателя предотвратили более длительный перерыв колхозников в работах. ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.181. Л.117.

²³ Так, в колхозе им. Буденного Сосновского сельсовета Вохомского района Вологодской области по инициативе председателя колхоза три дня отмечали завершение уборочных работ. На проведение праздника из кладовой колхоза взяли 400 килограммов ржи (для приготовления пива), 6 килограммов масла, 116 литров молока, зарезали 2 баранов. Когда об этой «пьянке» (как это было квалифицировано партийными органами) стало известно в районе, особое возмущение вызвал тот факт, что колхоз «завершение» уборочной кампании отмечал, не приступив совершенно ни к вспашке зяби, ни к молотье. Материал на председателя колхоза был направлен в прокуратуру для привлечения его к ответственности. ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.446. Л.159.

²⁴ ГАОПДФАО. Ф.290. Оп.1. Д.707. Л.125.

²⁵ Колхозы в 1937 году (по годовым отчетам). Ч.1. Растениеводство. М., 1939. С.46-47.

²⁶ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.442. Л.14.

²⁷ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.442. Л.85.

²⁸ ГААО. Ф.659. Оп.2. Д. 130. Л.63-64.

²⁹ Например, в колхозе «Первый луч» Никифоровской волости Вельского уезда Вологодской губернии при распределении доходов за 1928 г. члены Совета колхоза получили дополнительно по 20 рублей. ГАВО. Ф.201. Оп.1. Д.1228. Л.264.

³⁰ ГАВО. Ф.201. Оп.1. Д.1228. Л.20. Однако, следует отметить, что перегруженность некоторых дворов, входивших в колхоз, такими «нерабочими» категориями вызывала в первых коллективных хозяйствах разного рода споры и склоки, особенно в тех колхозах, где существовала уравнительная (по едокам) система оплаты.

³¹ ГАВО. Ф.201. Оп.1. Д.1024. Л.163.

³² Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» //Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.5. 1931-1941. М., 1971. С.398-401.

³³ ГААО. Ф.106. Оп.4. Д.21. Л.18.

³⁴ ГААО. Ф.106. Оп.4. Д.21. Л.20. ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.176. Л.103.

³⁵ По Примерному уставу сельхозартели 1935 г. — бригада создавалась на срок не менее одного полного севооборота. СЗ СССР. 1935. №11. Ст.82.

³⁶ ГАВО. Ф.3080. Оп.1. Д.11. Л.115.

³⁷ ВОАНПИ. Ф.2522. оп.1. Д.42. Л.66.

- ³⁸ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.240. Л.102. Д.241. Л.32, 40. Оп.2. Д.176. Л.71. Д.162. Л.124.
- ³⁹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.449. Л.26.
- ⁴⁰ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.445. Л.21.
- ⁴¹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.162. Л.23.
- ⁴² ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.162. Л.24. Д.190. Л.20. Д.446. Л.9. Д.447. Л.89. Д.448. Л.21, 35, 54, 66. Д.449. Л.15.
- ⁴³ Ш.Фицпатрик. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С.164.
- ⁴⁴ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.448. Л.35.
- ⁴⁵ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.241. Л.83. Оп.2. Д.176. Л.172. Д.190. Л.109. Д.448. Л.71.
- ⁴⁶ Для колхозников было весьма характерно стремление даже начинать работу сообща, всем вместе, поэтому пришедшие на работу раньше других обычно ждали, «пока не подтянутся остальные». ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.147.
- ⁴⁷ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.241. Л.199. Оп.2. Д.169. Л.9. Д.176. Л.102.
- ⁴⁸ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.7 об.
- ⁴⁹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.443. Л.91.
- ⁵⁰ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.446. Л.100.
- ⁵¹ Так, председатель колхоза «Ударный рыбак» Липино-Борского сельсовета Вашкинского района Вологодской области объяснил не начисление «двойных» трудодней в своем колхозе следующим образом: «вот соберем общее собрание и вынесем свое постановление, может, мол, колхозники не согласятся **разбазаривать** трудодни». ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.446. Л.102.
- ⁵² На совещании стахановцев в апреле 1939 г. известная в Вологодской области звеньевая льноводного звена, награжденная за свои успехи орденом, А.А.Малова из колхоза им. Кирова Лежского района, остановилась на отношении к ней со стороны односельчан. На одном из собраний в ее колхозе, когда Малова рассказывала о своих трудовых победах, один колхозник задал вопрос: «Если бы я не сделал плугов, так на чем бы она (Малова. — М.Г.) стала лен обрабатывать?». Сама Малова расценила подобную реплику, как проявление «темноты». ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.165. Л.69.
- ⁵³ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.241. Л.72.
- ⁵⁴ Одна из известных на всю страну стахановок — свинарка А.Е. Люскова из колхоза «Буденовец» Междуреченского района Вологодской области, ставшая прообразом героини известного советского фильма «Свинарка и пастух», признавалась, что от тяжелой работы «у свинарок руки болят». ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.474. Л.16.
- ⁵⁵ ГААО. Ф.266. Оп.4. Д.47. Л.7 об.
- ⁵⁶ ГААО. Ф.266. Оп.4. Д.47. Л.20 об, 21.
- ⁵⁷ ГААО. Ф.659. Оп.2. Д.130. Л.63-64.
- ⁵⁸ ГААО. Ф.106. Оп.4. Д.21. Л.18.
- ⁵⁹ ГААО. Ф.266. Оп.4. Д.47. Л.7 об., 23.
- ⁶⁰ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.42. Л.27.
- ⁶¹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.175. Л.165.
- ⁶² ГААО. Ф.659. Оп.2. Д.130. Л.84.
- ⁶³ ГААО. Ф.106. Оп.5. Д.212. Л.100. Ф.1892. Оп.2. Д.21. Л.7. ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.447. Л.44. Д.460. Л.137.
- ⁶⁴ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.460. Л.138.
- ⁶⁵ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.175. Л.157, 165, 182, 204. Д.190. Л.112. Д.446. Л.37. Д.448. Л.57-58.
- ⁶⁶ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.240. Л.47. Д.241. Л.26. Оп.2. Д.175. Л.157, 165. Д.176. Л.1-3, 18. Д.449. Л.30, 58.
- ⁶⁷ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.449. Л.58., 62.
- ⁶⁸ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.449. Л.156.

⁶⁹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.241. Л.2.

⁷⁰ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.448. Л.32.

⁷¹ Так, в коммуне им. Р. Люксембург (1928 г.) Архангельской губернии при наличии жнейки уборка проходила вручную, т.е. серпом, причем на жнитво, помимо своих сил был затрачен 101 трудодень наемных работников. Колхозы «Красный борец» и «Красная Потрушиха» Борисово-Судского района Вологодской области в августе 1940 г. наняли на уборку хлеба (серпами!) 13 женщин из соседнего района, которые получили за свой труд от 2,5 до 3 пуд. зерна за каждый убранный гектар. Инструктора отдела кадров обкома партии Пименко, сообщившего в обком об этом факте, особенно возмутило то, что рабочая сила нанималась в колхозах, где имелись свои уборочные машины (не отремонтированные к началу уборки) и что собственные колхозники выходили на работу не ранее 8-9 часов утра, а большинство из них и вовсе к августу не выработало ни одного трудодня. ГААО. Ф.266. Оп.4. Д.47. Л.7. ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.42. Л.64. Оп.2. Д.446. Л.127, 149, 158, 166. Д.449. Л.58., 62, 68., 156. Д.452. Л.88.

⁷² ГААО. Ф.106. Оп.5. Д.212. Л.100. Ф.266. Оп.4. Д.47. Л.6 об., 7.

⁷³ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.446. Л.101, 166.

⁷⁴ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.447. Л.143, 145. Д.449. Л.86а.

⁷⁵ Например, тракторные молотилки в Вохомском районе были использованы в 1940 г. только на 50%, остальное время они простаивали. Колхозные молотилки использовались не более чем на 5-6% ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.449. Л.96-97.

⁷⁶ Машинист льнообрабатывающей машины колхоза «Хлебороб» Петриневского района Вологодской области говорил на совещании передовиков льноводства в июле 1939 г., что колхозы не подготовили необходимое количество тресты, поэтому агрегат часто простаивал. Ему приходилось самому искать тресту по ближайшим колхозам. Подобные примеры были характерны и для других колхозов и районов. ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.169. Л.5. Д.447. Л.43.

⁷⁷ Например, в колхозе «Сидоровское» Грязовецкого района Вологодской области машинист Месилов на жатке убрал за все время уборки 80 га. В колхозе «Стойкий» Верховского сельсовета Андомского района имелось две сенокосилки, на одной из которых работал сам председатель колхоза Нестеров, на другой — счетовод. За 13 дней они скошили около 80 га, т.е. по примерно по 3 га на косилку в день. Практически с сенокосом в 1940 г. в колхозе справились всего 3 человека (третий — на конных граблях), в то время как в 1939 г. при достаточном количестве рабочей силы в этом же колхозе косили свыше месяца и все равно часть сенокосов осталась не убранной. ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.446. Л.83, 151.

⁷⁸ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.42. Л.64. Д.241. Л.26. Оп.2. Д.175. Л.157, 165. Д.176. Л.2,86. Д.190. Л.40. Д.446. Л.84, 97, 149. Д.447. Л.89. Д.448. Л.65. Д.449. Л.68 и др.

⁷⁹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.42. Л.64. Оп.2. Д.449. Л.30.

⁸⁰ М.Н.Глумная. К вопросу о землепользовании колхозов на Европейском Севере СССР в 1930-е гг. // Землепользование и землевладение в России. XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений Калуга, 24-28 сентября 2002 г. М., 2002. С.153.

⁸¹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.446. Л.150. Так, по данным ветеринарного осмотра лошадей в январе 1940 г. в 33 районах Вологодской области, из 119219 лошадей 54402 (или 45,6%) были отнесены к категориям истощенных, ниже средней упитанности и с травматическими повреждениями. (ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.447. Л.51).

⁸² ГААО. Ф.1892. Оп.8. Д.89. Л.16.

⁸³ Так, в колхозе «Маяк» Перцевского сельсовета Грязовецкого района Вологодской области в 1940 г. на жнейке за все время работ убрали 11 гектар, а в колхозе «Красная звезда» жнейка-самосброска давала производительность труда 0,30 га в день. В колхозе «Красный маяк» Рослятинского района производительность посевных работ вручную была выше, чем сеялкой. В Чагодощенском районе производительность жнеек и

косилок не превышала 1,6 га в день. ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.446. Л.36, 150. Д.447. Л.111.

⁸⁴ Так, в колхозе «Красная Суда» Борисово-Судского района Вологодской области на убранных комбайном полях с посевами пшеницы, ячменя и овса от осыпавшегося зерна образовались всходы, равные по частоте разброшеному севу. ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.172 об.

⁸⁵ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.175. Л.23. Д.446. Л.166.

⁸⁶ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.442. Л.23 Д.449. Л.69.

⁸⁷ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.442. Л.25-26.

⁸⁸ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.161. Оп.2. Д.183. Л.260 об. Д.192. Л.40.

⁸⁹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.240. Л.42. Оп.2. Д.183. Л.260 об.

⁹⁰ В Вологодской области в 1939 г. было всего не более 5 автомобилей на каждые 100 колхозов. Однако в колхозе «Коммунар» Междуреченского района только что купленная автомашинка стояла в сарае без крыши и никого не волновала ее сохранность. ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.181. Л.24.

⁹¹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.443. Л.114.

⁹² ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.176. Л.86.

⁹³ Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века. М., 2001. С.165.

⁹⁴ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.42. Л.63. Оп.2. Д.163. Л.83 и др.

⁹⁵ М.М.Громыко. Мир русской деревни. М., 1991. С.14-16.

⁹⁶ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.42. Л.64. Подобный факт был вскрыт и в колхозе «Верный путь» Тотемского района Вологодской области в 1939 г. ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.175. Л.204.

⁹⁷ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.175. Л.182, 204. Д.190. Л.6а, 112. Д.446. Л.62.

⁹⁸ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.4 об.

⁹⁹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.4а. Д.241. Л.22. Оп.2. Д.181. Л.24. Д.446. Л.37, 63, 172.

¹⁰⁰ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.42. Л.64. Д.241. Л.21, 22, 23, 102. Д.242. Л.2 об, 9, 9 об., Оп.2. д.175. Л.189. Д.176. Л.12. Д.181. Л.24. Д.448. Л.37, 72. Д.452. Л.35, 54.

¹⁰¹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.442. Л.2.

¹⁰² Один из партийных лидеров Северного края Д.А.Конторин в докладе на IV Пленуме Севкрайкома ВКП(б) в январе 1933 г. привел факт, имевший место, правда, не в колхозе, а в совхозе «Молочное», что, впрочем, не менее показательное: вместо посеянной весной силосной культуры выросла хорошая рожь. Дело объяснилось просто — в предыдущем году на этом поле была рожь, и ее убирали с такими потерями, что осеменили участок и рожь, *не сеянная, а потерянная*, заглушила сенокосный посев. (Д.А.Конторин. За большевистские колхозы. Архангельск, 1933. С.23).

¹⁰³ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.181. Д.241. Л.19, 29. Д.242. Л.37.

¹⁰⁴ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.241. Л.22, Оп.2. Д.176. Л.133. Д.183. Л.20, 163 об., Д.452. Л.51, 127 и др.

¹⁰⁵ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.192. Д.240. Л.152.

¹⁰⁶ В.Сибиряк. Очередные задачи сельского хозяйства Северного края Архангельск, 1932. С.55.

¹⁰⁷ ВОАНПИ, Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.18. Д.241. Л.10 об., 21, 29, 41. Оп.2. Д.175. Л.31. Д.181. Л.67. Д.183. Л.20. Д.450. Л.6, 29. Д.452. Л.51, 58 и др. Следует отметить, что скопление навоза на скотных дворах происходило в то время, когда бедные северные почвы в нем остро нуждались. Унаваживание почвы в размерах, превышавших общесоюзный уровень — отличительная черта северной деревни в 1920-е гг. (По материалам выборочного опроса крестьянских хозяйств 1927 г. навозные удобрения применяли 66% хозяйств (одно из первых мест по стране), озимое поле удобрялось на

75%, яровое — на 41% (самый высокий показатель по стране). (Доброноженко Г.Ф. Коллективизация на Севере. 1929-1932. Сыктывкар, 1994. С.30).

¹⁰⁸ За превращение Северного края в мощную социалистическую фабрику молока и мяса. Доклад секретаря Севкрайкома ВКП(б) тов. Вл. Иванова на краевом слете сталинских ударников животноводства 24 октября 1933 г. //За превращение Северного края в мощную социалистическую фабрику молока и мяса. Сборник материалов для партийного, комсомольского, советского, профсоюзного, совхозного и колхозного актива. Партиздат. Северное краевое отделение, 1933. С.37.

¹⁰⁹ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.450. Л.4.

¹¹⁰ ВОАНПИ, Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.187. Оп.2. Д.448. Л.30. Д.450. Л.29 и др.

¹¹¹ Колхозы в 1937 году (по годовым отчетам). Ч.1. растениеводство. М., 1939. С.30-31.

¹¹² В краю Северном. Страницы истории Архангельской областной партийной организации. Северо-Западное книжное издательство, 1969. С.164. Выполнение плана по сельскому хозяйству на 1 января 1939 г. Основные показатели. М., 1939. С.82-83.

¹¹³ В колхозе «Организатор» Нефедовского сельсовета Грязовецкого района Вологодской области в апреле 1937 г. около недели лежал в навозе павший теленок, который уже начал разлагаться. Уполномоченный Вологодского обкома ВКП(б) И.Алексеев, проверяя в феврале 1938 г. состояние вывозки навоза на поля в колхозе «Прожектор» Большедворского сельсовета, обнаружил выкидыша-жеребенка в навозе. При проверке выяснилось, что в колхозе абортировало 8 кобылиц. В колхозе им. Чапаева того же сельсовета конюх И.В.Монзиков, пытаясь скрыть факт выкидышей у кобылиц, зарывал жеребят в навоз или бросал их собакам, «чтобы не было скандала». В колхозе «Октябрьская революция» Нигинского сельсовета Никольского района под навозом обнаружено 11 телят. В колхозе им. Молотова Верхне-Кемского сельсовета того же района исчезли 8 импортных свиней. Нашли только одни кости в навозе. В некоторой степени, извиняет колхозников, ухаживавших за скотом, только стремление скрыть следы своей «деятельности». Видимо, у основной массы крестьян подобный «уход» вызывал все же справедливое возмущение. ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.47. Л.181. Д.241. Л.41. Д.242. Л.29 об., 36.

¹¹⁴ Обычное явление — «холки у лошадей сбиты» — иногда перерастало в страшные явления. В колхозе «Урожай» Вахневского сельсовета Никольского района Вологодской области так ободрали лошадь, что она упала. Пошли за народом, чтобы ее поднять, а когда пришли, оказалось, что собака грызет хребет этой лошади. В другом колхозе «Весна» этого же района К.П.Треснин приехал со станции Шарья на двух лошадях — у одной из них со спины было содрано не только мясо, но и хребетная кость, а вторая на трех ногах. В последнем случае, видимо, подразумевается, что четвертая нога у лошади была повреждена, и она хромала на трех ногах. В колхозе «Красный балтиец» Хлопуновского сельсовета Белозерского района Вологодской области И.Я.Андрианов имел обыкновение избивать лошадь поленом, от таких побоев лошадь часто падали ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.1. Д.163. Л.5. Д.241. Л.41.

¹¹⁵ ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.443. Л.73. Председатель колхоза «Пионер» Петриневского района Кузнецов рассказывал на Вологодском областном совещании передовиков сельского хозяйства в марте 1940 г., что когда он пришел на ферму, колхозники не думали даже, что «корову среди навоза можно содержать чистой». Но ситуация вскоре изменилась, и «коровы у нас чистые». Здесь же известная на Вологодчине свиноводка М.В.Корюкина, ставшая депутатом Верховного Совета СССР, делилась своим опытом: «На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке животные мылись ежедневно. Мы перенесли этот опыт на свою группу, мыли свиней ежедневно и эта чистота дает в два раза большие результаты. ... При мойке свиней корма требуется меньше и привес больший». Еще одна знатная свиноводка — А.Е.Люскова — была озабочена проблемой, как вскормить 20 поросят при наличии у матки 18 сосков, так,

чтобы не потерять ни одного поросенка. Люскова не успокоилась, пока выход не был найден — разработана специальная очередность кормления поросят.

¹¹⁶ История северного крестьянства. Т.2. Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск, 1985. С.211.

¹¹⁷ О незабываемых впечатлениях о поездке в Москву можно узнать, например, из доклада колхозницы сельскохозяйственной артели им. Ленина — делегатки Второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников А.В.Кондратовой на общем собрании членов Хозьминской артели //В.Страхов. Хозьмино. 5 лет Хозьминской артели им. В.И.Ленина Вельского района. Архангельск, 1935. С.40-48.

¹¹⁸ А.А.Малова, стахановка из Вологодской области, была, например, потрясена тем, что во время отдыха на курорте, ей даже постель за собой и за ребенком не давали убирать, «так хорошо заботились о нас». ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.165. Л.68.

¹¹⁹ Например, лекция, прочитанная известной вологодской свиноводкой Люсковой перед работниками сельского хозяйства области в 1940 г., поражает ее теплым, каким-то «домашним» отношением к своим подопечным. Передовик-льновод И.Тихомиров, обнаруживший на своих посевах льняную блоху, в два часа ночи врывается домой к председателю колхоза, чтобы сообщить эту неприятную новость и немедленно предпринять какие-то защитные действия.

¹²⁰ . Характерны, например, слова одной из вологодских стахановок Кувалдиной (заведующей молочно-товарной фермой в колхозе «1 мая» Грязовецкого района), сказанные на областном совещании передовиков сельского хозяйства в марте 1940 г.: «работа нас любит, и мы должны ее любить». (ВОАНПИ. Ф.2522. Оп.2. Д.443. Л.28).

МОДЕРНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ (60-90-Е ГОДЫ XX ВЕКА).

Кто хотя бы в общих чертах знаком с историей XX в., не станет спорить с утверждением о весьма существенной специфике и даже уникальном своеобразии аграрного развития России. С другой стороны, есть основания рассматривать аграрную эволюцию России XX в. в контексте универсальных общемировых закономерностей. Аграрные преобразования были процессом модернизации сельского хозяйства, формой трансформации традиционного российского общества в индустриальное. Необходимость ускоренной модернизации крестьянской страны, реализованная в рамках различных социально-политических моделей общественного устройства, определила и специфику аграрной эволюции России, и ее общецивилизационный контекст, и преемственность аграрных преобразований на различных исторических этапах. Анализ этих вопросов представляет несомненный научный интерес.

С этих же методологических позиций правомерно рассмотрение истории раскрестьянивания российской деревни. С одной стороны, раскрестьянивание – общеисторическая закономерность перехода от аграрного общества к индустриальному. С другой стороны, в России в XX в. был продемонстрирован национально-самобытный вариант раскрестьянивания.

В литературе существуют различные точки зрения по вопросу о сущности, особенностях, этапах и итогах раскрестьянивания российской деревни. По нашему мнению, раскрестьянивание – объективный социально-экономический процесс, однако политические и идеологические установки властей, не меняя общей закономерности общественного развития, придают раскрестьяниванию особую окраску. Этот процесс не может проходить без активного участия государственных институтов и без влияния идеологической компоненты.

Под раскрестьяниванием мы понимаем многогранный процесс, включающий постепенную утрату сущностных черт традиционного крестьянского сознания, его

трансформацию под влиянием процессов модернизации сельского хозяйства и урбанизации общества; разрушение производственной составляющей жизненного уклада крестьянства, приспособление крестьянских хозяйств к условиям модернизации в советском нерыночном и постсоветском рыночном вариантах; изменение экономических функций личных хозяйств и характера их отношений друг с другом и с колхозами; сокращение численности сельского социума, изменение среды обитания и социально-демографических характеристик крестьянства и всего сельского населения.

В работе ставилась цель проанализировать некоторые проблемы аграрной модернизации России в 60 – 90-е гг. XX в., их воздействие на процессы раскрестьянивания деревни, сопоставить во многом отличные друг от друга варианты российской модернизации и раскрестьянивания в 60-80-е и 90-е гг.

Аграрный курс середины 60-х – 80-х гг. предусматривал увеличение капиталовложений в аграрный сектор и сопряженные с ним отрасли, усиление паритетности отношений между промышленностью и сельским хозяйством, совершенствование планирования, установление твердых планов закупок, повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, установление надбавок за сверхплановую продажу, укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, электрификацию и комплексную механизацию, развитие сельскохозяйственной науки, химической, микробиологической и комбикормовой промышленности, мелиорацию земель, совершение форм организации производства, улучшение управления сельским хозяйством, расширение хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов при осуждении субъективизма и вмешательства в их хозяйственную деятельность, развитие кооперативной собственности и колхозной демократии, социальную реконструкцию села и укрепление социальных гарантий для сельского населения путем развития государственной социальной системы, развитие личных подсобных хозяйств граждан. Эти меры вполне соответствовали тенденциям развития аграрных отношений и производительных сил. Правда, многие принципиально важные и действительно новаторские предложения ученых-аграрников и рекомендации практических работников 60-х гг., предусматривавшие расширение экономической самостоятельности в аграрном секторе, не были востребованы¹.

Предложив ряд разумных, хотя теоретически и исторически ограниченных мер в области сельского хозяйства, партийно-государственное руководство тех лет не смогло последовательно провести их в жизнь. Уже во второй половине 60-х гг. ряд

принципиально важных решений 1965 г. не выполнялся. Прежде всего, не осуществлялся в полной мере курс на перераспределение национального дохода в пользу сельского хозяйства, хотя на рубеже 50–60-х гг. в литературе формулировалось принципиальное положение о том, что объем инвестиций в сельское хозяйство должен быть пропорционален объему создаваемого в этой отрасли экономики национального дохода. Реальное же положение было таково: сельское хозяйство СССР создавало 31 % национального дохода страны, а получало 8 % от общего объема капитальных вложений. При таком положении невозможно было обеспечить нормальное расширенное воспроизводство в сельском хозяйстве, в пищевой и легкой промышленности, обеспечить надежное продовольственное снабжение населения и решить социальные проблемы села².

Дискриминационная сама по себе проблема неэквивалентного обмена особо большой вред наносила колхозной деревне. Так, в 1964 г. через закупочные цены и прямые денежные доходы у совхозов изымалось 46 % стоимости создаваемой продукции, а у колхозов – 43 %. Однако 87 % суммы, вычтенной из доходов совхозов, возвращались в порядке финансирования из бюджета, колхозы же не получали назад ничего. В результате пропорции распределения валового дохода, произведенного в колхозах и совхозах, были различными. В целом по СССР соответствующие данные выглядели следующим образом (таблица 1)³.

Неэквивалентный характер межотраслевого обмена не был секретом и для политического руководства страны. В этой связи сошлемся на записку руководителя ЦСУ В. Старовского "О предварительных итогах производства

Таблица 1

Распределение валового дохода, созданного в разных секторах сельского хозяйства СССР (1964 г., %)

Показатели	Совхозы	Колхозы
Чистый доход государства	15,2	50,4
Фонд оплаты труда	53,6	37,3
Внутрихозяйственное накопление	31,2	12,3
Итого	100,0	100,0

и распределения национального дохода СССР за 1965 год". Национальный доход по отдельным отраслям народного хозяйства представлен в таблице 2⁴, а структура национального дохода отражена в таблице 3⁵. Как отмечается в записке, отнесение всего налога с оборота к национальному доходу промышленности не соответствует производству национального дохода в отдельных отраслях. В то же время нельзя

весь налог с оборота считать чистым доходом, созданным в сельском хозяйстве. Помимо налога с оборота за нефтепродукты, электроэнергию, металлические и химические товары народного потребления и рыбу, к промышленности следовало бы отнести часть налога с оборота на продукты, изготовленные из сельскохозяйственного сырья (хлеб, сахар, ткани и т.д.). Приблизительный расчет: из 38,2 млрд. руб. налога с оборота за 1965 г. к сельскому хозяйству следует отнести 20,3 млрд. руб. Исходя из этого, распределение национального дохода по отраслям будет выглядеть следующим образом (таблица 4).

Таблица 2

Национальный доход по отдельным отраслям народного хозяйства
(в млрд. руб., в фактических ценах, налог с оборота учтен в промышленности)

Показатели	1958	1964	1965
Весь национальный доход, млрд. руб., в том числе	127,7	181,2	192,1
Промышленность	64,2	97,0	103,9
Строительство	12,1	15,9	16,8
Сельское хозяйство	30,9	39,0	40,5
грузовой транспорт и связь	5,6	10,0	10,7
торговля, заготовки и материально-техническое снабжение	8,3	10,4	11,2
Прочие отрасли	6,6	8,9	9,0

Таблица 3

Структура национального дохода СССР
(в % к итогу национального дохода, с учетом налога с оборота)

Показатели	1958	1964	1965
Весь национальный доход, %, в том числе	100,0	100,0	100,0
Промышленность	50,2	53,5	54,1
Строительство	9,5	8,8	8,8
Сельское хозяйство	24,1	21,5	21,1
грузовой транспорт и связь	4,4	5,5	5,6
торговля, заготовки и материально-техническое снабжение	6,5	5,8	5,8
Прочие отрасли	5,8	4,9	4,6

Таблица 4

Распределение национального дохода по отраслям

Показатели	1964 год		1965 год	
	млрд. руб.	% к итогу	млрд. руб.	% к итогу
Весь национальный доход, в том числе	181,2	100,0	192,1	100,0
в сельском хозяйстве:				
-без учета налога с оборота	39,0	21,5	40,5	21,1
-с учетом налога с оборота	58,7	32,4	60,6	31,5
в промышленности:				
-с учетом всего налога с оборота	97,0	53,5	103,9	54,1
-с учетом части налога	74,3	41,0	80,8	42,1

Если распределить между промышленностью и сельским хозяйством прибыль предприятий легкой и пищевой промышленности по товарам, изготовленным из сельскохозяйственного сырья (налог с оборота и прибыль), то прибавка к сельскому хозяйству составит приблизительно 26 млрд. руб., вместо 20 млрд. руб. при распределении одного налога с оборота, а доля сельского хозяйства в национальном доходе повысится до 34 – 35 %⁶.

После 1965 г. объем капитальных вложений на развитие сельского хозяйства возрос, но в меньших масштабах, чем было запланировано (таблица 5)⁷. Кроме того, как и прежде, выделенные селу средства нередко использовались не по прямому назначению. Отвлечение средств из сельского хозяйства имело повсеместный характер. Ритуальное осуждение этой практики, в том числе на самом высоком уровне, ничего не меняло по существу⁸.

Однако наряду с незаконными существовали и вполне официальные каналы отвлечения средств из сельского хозяйства. В "Справке о невозмещенных совхозам и колхозам расходах", подготовленной в Министерстве сельского хозяйства СССР для сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС (18 мая 1970 г.), отмечается, что "особенно большие затраты колхозы и совхозы производят за счет собственных средств по содержанию предприятий общественного питания, магазинов, школ, интернатов, детских садов, больниц, клубов и других культурно-бытовых учреждений. Кроме того, большие средства затрачиваются на строительство школ, магазинов, клубов, больниц, дорог, санаториев и других зданий. При этом часть из них передается безвозмездно

другим организациям"⁹. Невозмещенные расходы колхозов составляют 6 % и по совхозам 2,9 % к общим затратам на основное производство. В справке отмечается далее, что значительную часть расходов колхозы и совхозы несут на основании действующих законодательных актов, решений правительства, многие из которых были приняты 10-20 лет назад в иных условиях взаимоотношений колхозов и совхозов с государством; остальные расходы "не предусмотрены никаким законодательством"¹⁰.

Таблица 5

Динамика капитальных вложений в сельское хозяйство СССР

Виды капитальных Вложений	П Е Р И О Д Ы					
	1961-1965	1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985	1986-1990
Государственные капитальные вложения и средства колхозов, направляемые в сельское хозяйство, всего, млрд. руб.	51,4	84,0	134,4	175,2	204,6	243,9
Прирост за пятилетие:						
абсолютный, млрд. руб.	-	32,6	50,4	40,8	29,4	39,3
относительный, %	-	63,4	60,0	30,4	16,8	19,2
Государственные капитальные вложения и средства колхозов, направляемые в сельское хозяйство по объектам производственного назначения, млрд. руб.	42,3	66,7	111,2	143,2	156,2	183,8
Прирост за пятилетие:						
абсолютный, млрд. руб.	-	24,4	44,5	32,0	13,0	27,6
относительный, %	-	57,7	66,7	28,8	9,1	17,7
Капитальные вложения по всему комплексу работ, млрд. руб.	56,9	96,2	152,8	199,6	227,2	268,9
Прирост за пятилетие:						
абсолютный, млрд. руб.	-	39,3	56,6	46,8	27,6	41,7
относительный, %	-	69,1	58,8	30,6	13,8	18,4

Все последующие годы колхозы и совхозы продолжали нести значительные затраты, аналогичные отмеченным выше, что негативно отражалось на себестоимости продукции, финансовом положении хозяйств¹¹. Конечно, выполнение колхозами и совхозами ряда социальных функций было в определенной степени оправдано, целесообразно. К тому же, никаких других органов, обладавших реальной властью и

ресурсами на селе не было, а отсутствие рыночных отношений не позволяло развиваться мелкому бизнесу в сфере сельского быта, культуры. Оставался колхоз, решавший целый блок общих социальных и экономических проблем жителей села. Именно таким и воспринимался колхоз в сознании крестьян-колхозников, видевших в нем *единственную реальную власть*, чем-то напоминавшую вчерашнюю общину.

По существу колхозы были крупными социальными институтами, которые поддерживали и структурировали повседневную жизнь в деревне, выполняли функции своеобразной "коллективной инфраструктуры", заботились о сфере соцкультбыта, создавали соответствующие условия для подсобных хозяйств. Выполнение этих функций ложилось дополнительным бременем на экономику хозяйств, но с другой стороны, укрепляло социальные отношения на селе и может рассматриваться как своеобразная форма оплаты труда в сельском хозяйстве, поддерживало существование ЛПХ, сохраняло коллективистские традиции крестьянства, сдерживало раскрестьянивание деревни. Нежелание государства компенсировать непроизводственные затраты колхозов свидетельствовало о непонимании их реальной социальной роли и продолжающейся дискриминации колхозной деревни.

С нарастающими отступлениями от провозглашенных в 1965 г. принципов осуществлялась заготовительная политика, которая оставалась несовершенной и в основе своей нерыночной. В стремлении получить надбавки за сверхплановую продажу пшеницы и ржи хозяйства добивались заниженных планов, скрывали часть посевов от статистического учета, сокращали продажу государству ячменя, овса, кукурузы и других культур¹². Используя разницу в ценах, руководители некоторых колхозов и совхозов закупали скот у населения и перепродавали его государству как колхозный и совхозный¹³. В ряде районов страны вопреки постановлению 1957 г. об отмене обязательных поставок продукции с ЛПХ руководители сельских советов и потребкооперации устанавливали обязательные для колхозников, рабочих и служащих задания по продаже мяса, молока, масла или порядок продажи товаров повышенного спроса только при условии сдачи определенного количества продукции¹⁴. Продолжалась практика корректировки планов закупок.

Принципы администрирования сохранялись не только в заготовительной политике. Они по-прежнему пронизывали всю аграрную практику и деформировали курс на расширение хозяйственной самостоятельности. Так, реальные права совхозов, переведенных на хозрасчет, оставались ограниченными. Даже в условиях хозрасчета

происходило изъятие средств у хорошо работающих совхозов и поддержание за их счет убыточных хозяйств¹⁵.

Непоследовательность и декларативный характер аграрной политики середины 60-х гг. отчетливо проявились в отношении к колхозно-кооперативной собственности. Осудив массовое преобразование колхозов в совхозы и нарушения норм колхозной демократии, политическое руководство так и не признало за колхозами право на кооперативную самостоятельность. Однако соображения прагматизма заставили партию внести коррективы в колхозную политику. Продолжение практики массового превращения колхозов в совхозы становилось нецелесообразным. В РСФСР в 1954 - 1965 гг. в совхозы был преобразован 14271 колхоз, в том числе за 1961 - 1965 гг. - 3986. За 1966 - 1970 гг. было преобразовано в совхозы 2176 колхозов России¹⁶. Таким образом, после 1965 г. преобразование колхозов в совхозы проводилось, но в меньших масштабах. Оставалась декларативной и критика нарушений норм колхозной демократии¹⁷.

Во второй половине 60-х гг. в сельском хозяйстве страны произошли положительные перемены. Сельскохозяйственные основные производственные фонды выросли в 1970 г. по сравнению с 1965 г. на 47 %, а в расчете на одного работника на 56 %. Укрепилась материально-техническая база сельского хозяйства. В большинстве колхозов была введена гарантированная оплата труда, государственное пенсионное обслуживание. Эти меры благоприятно отразились на развитии сельского хозяйства. Однако положение дел в сельском хозяйстве оставалось сложным, а хозяйственный механизм эволюционировал в сторону ограничения самостоятельности колхозов и совхозов.

Конечно, в решениях середины 60-х гг. отсутствовала четко выраженная линия на рыночную перестройку аграрного сектора, задача трансформации структуры собственности и создания институтов рыночной экономики не ставилась. В настоящее время такой подход кажется ограниченным. Однако было бы антиисторичным требовать от политиков той поры сегодняшнего понимания проблем. В середине 60-х гг., в условиях широко распространенных в обществе антирыночных настроений, более решительный шаг в этой области был невозможен. Хотя решения в области сельского хозяйства не носили радикального характера, они отвечали потребностям развития экономики и содержали элементы рыночного регулирования экономики. В качестве первых шагов по освоению рыночных механизмов они были вполне логичны. Появилась возможность последующей эволюции аграрной политики в сторону рынка.

Поставив вопрос об освоении товарно-денежных механизмов в плановой системе, руководство страны отразило понимание общемировой тенденции усиления взаимосвязи рынка и плана, государственного регулирования аграрного сектора, но важнейшая тенденция общественного развития не была учтена сколько-нибудь удовлетворительно¹⁸.

Вследствие идеологической ортодоксальности, консерватизма части высшего партийного руководства, явного преобладания догматизма над экономической целесообразностью альтернативный вариант развития аграрного сектора был упущен. Эволюция аграрной политики приобретала все более антирыночный характер. Отказавшись от проведения аграрной реформы, советское руководство второй половины 60-х гг. во многом предопределило последующую стагнацию сельского хозяйства, характер раскрестьянивания.

На рубеже 60 – 70-х гг. произошла определенная смена акцентов в аграрном курсе. Приоритетное внимание было уделено не расширению хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов и совершенствованию аграрных отношений, а укреплению материально-технической базы сельского хозяйства. Решающим фактором, повлиявшим на выбор приоритетов в аграрной политике, было состояние материально-технической базы, уровень технической оснащенности сельского хозяйства, который к началу 70-х гг. не соответствовал потребностям развития отрасли¹⁹. Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства России на рубеже 60-70-х гг. было объективно назревшей потребностью и соответствовало тенденциям развития производительных сил. По существу советское сельское хозяйство вступило в стадию завершающей индустриализации, и с этой точки зрения аграрная политика отражала процессы модернизации общества.

Модернизация материально-технической базы сельского хозяйства требовала, во-первых, коренного изменения условий обмена между сельским хозяйством и несельскохозяйственной сферой экономики, внесения корректив в распределение национального дохода, увеличения инвестиций не только в сельское хозяйство, но и в отрасли, выпускающие для него средства производства, в опытно-конструкторские и научные разработки, в сферу технического сервиса в АПК; во-вторых, создания такого экономического механизма, который стимулировал бы высокопроизводительное использование техники, ее должную сохранность и качественный ремонт, обеспечил реальный учет производственных затрат и уровня их экономической целесообразности.

Решение этих задач предусматривалось курсом 1965 г. и требовало продолжения хозяйственной реформы. Однако этого не произошло.

Отказ от хозяйственной реформы, усиление администрирования и диктата в сельском хозяйстве наиболее отчетливо проявились в области планирования производства. При составлении планов производства и продажи сельскохозяйственной продукции на IX пятилетку колхозы и совхозы, местные органы власти попытались проявить некоторую самостоятельность. В результате планы производства и заготовок и сверхплановой продажи продукции, оказались несколько меньше, чем было предусмотрено проектом Госплана СССР. Однако под сильнейшим давлением ЦК КПСС, его Секретариата и сельскохозяйственного отдела ЦК попытки проявления самостоятельности были пресечены, колхозы, совхозы, области, края и республики были вынуждены увеличить планы производства и заготовок продукции на 1971–1975 гг. в соответствии с директивами Госплана СССР²⁰. Не были самостоятельны хозяйства не только в планировании, но и в распоряжении прибылью²¹.

Усиление администрирования, ограничение хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов сдерживали развитие материально-технической базы сельского хозяйства, не способствовали повышению эффективности использования техники. Продолжал действовать затратный механизм в отрасли. Это стимулировало поиск путей дальнейшей модернизации сельского хозяйства. Казалось бы, выход был в расширении товарно-денежных отношений, повышении самостоятельности хозяйств, в реальном перераспределении национального дохода в пользу сельского хозяйства. Однако этого не произошло. Оставался путь проведения организационных перестроек. В результате в начале 70-х гг. усиливается интерес к развитию межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.

К началу 70-х гг. был накоплен опыт работы комплексов промышленного типа, межхозяйственных предприятий и объединений. На них, как правило, достигались более высокие показатели производственной деятельности: выше среднесуточные привесы на откорме скота, ниже затраты кормов и себестоимость, выше рентабельность производства. Литература тех лет полна примерами подобного рода²². Особенно убедительно выглядели показатели предприятий Птицепрома²³.

Обобщив опыт развития кооперации и интеграции на межхозяйственной основе, ЦК КПСС в 1976 г. принял постановление по данному вопросу, в котором специализация и концентрация сельскохозяйственного производства на базе широкого

кооперирования, перевод его на современную индустриальную основу провозглашались магистральным направлением развития сельского хозяйства²⁴.

Как осуществлялся названный курс? Обратим внимание, прежде всего, на динамику роста числа межхозяйственных предприятий и организаций. До середины 70-х гг. процесс протекал в естественных границах, о чем свидетельствует равномерный рост числа предприятий на протяжении многих лет. Резкий скачок середины 70-х гг. был обусловлен искусственным форсированием данного процесса и отражал экстенсивный характер развития межхозяйственной кооперации.

Каковы общие итоги осуществления курса? На строительство животноводческих комплексов были направлены значительные материальные и финансовые ресурсы. Удельный вес капитальных вложений на животноводческие комплексы и птицефабрики составил во второй половине 70-х гг. почти 31 % от всех затрат на животноводство²⁵. Статистические данные свидетельствуют о более высокой экономической эффективности животноводческих комплексов²⁶.

Однако в развитии животноводческих комплексов имелись многочисленные недостатки. Практически повсеместно острыми были проблемы кормов, неукomплектованность высокопродуктивным промышленным стадом, высокая стоимость строительства, отсталые технологии, недостатки в механизации комплексов, нехватка квалифицированных кадров, нарушения технологии содержания и кормления животных и т.п.²⁷.

Поглощая огромные капитальные вложения, используя лучшие корма из государственных ресурсов, наиболее квалифицированную рабочую силу, комплексы давали лишь 5 % говядины, 6 % молока и 27 % свинины от валового производства в общественном секторе²⁸.

Многие конкретные недостатки в деятельности животноводческих комплексов отмечались в официальных документах 70-х гг. и в научной литературе тех лет²⁹. Однако хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Проблемы в развитии животноводческих комплексов были легко прогнозируемы. К началу 70-х гг., как видно из отчета Союзсельхозтехники (январь 1970 г.), в стране отсутствовали в достаточном количестве машины и оборудование для механизации животноводства, прогрессивные технологии производства продукции на промышленной основе, современные проекты животноводческих комплексов, отставали кормовая база и сельское строительство³⁰. Без решения этих проблем форсированное строительство животноводческих комплексов было прожектерством, а трудности и провалы в

развитии животноводства на промышленной основе - закономерны и неизбежны. В их основе лежал субъективизм аграрной политики КПСС, порождавший волевые методы, администрирование, кампанейщину.

Деятельность КПСС по развитию межхозяйственной кооперации и интеграции превысила разумные границы. Чрезмерные масштабы, заданные сверху и превосходившие реальные возможности экономики, деформировали развитие сельского хозяйства, препятствовали реализации потенциальных возможностей межхозяйственных и агропромышленных предприятий, дискредитировали плодотворную в принципе идею. В основу функционирования межхозяйственных и агропромышленных предприятий был положен директивно-плановый механизм. Развитие рыночных механизмов, установление экономически обоснованных отношений между предприятиями, входящими в межхозяйственное объединение, паритетных отношений между промышленностью и сельским хозяйством, были проигнорированы³¹.

Вместе с тем, отечественный (как и мировой) опыт показывает, что современные комплексно-механизированные и автоматизированные фермы – магистральное направление развития животноводства. Только там (но никак не в подсобных хозяйствах населения) создаются благоприятные условия для реализации передовых технологий, использования генетического потенциала продуктивности животных, а также для работников.

Каковы результаты развития материально-технической базы сельского хозяйства? Рост капиталовложений, развитие производственной базы сельскохозяйственного машиностроения, расширение производства минеральных удобрений и строительство мелиоративных систем, способствовали укреплению материально-технической базы сельского хозяйства. Существенно увеличились поставки сельскому хозяйству машин и оборудования, электроэнергии и других материальных ресурсов. К 1983 г. основные производственные фонды сельскохозяйственного назначения превысили уровень 1965 г. в 4,7 раза, энерговооруженность труда возросла более чем в 3 раза, электровооруженность – в 7 раз, поставки минеральных удобрений (в действующем веществе) – в 2,3 раза, площадь мелиорированных земель – в 2 раза.

Все это создавало условия для расширенного воспроизводства в отрасли и положительным образом сказывалось на улучшении условий труда и его производительности. Тем не менее, состояние технической базы сельского хозяйства не

соответствовало уровню, необходимому для эффективного ведения сельскохозяйственного производства.

Весьма обстоятельная характеристика состояния материально-технической базы АПК на рубеже 70–80-х гг. содержится в "Предложениях к продовольственной программе по вопросам уменьшения потерь сельскохозяйственной продукции", подготовленных в июле 1981 г. ВАСХНИЛ. В документе отмечается, что уровень технической оснащенности сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий к началу 80-х гг. остается ниже, чем в развитых странах. Сравнительная техническая вооруженность зернового хозяйства выглядела следующим образом. На 1000 га пашни в 1979 г. в СССР приходилось 11,5 тракторов, в 1978 г. в США – 30, в 1977 г. в Великобритании – 72, Франции – 81, ФРГ – 194, Италии – 85. Зерноуборочных комбайнов в 1979 г. на 1000 га: в СССР – 5,7, в 1977 г. в США и Великобритании – 15, Франции – 19, ФРГ – 33, Италии – 8. В результате растягивались сроки выполнения работ. От несвоевременной уборки терялось 18-20 млн. т зерна. В результате недостаточной обеспеченности гербицидами зернового хозяйства потери зерна в СССР достигали примерно 30 млн. т. Необеспеченность хранилищами приводила к порче зерна, что наряду с уничтожением его вредителями наносит ущерб, равный 5-6 млн. т.³². Вот почему в 80-е гг. предусматривалось дальнейшее укрепление материально-технической базы сельского хозяйства.

Таким образом, в 70–80-е гг. имело место эволюционное укрепление материально-технической базы сельского хозяйства. Реализация курса на индустриализацию аграрного сектора СССР, который с 60-х гг. носил характер императива, требовала изменения пропорций отраслевого обмена между сельским хозяйством и несельскохозяйственными сферами экономики и условий хозяйствования. Однако эти изменения осуществлены были недостаточно. Механизм модернизации технической базы аграрного сектора оказался чрезвычайно затратным и обременительным для государственного бюджета, административным и недостаточно эффективным. Завершить индустриальную модернизацию сельского хозяйства не удалось.

Противоречие между растущими объемами производства и недостаточным уровнем средств механизации неуклонно обострялось, что имело самые негативные последствия для развития аграрного сектора. Так, рост производства сельскохозяйственной продукции сопровождался ростом импорта продовольствия и увеличением потерь продовольствия и сырья. Аграрный сектор отличался большим удельным весом труда, что определяло условия жизни в деревне, делая их

недостаточно привлекательными. В конечном итоге этот фактор стимулировал миграцию сельского населения. Недостаточное развитие производительных сил сельского хозяйства, не позволившее в полной мере обеспечить растущие потребности общества в продовольствии и сырье, провоцировал администрирование, волюнтаризм, не всегда продуманные преобразования, ограничение колхозной демократии и т.п.

Одно из условий модернизации аграрной экономики и важнейшая составная часть самого процесса модернизации – реорганизация социальной сферы села. Развитие производства, внедрение и освоение новой техники и передовых технологий находились в непосредственной зависимости от состояния социальной сферы. Между тем данное условие модернизации аграрного сектора не было обеспечено в должной мере. Приоритет всегда отдавался производству.

При наличии региональных различий к началу 60-х гг. сохранялся глубокий разрыв в уровне и темпах социального развития города и села. В социально-экономическом плане село отставало от города на многие десятилетия. Это проявлялось в огромной доле физического, преимущественно ручного труда, низком уровне благосостояния, дискомфорта быта, примитивности повседневной культуры, ограниченных возможностях получения образования, недоступности квалифицированных медицинских услуг, значительно худшем состоянии здоровья и меньшей продолжительности жизни.

Во второй половине 60-х гг. внимание к социальным проблемам села усиливается, осуществляется комплекс мер по завершению электрификации села и широкому использованию электроэнергии в домашнем хозяйстве и бытовом обслуживании, газификации села, созданию службы быта как самостоятельной и технически оснащенной отрасли экономики, насыщению села товарами длительного пользования и электробытовыми приборами (холодильники, стиральные машины, радиоприемники, телевизоры, мотоциклы, автомобили и т.п.), переводу колхозов на ежемесячную гарантированную оплату труда и пенсионное обслуживание, переходу к всеобщему среднему образованию сельской молодежи.

Социальная политика правящей партии ориентировалась на поддержание неуклонного, хотя и медленного, роста жизненного уровня сельского населения. В этот период повышался уровень индустриализации сельскохозяйственного труда, происходили прогрессивные перемены в профессиональной и образовательной структуре кадров, расширялась сфера несельскохозяйственных видов деятельности, совершенствовалась социальная инфраструктура сельских регионов, возрастали

совокупные доходы сельских семей и сокращался разрыв в доходах городского и сельского населения. Эти оценки подтверждаются многочисленными данными статистики и социологии.

Уровень жизни сельского населения в 60–80-е гг. во многом определялся характером социальной политики, которая была направлена на решение двуединой задачи: выравнивание уровня жизни различных групп сельского населения и повышение уровня жизни сельского населения в целом. Стиранию различий в уровне жизни способствовал курс на выравнивание заработной платы, поддержка малообеспеченных семей, непрогрессивный характер сельскохозяйственного налога, «уравнилельное» наделение землей для ведения личного подсобного хозяйства и т.п. Во-вторых, фактическое отсутствие в стране рыночных отношений резко сужало возможности развития подсобных хозяйств, кооперации, промыслов, легального мелкого бизнеса, например, в сфере сельского быта.

Особое значение в числе социальных мероприятий середины 60-х гг. имел перевод колхозов на гарантированную оплату труда. Нередко данная мера оценивается негативно, поскольку она усиливала иждивенческие настроения в деревне, сближала социальный статус колхозников и рабочих, интеллигенции. В этом видится одно из проявлений раскрестьянивания. Вместе с тем, переход к ежемесячной гарантированной оплате труда в колхозах устранял явную дискриминацию колхозников в сфере оплаты труда, страховал их от пауперизации, повышал социальный статус, что объективно сдерживало миграцию, тормозило раскрестьянивание.

В результате такой политики при сохранении имущественного расслоения происходило своего рода "осередничание" деревни, а социальных условий для роста крайних социальных групп не было. Так, социальная действительность не благоприятствовала укреплению «кулацко-зажиточного» слоя. Возможности для предприимчивости, хозяйственной самостоятельности были весьма ограниченными.

Поворот в сторону социальных проблем села, обозначившийся во второй половине 50-х гг., оказался не столь решительным, а в ряде случаев запоздавшим. Во многих районах страны социальные проблемы приобрели кумулятивный характер, а деградация сел стала необратимой. Запоздав с модернизацией социальной сферы села, правящая партия не смогла в силу этого завершить и модернизацию сельского хозяйства.

Правда, следует признать, что социальные процессы в определенной мере независимы от конкретной политики и характера политической власти. Сокращение

численности сельского населения, крестьянства, миграция в города – закономерные процессы. Политические руководители 60-80-х гг. иллюзорно полагали, что способны эффективно регулировать миграцию сельского населения, процессы расселения в сельской местности. Обвиняя их сегодня в неспособности решить проблемы сельской миграции, предотвратить исчезновение неперспективных хуторов, мы фактически разделяем эту иллюзию. Следует, однако, признать, что субъективное вмешательство в объективные социально-экономические процессы имеет пределы. Если правящая партия и могла регулировать сельскую миграцию, то весьма умеренно. Более полный учет социальных факторов, конечно, мог сдержать миграцию, минимизировать ее отрицательные последствия, но остановить сокращение численности сельского населения и исчезновение малых сел никому не было под силу. Сотни и тысячи населенных пунктов, мелких и мельчайших, были обречены самим ходом истории. К тому же противостоять укоренившимся в сознании и психологии сельских жителей миграционным установкам, желанию родителей видеть своих детей горожанами в реальных условиях тех лет было невозможно. В результате по России численность и удельный вес сельского населения изменились следующим образом: 1959 г. – 56,1 млн. человек (48 %), 1970 г. – 49,3 млн. (38 %), 1979 г. – 42,5 млн. (31 %), 1985 г. – 40,1 млн. (28 %), 1990 г. – 38,9 млн. (26 %) ³³. За 1959 – 1999 гг. число сельских населенных пунктов в России сократилось более чем вдвое - до 143 тыс. ³⁴

В чем же причины социального отставания села даже в относительно благополучных сельских регионах России? При наличии региональной специфики социальных процессов доминировали общие для страны причины, сдерживавшие социальное развитие села. В их основе – многолетнее игнорирование ряда объективных законов развития экономики и господство административных методов управления, стремление обеспечить геополитические интересы страны, что не могло не сказаться на характере инвестиционной политики, структуре общественного производства, месте военно-промышленного комплекса в национальной экономике, уровне жизни, состоянии АПК и его социальной инфраструктуры. На протяжении десятилетий действовала система обеспечения приоритетов развития городов. Кроме того, были допущены просчеты в выборе направлений развития социальной инфраструктуры села, обусловленные распространением на сельскую местность городских стандартов без учета особенностей сельской среды обитания, среди которых особенно негативную роль играли многоэтажное строительство и политика сселения неперспективных населенных пунктов.

Миграция из деревни, сокращение численности сельского населения порождали проблемы в развитии сельского хозяйства. Тем не менее, тезис о дефиците кадров в сельском хозяйстве иногда ставится под сомнение. Исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что в СССР с 1959 по 1989 гг. принципиально по-разному изменилась численность работников, занятых в общественном и личном хозяйствах (таблица 6).

Таблица 6

Динамика численности лиц, занятых в сельском хозяйстве

	1959	1989	1989 в % к 1959
Численность занятых - всего, млн. человек	33	27,1	82,1
в том числе			
в общественном хозяйстве	27	22,9	84,5
в личном подсобном хозяйстве	6	4,2	70,0

За 30 лет число занятых в сельском хозяйстве сократилось менее чем на 18 %, то есть среднегодовой темп сокращения составлял около 0,5 % (для сравнения: в США за этот же период численность лиц, занятых на фермах, сократилась в 2,5 раза). Причем, в общественном хозяйстве численность работников сократилась на 15,5 %, а в подсобных хозяйствах граждан – на 30 %. Столь незначительные изменения численности работников общественного хозяйства происходили в период индустриальной трансформации производства, следствием которой должно было стать массированное выталкивание живого труда из агросферы³⁵. Однако этого не произошло. Колхозно-совхозный сектор вынужден был концентрировать большие массы избыточных для производства работников, принимая на себя в то же время функции уравнилельного распределения жизненных средств среди населения. Напротив, личное хозяйство активно "сбрасывало" излишнюю рабочую силу.

Очевидно, индустриализация сельского хозяйства в 60–80-е гг. объективно должна была обеспечить высвобождение большего количества сельских тружеников, чем происходило на практике. Однако мотивационный механизм в колхозах и совхозах недостаточно стимулировал рост трудовой активности и повышение производительности труда. Усилить мотивацию труда могло лишь расширение хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов, что, однако, не происходило. Сказывались, конечно, и другие факторы: монозанятость в аграрной сфере, миграция из деревни квалифицированных кадров. Обратим также внимание на проблему сочетания

экономической эффективности и социальной справедливости. Опасаясь негативных социальных последствий рынка, государство препятствовало его развитию, стремилось предотвратить раскрестьянивание, обеспечить относительное социальное равновесие в деревне. В определенной мере это было достигнуто, но оплачено ценой торможения экономического роста. К тому же экономический рост носил затратный характер, не обеспечивая должной экономии труда и порождая убыточность сельскохозяйственных предприятий.

Таким образом, в 60–80-е гг. не была обеспечена реальная смена приоритетов в социально-экономическом развитии города и села, производственной и социальной сфер села. Уровень социального развития и жизни сельского населения повышались, но не отвечали его потребностям.

На рубеже 70-80-х гг. сельское хозяйство России находилось в сложном положении. В хозяйственной практике сохранились по существу все проблемы, на решение которых был направлен курс 1965 г. Увеличение капиталовложений сопровождалось снижением их эффективности; твердый государственный план не утвердился в качестве принципа планирования; система закупочных цен была далека от совершенства; экономический механизм и система управления АПК оставались неотрегулированными; эквивалентность обмена носила неустойчивый характер; мотивация труда была неэффективной и не устраняла бесхозяйственность и расточительство; социальная сфера села отставала. Весьма наглядное представление о состоянии сельского хозяйства страны тех лет дают записки председателя Госбанка СССР В.С. Алхимова "О кредитовании колхозов на затраты производства и капитальные вложения" от 13 ноября 1979 г. и "Об экономическом и финансовом состоянии колхозов и совхозов" от 13 октября 1981 г., в которых обращалось внимание, прежде всего, на то, что материальные, энергетические и финансовые ресурсы, направляемые в сельское хозяйство, не дают должной отдачи, неуклонно снижается эффективность растениеводства и животноводства³⁶.

Статистические данные показывает, что растущие капиталовложения в сельское хозяйство с каждым годом давали все меньшую отдачу (рисунок 1).

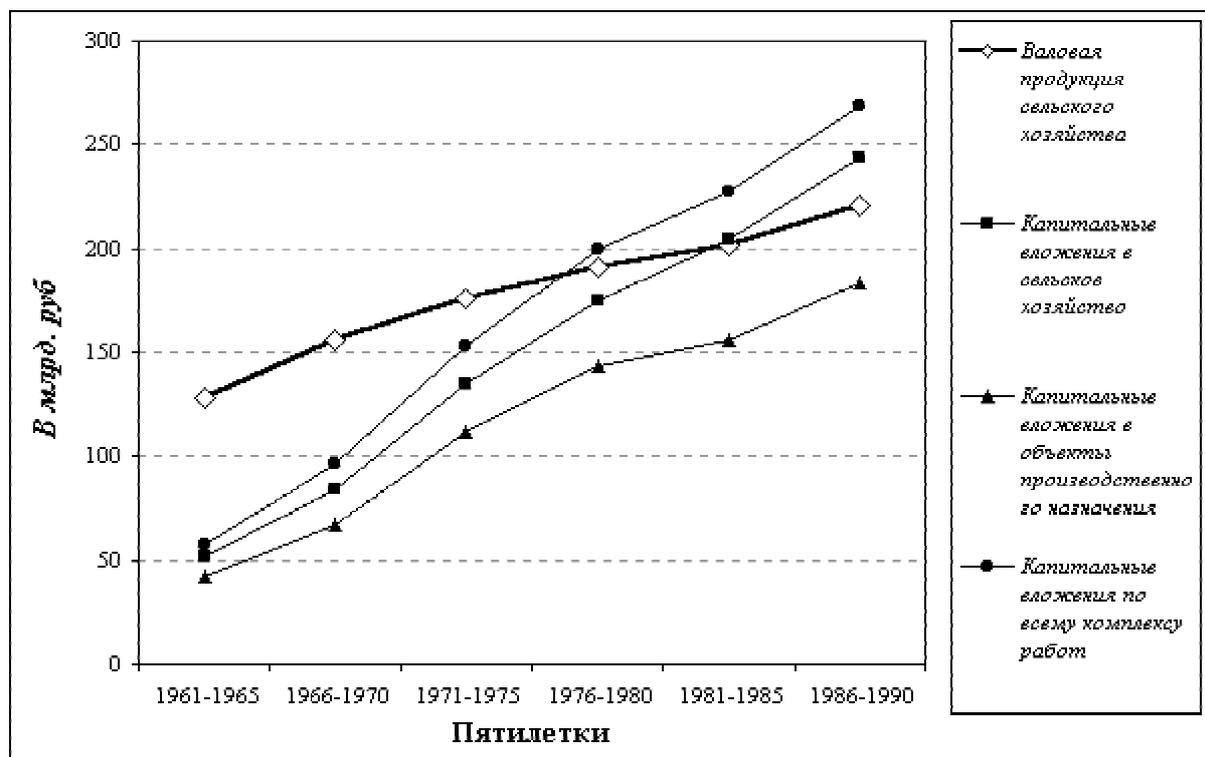

Рис. 1. Динамика валовой продукции и капитальных вложений в сельском хозяйстве СССР по пятилеткам

Развитие сельского хозяйства шло преимущественно по экстенсивному пути, при котором стоимость совокупных факторов производства росла значительно быстрее, чем объем продукции. Увеличение объема производства продукции в растениеводстве и животноводстве требовало все больших материальных ресурсов, производственных мощностей. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в сельском хозяйстве значительные средства уходили на компенсацию выбывающих из отрасли работников и земельных ресурсов. Так, в 1985–1990 гг. в расчете на одного выбывшего из села трудоспособного потребовалось примерно 19 тыс. руб. основных производственных фондов. Если учесть, что в 1986–1990 гг. село покинуло 1,5 млн. человек, для их компенсации потребовалось бы 28,5 млрд. руб.³⁷ Продолжалась практика незаконного изъятия средств из сельского хозяйства³⁸.

Кроме того, как и прежде, имело место несправедливое распределение прибыли в рамках АПК. Весьма показательны в этой связи данные ЦСУ, использованные в записке Госбанка СССР, о распределении прибыли между предприятиями и организациями АПК за 1979 г. (таблица 7)³⁹.

Распределение прибыли от реализации конечной продукции сельского хозяйства

Наименование товаров	Прибыль от реализации конечной продукции, %	в том числе, %				
		с-х предприятия	заготовительные организации	промышленные предприятия	торговые и сбытовые организации	налог с оборота за вычетом выплат в бюджет
Хлеб пшеничный и ржаной	100	30	8	41	9	12
Сахар	100	-4	-	-14	21	97
Подсолнечное масло	100	5	1	12	9	73

На решение аграрных проблем было направлено принятие продовольственной программы в 1982 г. Однако, большинство предложений программы по развитию сельского хозяйства не отличались принципиальной новизной. Это относится в первую очередь к совершенствованию экономического механизма. Предусматривалось повышение закупочных цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, молоко, зерно, сахарную свеклу, картофель, овощи и некоторые другие продукты. Однако закупочные цены, как и прежде, оставались ниже, чем себестоимость производства сельскохозяйственной продукции⁴⁰.

Обратим внимание и еще на одну проблему. Увеличение закупочных цен при неизменных розничных приводило к росту государственных дотаций. Возмещение разницы в ценах по закупке сельскохозяйственной продукции достигло к 1983 г. 54,9 млрд. руб., а по сравнению с 1965 г. увеличилось почти в 16 раз. Дотации сельскохозяйственной продукции за это время возросли в 17 раз и составили 1,28 млрд. руб., поставляемой селу техники и минеральных удобрений – 4,3 млрд. руб.

При росте затрат на развитие АПК проводилось стимулирование роста потребления путем дотирования потребительских цен. Из благих побуждений искусственно поддерживались за счет государства заниженные розничные цены. Так, среднегодовой индекс сельскохозяйственного производства в России в 1986 – 1990 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием возрос на 12 %, душевое потребление мяса и мясомолочной продукции на 11-12 %, капиталовложения – на 22 %, субсидии на продовольствие – на 77 %. С 1981 г. по 1990 г. государственные дотации на продовольствие возросли с 25 млрд. руб. до более 100 млрд. руб.⁴¹. Импортное продовольствие продавалось по ценам внутреннего рынка, что означало

субсидирование импорта государством. В результате такой политики продовольственный дефицит и пресловутые очереди не исчезли, дотации стали непосильны для бюджета, а аграрный сектор оставался неэффективным.

Было введено стимулирование колхозов и совхозов за продажу государству продукции сверх фактически достигнутого уровня за последние 5 лет, вводились надбавки к закупочным ценам на продукцию, реализуемую государству низкорентабельными и убыточными колхозами и совхозами, с хозяйств списывалась задолженность Госбанку СССР и т.п.

Изменилась ли в результате принятых мер эквивалентность обмена между сельским хозяйством и другими отраслями экономики? Несмотря на рост закупочных цен и поддержку сельского хозяйства по другим источникам финансирования, практика неэквивалентного обмена сохранилась. Этот факт признавался даже в официальных статистических изданиях. "Уровень цен не всегда отражает общественно необходимые затраты труда на производство продукции. Часть национального дохода, созданного в сельском хозяйстве, реализуется в форме налога с оборота и прибыли в пищевой промышленности и других отраслях материального производства, включаемых в АПК, а также в легкой промышленности"⁴².

Следовательно, аграрный сектор СССР даже в 80-е гг. оставался поставщиком ресурсов для других отраслей экономики. Разумеется, в некоторой степени государство компенсировало изъятие ресурсов из сельского хозяйства путем предоставления безвозмездных субсидий из бюджета. Но лишь в последние четыре года существования СССР впервые за всю историю колхозной системы закупочные цены по всем отраслям хозяйства стали превышать себестоимость продукции⁴³.

Признавая неэквивалентный характер обмена, все же не будем игнорировать то обстоятельство, что механизм межотраслевого обмена на протяжении десятилетий изменялся в пользу сельского хозяйства. Дискриминация сельского хозяйства и села сохранялась, однако тенденция постепенного их преодоления имела место.

На протяжении всего периода 60-80-х гг. продолжался рост капиталовложений в сельское хозяйство. Данные таблицы 5 наглядно иллюстрирует график базисных темпов роста капиталовложений (рисунок 2).

Однако характерна динамика прироста капиталовложений в сельское хозяйство за период 1965–1990 гг.: от пятилетки к пятилетке снижался прирост и абсолютных и относительных показателей. Эта динамика наглядно отражена на графике цепных

темпов роста капиталовложений в сельское хозяйство (рисунок 3). Только во второй половине 80-х гг. динамика роста капиталовложений в сельское хозяйство изменилась.

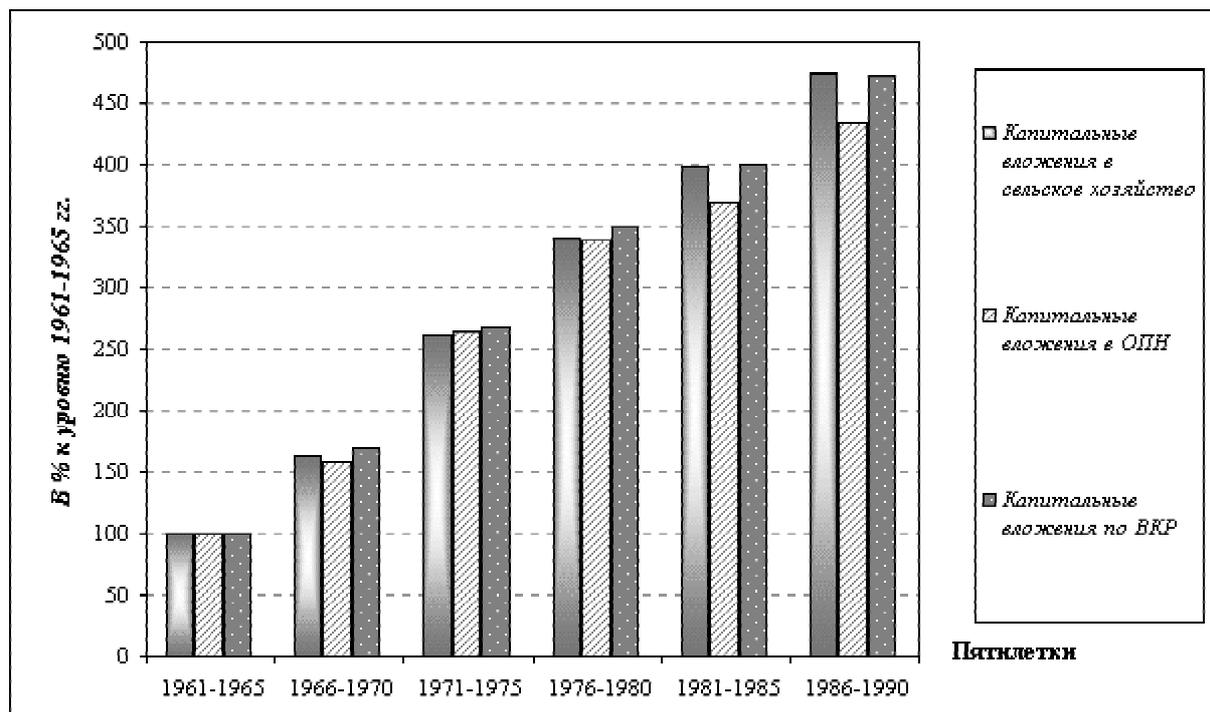

Рис. 2. Динамика базисных темпов роста капитальных вложений в сельское хозяйство СССР

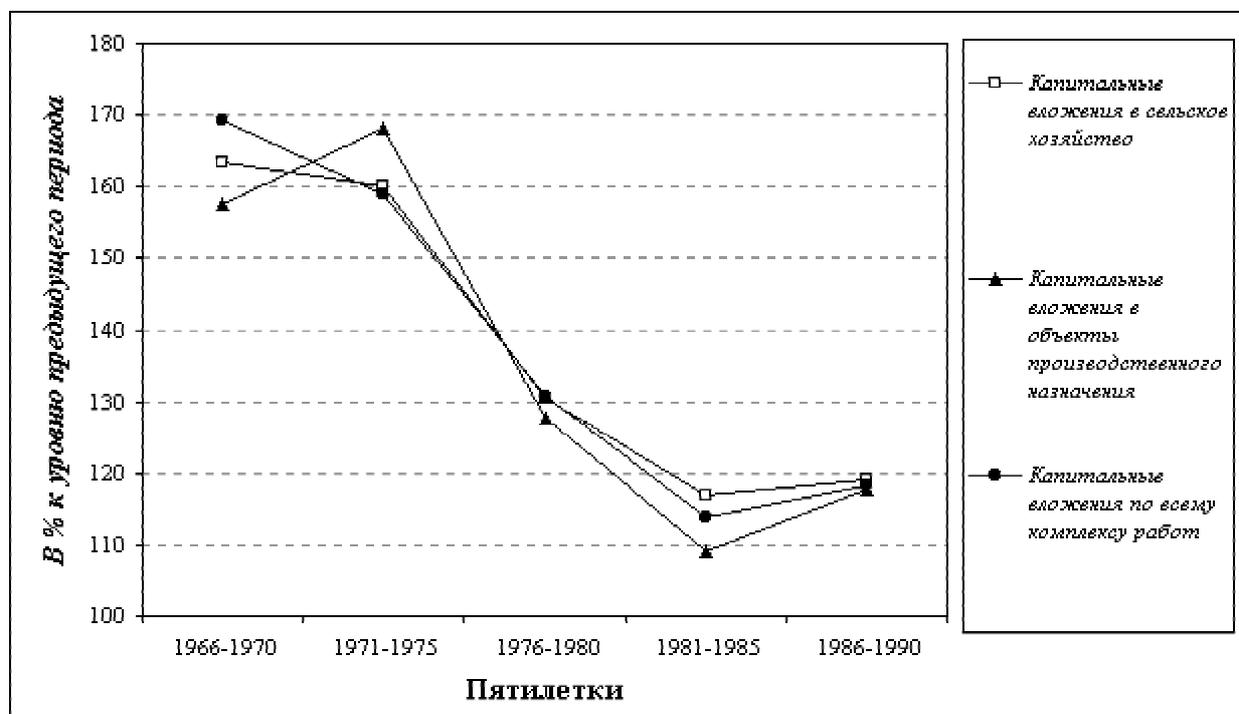

Рис. 3. Динамика цепных темпов роста капитальных вложений в сельское хозяйство СССР

Важнейшая идея, положенная в основу продовольственной программы – интеграция отраслей АПК. Необходимость совершенствования структуры АПК осознавалась давно⁴⁴. Более того, по существу на протяжении 60–70-х гг. аграрная политика предусматривала не только меры в области сельского хозяйства, но и развитие других отраслей АПК. Происходила дифференциация в системе управления АПК. Однако на рубеже 70-80-х гг. структура АПК оставалась несовершенной и диспропорциональной. Потребности колхозов и совхозов в современной технике, минеральных удобрениях, средствах защиты растений, других ресурсах удовлетворялись не полностью. Существовала парадоксальная ситуация: огромные средства вкладывались в увеличение производства продукции, а ее сохранности и эффективной переработке не уделялось должного внимания, хотя расчеты показывают, что вложения в ликвидацию потерь и более глубокую переработку сырья во много раз эффективнее, чем в наращивание его производства. несовершенным был механизм взаимоотношений предприятий АПК. Необходимость изменения системы управления и обеспечения единства интересов внутри АПК в 70-е гг. была очевидной, но принятие конкретных решений из года в год откладывалось.

Особое значение в аграрной политике 80-х гг. придавалось совершенствованию организационно-управленческих структур. Исходя из принципа выделения АПК как самостоятельного объекта планирования и управления, предусматривалось создание агропромышленных объединений различных уровней. Однако обеспечить интеграцию сельского хозяйства с другими отраслями АПК не удалось, поэтому в 1985 г. было принято решение о создании Государственного агропромышленного комитета СССР. Но и эта организационная перестройка не привела к ожидаемым результатам⁴⁵. В 1989 г. был упразднен Госагропром СССР и образована Государственная комиссия Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам, а в 1990 г. началось создание Министерства сельского хозяйства и продовольствия. По существу весь период реализации продовольственной программы был временем перманентной, в определенной отношении сумбурной реорганизации системы управления АПК.

Подводя общие итоги развития аграрного сектора СССР в 60–80-е гг., охарактеризуем на основе статистических данных динамику производства сельскохозяйственной продукции (рисунки 4 и 5; таблица 8).

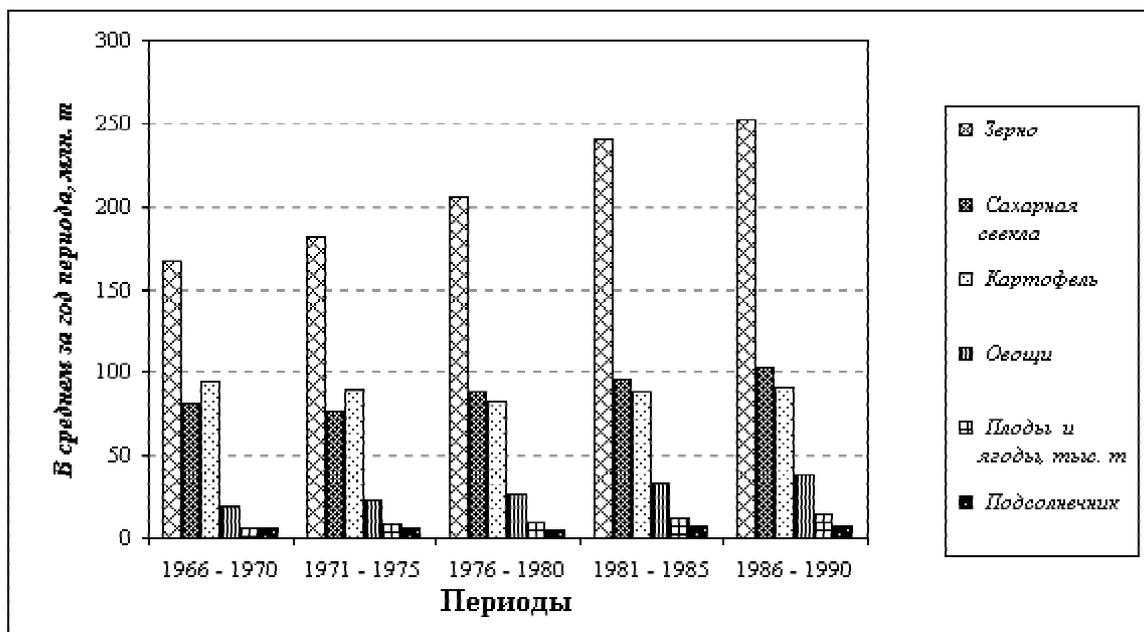

Рис. 4. Производство основных видов продукции растениеводства в СССР

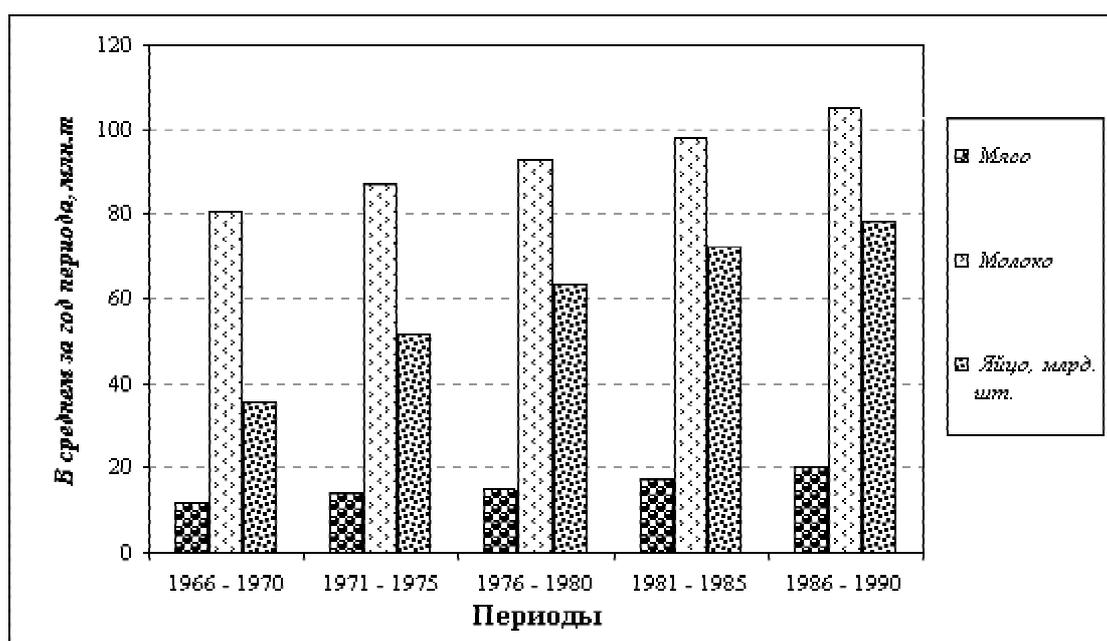

Рис. 5. Производство основных видов продукции животноводства в СССР

Производство сельскохозяйственной продукции в России в 1966–1990 гг. в сравнении с периодом 1960–1965 гг. отражено в таблице 9.

В литературе при анализе динамики развития сельскохозяйственного производства обращено внимание на "некоторую волнообразность, с повышающимися

и понижающимися темпами роста"⁴⁶. Действительно, после принятия решений по сельскому хозяйству в 1953, 1965 и 1982 гг. наблюдался рост сельскохозяйственного производства, но спустя ряд лет темпы развития падали. Однако при этом динамика протекания процессов в различные периоды отличается некоторой спецификой.

Таблица 8

Валовая продукция сельского хозяйства СССР
(в сопоставимых ценах 1983 года, млрд. руб.)

Годы	Валовая продукция						
1951	70,8	1961	125,6	1971	169,8	1981	185,8
1952	77,0	1962	126,9	1972	162,9	1982	195,8
1953	79,3	1963	117,4	1973	188,9	1983	208,0
1954	83,3	1964	134,6	1974	183,9	1984	208,3
1955	92,4	1965	136,8	1975	174,3	1985	208,6
1956	105,0	1966	148,7	1976	185,0	1986	219,7
1957	107,1	1967	151,0	1977	193,0	1987	218,5
1958	118,7	1968	157,0	1978	198,0	1988	222,2
1959	119,3	1969	152,2	1979	191,7	1989	225,1
1960	122,1	1970	167,9	1980	187,8	1990	218,7

Таблица 9

Производство сельскохозяйственной продукции в России,
в % к среднегодовому производству в 1960–1965 гг.

	1966-1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1986–1990
Валовая продукция	119,8	130,5	136,8	143,4	159,9
Производство:					
зерна	129,9	132,1	144,8	125,6	142,4
мяса	119,2	141,0	146,1	156,4	189,7
молока	122,9	129,0	133,1	134,5	149,7
Яиц	126,0	181,2	222,4	261,2	290,3

Второе пятилетие выполнения продовольственной программы дало заметный рост и абсолютных, и относительных показателей производства валовой продукции. После 1965 г. (а так же после 1953 г.) картина была иной, а именно: от пятилетки к пятилетке наблюдалось падение темпов прироста абсолютных и относительных показателей (рисунок 6).

А теперь сопоставим динамику цепных темпов роста валовой продукции сельского хозяйства по пятилеткам (рисунок 7). Она показывает, что в 1986–1990 гг. цепные темпы роста увеличились в сравнении с 1981–1985 гг. Более того, после второй половины 60-х гг. только во второй половине 80-х гг. изменилась динамика цепных

темпов роста – если на протяжении трех пятилеток цепные темпы роста снижались, то в 1986–1990 гг. имел место их рост. Следовательно, динамика развития сельскохозяйственного производства после принятия продовольственной программы отличается от той, что была после 1965 г.

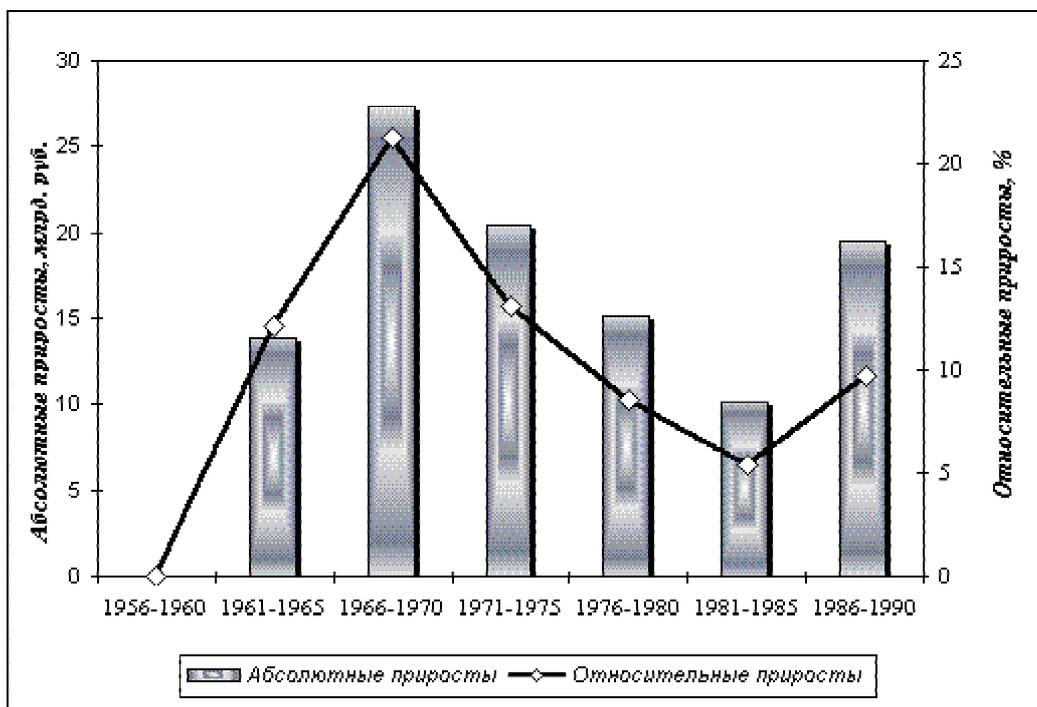

Рис. 6. Динамика абсолютных и относительных приростов валовой продукции сельского хозяйства СССР по пятилеткам

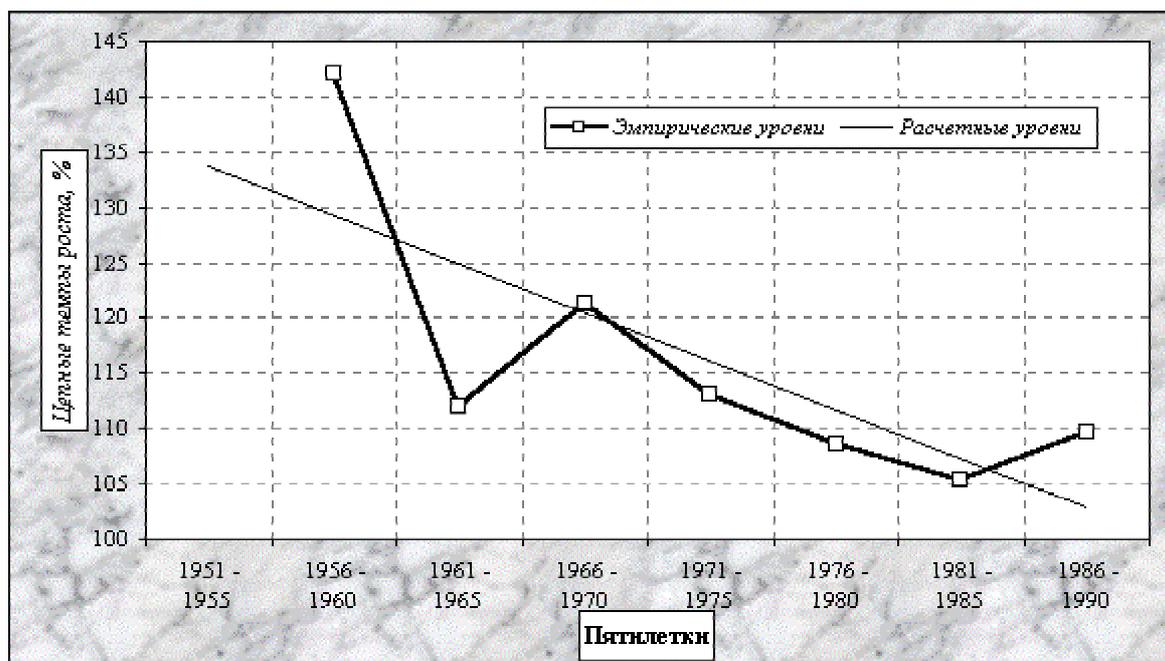

Рис. 7. Динамика цепных темпов роста валовой продукции сельского хозяйства СССР по пятилеткам

С начала 90-х гг. аграрная политика государства резко изменила свою направленность. Намечались такие направления аграрных преобразований, как отмена монополии государства на землю и создание условий для развития в деревне различных, но преимущественно, частных форм хозяйствования при свободе выбора их крестьянами; развитие рыночных механизмов в распределении ресурсов и в отношениях между производителями и потребителями продовольствия и сырья; формирование адекватной рыночной системы государственного регулирования сельского хозяйства; развитие города и деревни как равноправных общностей, повышение социального статуса крестьянства, становление сельского самоуправления.

Понимая, что для всестороннего анализа нынешнего положения в сельском хозяйстве и в деревне России в данной работе нет места, отметим те изменения в аграрной сфере, которые, на наш взгляд, оказывают решающее влияние на положение сельского населения и определяют его будущее.

В 90-е годы значительно снизилась обеспеченность сельскохозяйственных предприятий техническими средствами (таблица 10)⁴⁷.

Таблица 10

Парк основных видов техники в сельскохозяйственных предприятиях
России, тыс. шт.

Виды сельскохозяйственной техники	1985	1990	1995	1997	1999	2000	2001
Тракторы	1425,0	1365,6	1052,1	916,0	862,9	817,8	795,0
Зерноуборочные комбайны	510,0	407,8	291,8	249,9	210,1	198,7	196,0
Кормоуборочные комбайны	151,0	120,9	94,1	79,7	63,9	59,6	59,0
Картофелеуборочные комбайны	38,0	32,3	20,6	15,8	10,7	10,0	9,5
Свеклоуборочные комбайны	27,0	25,0	20,0	16,9	13,4	12,5	12,5

Пополнение машинотракторного парка составляет менее 1 % в год, а списание техники – 6–10 % ежегодно. При этом 50–70 % машинотракторного парка выработало срок службы и требует повышенных затрат на поддержание в работоспособном состоянии. По расчетам специалистов, оснащенность производства сельскохозяйственной техникой в расчете на 100 га посевной площади в России по сравнению с западноевропейскими странами ниже в 12–15 раз. В 90-е гг. произошло резкое снижение покупательной способности сельских товаропроизводителей, вследствие чего сократилось приобретение техники. В основе этого - прежде всего диспаритет цен (Рис. 8⁴⁸).

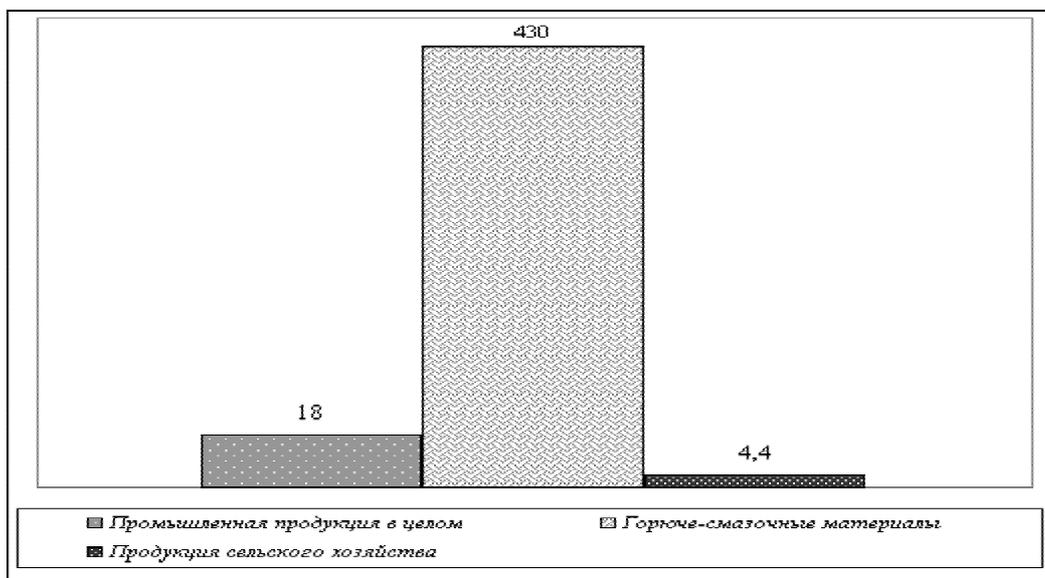

Рис. 8. Индекс роста цен на продукцию промышленности в целом, горюче-смазочные материалы и продукцию сельского хозяйства

Таким образом, многочисленные данные свидетельствуют о старении технологического базиса сельскохозяйственного роста в России. Темпы обновления основного капитала в сельском хозяйстве, по данным Госкомстата России, выглядят следующим образом (таблица 11 и рис. 9)

Таблица 11

Чистый прирост основных фондов в сельском хозяйстве России
(в процентах, по годам)

1970	1975	1980	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
10,2	9,0	7,4	5,5	3,7	3,1	1,6	-0,9	-2,0	-2,4	-2,1	-1,3	-1,0	-0,8	-1,5

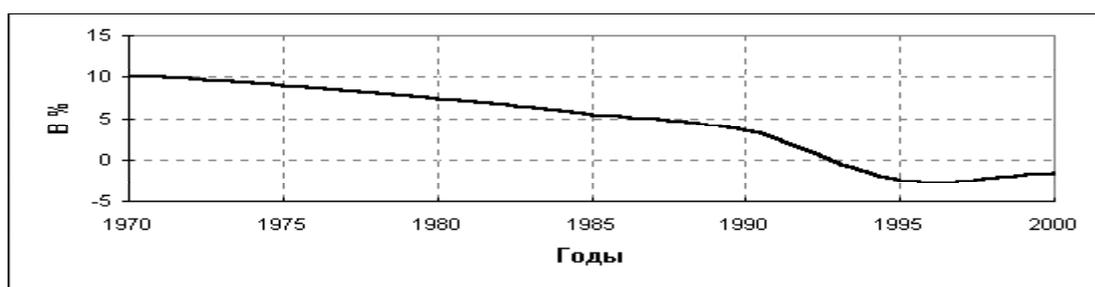

Рис. 9. Динамика чистого прироста основных фондов в сельском хозяйстве

В результате деиндустриализации сельскохозяйственного труда его производительность к началу XXI в. снизилась в два раза, во многих хозяйствах идет переход на примитивные технологии. От 50 % до 60 % сельскохозяйственной продукции в стране стало производиться в хозяйствах населения, использующих

преимущественно ручной труд. Произошел резкий спад сельскохозяйственного производства (таблица 12).

Таблица 12

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции (в хозяйствах всех категорий)

Годы	Зерно (после доработки), млн. т.	Сахарная свекла, млн. т.	Мясо (в убойном весе), тыс. т.	Молоко, млн. т.	Яйца, млрд. шт.	Шерсть, тыс. т.
1991	89,1	24,3	9375	51,9	46,9	204
1992	106,9	25,5	8260	47,2	42,9	179
1993	99,1	25,5	7513	46,5	30,3	158
1994	81,3	13,9	6803	42,2	37,5	122
1995	63,4	19,1	5796	39,2	33,8	93
1996	69,3	16,2	5336	35,8	31,9	77
1997	88,6	13,9	4854	34,1	32,2	61
1998	47,9	10,8	4703	33,3	32,7	48
1999	54,7	15,2	4313	32,3	33,1	40
2000	65,5	14,1	4431	31,9	33,8	–

Вследствие спада сельскохозяйственного производства и ухудшения финансового положения отрасли, общего экономического кризиса в стране и неэффективности социальной политики государства резко обострились социальные проблемы села. В 90-е гг. происходила глубокая качественная деформация образа жизни крестьянства, сложившегося за десятилетия советской власти. Массовым явлением стала на селе бедность, основным фактором которой стало полное обесценение сельскохозяйственного труда. С 1994 г. сельское хозяйство занимает последнее место в экономике по уровню оплаты труда. Грустным феноменом 90-х гг. стала так называемая экономическая бедность, когда в категорию бедных попали не только социально уязвимые слои, но и работающее сельское население.

В крайне тяжелой ситуации находится, фактически разрушаясь, социальная инфраструктура села, сформированная в дореформенные десятилетия. Темпы сокращения капитальных вложений в социальную сферу села значительно опережают соответствующий показатель по экономике в целом. Социальные инвестиции в АПК за период реформ к 2003 г. сократились в 13–14 раз. Их объем в расчете на одного сельского жителя в 5 раз меньше, чем в среднем на жителя России, тогда как в 1990 г. эти показатели были достаточно близки (83 %).

Из-за неразвитости рынка труда и экономического кризиса в сельском хозяйстве возникли серьезные проблемы с трудоустройством. В настоящее время сельская

безработица превышает критический уровень, составляющий, по оценке ООН, 10 %. При этом основная масса сельских безработных социально не защищена. Рынок труда на селе не сформировался. У работников в условиях монозанятости и отсутствия рынка жилья фактически нет выбора.

Стремительно ухудшается демографическая ситуация на селе. Наблюдается деградация биологического и трудового потенциала деревни. С1992 г. идет вымирание деревни. В литературе демографическая ситуация последних лет характеризуется как демографическая катастрофа. В 90-е гг. в порядке естественной убыли село потеряло почти 2 млн. человек. Депопуляция охватила, по различным оценкам, от 73 до 77 регионов России, где проживает 93–95 % сельских жителей. Основная депопуляционная зона – Центр Европейской части России. Резко ухудшилось социально-экономическое положение детей. Так, в 200/01 учебном году 614 тыс. детей в возрасте 7–15 лет, проживающих в сельской местности, не посещали школу. В результате широкомасштабной бедности на селе многие семьи вынуждены использовать детский труд на подворье.

В годы реформ начинают меняться социальные функции колхозов, которые с момента своего возникновения были не просто производителями продукции, но и особым социальным институтом, организовывавшим повседневную жизнь в деревне, заботившимся о сфере соцкультбыта. Это не было учтено при реформировании колхозной системы в 90-е гг. Колхозы в принципе не могли сразу войти в рынок, ибо они всегда были больше, чем просто предприятия по производству продукции. Колхозы и сейчас выполняют многие функции, за которые уже несколько лет формально отвечает сельская администрация. Разумеется, это сказывается на себестоимости продукции и затрудняет ориентацию хозяйств на получение прибыли.

С другой стороны, в условиях рынка колхозы все больше оказываются не в состоянии заботиться о решении социальных проблем. Выполняя в условиях кризиса 90-х гг. социальные функции, колхозы амортизировали негативные социальные удары рынка по крестьянству. Но в настоящее время выполнение этих функций становится не под силу. Колхозы все больше трансформируются не только формально, но и фактически в предприятия с ориентацией на рынок или просто разваливаются, оказавшись банкротами. И в том, и в другом случае вчерашние колхозники лишаются традиционной опеки со стороны хозяйства. Исчезает социальный институт, который страховал крестьян, ограждал их от наиболее тяжелого варианта раскрестьянивания.

Следовательно, утрата колхозами их социальных функций и тем более разорение хозяйств резко ускоряет раскрестьянивание российской деревни, делая этот процесс весьма болезненным для крестьян. Сначала уход государства из экономической и социальной сферы села, а затем и изменение социально-экономической роли колхозов углубляют процессы имущественной дифференциации, стимулируют пауперизацию сельского населения. Все эти явления оказывают существенное влияние на нормы и традиции социальной жизни сельского социума, деформируют общинные устои.

Существенные изменения политического строя, государственного устройства и экономической системы не могли не затронуть земельных отношений. Предусматривалось перераспределение земли в интересах создания условий для развития различных форм хозяйствования, формирования многоукладной экономики, рационального использования и охраны земель. В результате перераспределения площади личных подворий сельских жителей, садов, огородов и дач возросли, возникли фермерские хозяйства, произошло существенное изменение структуры землепользования граждан.

К началу 2000 г. завершилось массовое наделение землей граждан и юридических лиц и сложились механизмы рыночного перераспределения земель, произошло формирование рыночных цен на землю, что потребовало формирования адекватной правовой базы.

Вместе с тем, за годы земельной реформы система землеустройства подверглась существенному разрушению: значительно сократились объемы работ по повышению плодородия почв, улучшению кормовых угодий, вводу мелиорированных земель, обводнению пастбищ, восстановлению и комплексной реконструкции орошаемых и осушенных земель, агрохимическому окультуриванию полей, проведению природоохранных и противоэрозийных мероприятий. Затраченные ранее капиталовложения не окупаются продукцией с мелиорированных площадей, выбывших из оборота, со сведенных площадей плодово-ягодных насаждений, с заброшенных участков улучшенных кормовых угодий и др. Из-за просчетов в проведении землеустроительных работ возникли дальнотелье, чересполосица, вклинивание, изломанность и неправильное расположение границ.

Как введение частной собственности на землю и появление реального рынка земли может отразиться на состоянии сельскохозяйственных предприятий и положении сельского населения? Теоретически рыночный оборот земли по своему предназначению направлен на обеспечение спроса и предложения крестьян-

товаропроизводителей на землю. Однако станут ли в действительности крестьяне собственниками земли, и будет ли это способствовать возрождению крестьянства? Есть веские основания утверждать, что этого не произойдет. По мнению английского историка и социолога Т. Шанина, принятие Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения приведет к необратимым изменениям в российской деревне, где в настоящее время идет процесс олигархизации, или поляризации сельского населения. Принятый в пользу крупного капитала Закон углубит негативную селекцию сельского населения, потому что агробизнесу потребуется относительно небольшая часть селян как деревенских работников⁴⁹.

По нашему мнению, оценки известного крестьяноведа, учитывающие мировой и российский дореволюционный опыт, отражают наиболее вероятную перспективу развития российского села. Рынок земли в России (даже при условии эффективного государственного регулирования) неизбежно приведет к окончательному раскрестьяниванию деревни.

Аграрная сфера современной России характеризуется становлением многоукладной экономики, в которой в настоящее время функционируют государственные, коллективные, личные, частные и смешанные предприятия. В научной литературе выделяют такие социально-экономические уклады, как крестьянские (фермерские) хозяйства; сельскохозяйственные предприятия, основу которых составляют реорганизованные колхозы и совхозы самых разнообразных правовых форм; хозяйства населения.

Фермерский уклад - это принципиально новая социально-экономическая форма хозяйствования. Хотя жизнь развеяла иллюзии начального этапа реформ относительно фермерства, этот уклад существует и развивается. На 1 января 2001 г. фермерский сектор составляли 261,7 тыс. хозяйств, в которых было занято около 1 млн. человек, а сельскохозяйственное производство осуществлялось на 15,3 млн. га собственных и арендованных земель, включая 14,3 млн. га сельскохозяйственных угодий (7,2 % от сельхозугодий в хозяйствах всех категорий). Если в 1991 г. средний размер земельного участка фермера составлял 42,2 га, то в 2001 г. – 58,4 га.

Фермеры производят около 3-5 % общего объема продукции сельского хозяйства при существенных различиях по видам продукции и регионам. Однако роль фермеров проявилась не только в производственной сфере. Возникнув внутри колхозно-совхозной системы, фермерский уклад в ходе своего развития задал новый

стереотип хозяйственного поведения на селе, дал возможность значительному числу граждан реализовать свой предпринимательский потенциал.

Отметим некоторые тенденции в развитии фермерских хозяйств. Фермерство составляет меньшинство крестьянского населения. К тому же часть фермеров является таковыми лишь по названию, а еще одна часть – представители сельской интеллигенции, бывшей партийной и хозяйственной номенклатуры, горожане, а вовсе не вчерашние колхозники. Подавляющее большинство крестьян в фермеры не пошло и, очевидно, не пойдет. Фермерство не стало делом всей крестьянской семьи, а является, как правило, формой трудовой занятости только главы семьи. Рискну предположить, что при всем многообразии причин такого поведения и при многочисленных реальных трудностях создания фермерских хозяйств, главное все же в том, что крестьянствовать и фермерствовать – принципиально не одно и то же.

По нашему мнению, нежелание большинства нынешних крестьян брать землю отражает факт незавершенности раскрестьянивания. В духовном облике крестьянства доминируют черты коллективизма, уравнительности, артельности, т.е. типичные, вековые черты российского крестьянства. Колхоз закреплял стереотипы производственного поведения крестьян, близкие по сути к артельно-общинному труду и этике. В итоге сознание крестьян осталось в значительной мере недифференцированным, нерасколотым на сознание фермера-предпринимателя и бедняка-пролетария. Двойственная сущность крестьянства сохранилась. Инерция крестьянской ментальности до сих пор препятствует раскрестьяниванию деревни, ее духовному оскудению – при наличии социально-экономических предпосылок для этого.

Наряду с расслоением сельского населения на фермерство и нефермерство происходит дифференциация внутри фермерских хозяйств, идет естественный в условиях рынка процесс концентрации производства и капитала⁵⁰. В целом сравнительно крупные фермерские хозяйства используют сейчас более 60 % предоставленной фермерам земли и производят основную долю товарной фермерской продукции. В связи с концентрацией производства растут масштабы применения наемного труда. По существу, нынешние фермерские хозяйства все больше утрачивают классические черты трудовых крестьянских хозяйств и превращаются в крупные товарные фермы, базирующиеся на аренде и использовании наемного труда. Превращаясь в хозяйства предпринимательского типа, фермерское хозяйство генерирует и иную, некрестьянскую, этику поведения.

Наиболее устойчивой в условиях кризиса и жизненно необходимой для сельских жителей России формой является личное хозяйство, которое не только увеличило производство продукции, но во многом изменило свой характер. Во-первых, хозяйства граждан из подсобного превратились в главный, нередко единственный, источник доходов и одновременно в сельскохозяйственное производство для выживания. Такая метаморфоза личных подсобных хозяйств является формой адаптации деревенского социума к процессам социально-экономической модернизации постсоветского общества.

Хозяйства для выживания комбинируют в своей повседневной деятельности черты товарного, потребительского и традиционного хозяйства по видам деятельности, источникам поступления доходов, используют все доступные ресурсы. При этом характерной чертой является активное использование родственной и соседской взаимопомощи, которая имеет на селе давние, многовековые традиции. Социологические исследования свидетельствуют о широком распространении такой неформальной взаимопомощи в сельской местности⁵¹, вместе с тем фиксируют, что традиции взаимопомощи, социальной солидарности, порожденные веками существования общины, в условиях втягивания деревни в рынок постепенно ослабевают.

Факт ренатурализации сельского хозяйства, своего рода ренессанс семейно-трудовых крестьянских хозяйств, основанных на высокой степени трудовой занятости и физического напряжения всех членов семьи, способности крестьян адаптироваться к условиям выживания, широком использовании родственно-земляческой и межпоколенной взаимовыручки свидетельствует о поспешности выводов ряда исследователей о завершении раскрестьянивания российской деревни. Крестьянство сохранилось и, пережив все метаморфозы колхозной истории, пытается приспособиться к новым реалиям. Однако подорванный демографический потенциал села, неконструктивная позиция государственных органов, оставивших село без необходимой поддержки, вполне реальная перспектива утрата земли оставляют нынешнему крестьянству очень мало шансов сохранить крестьянственность.

Сельские хозяйства для выживания в определенной мере напоминают трудовые крестьянские семейные хозяйства прошлых эпох, однако их развитие на рубеже XX–XXI вв. – анахронизм, результат зигзага аграрной эволюции России, свидетельство архаизации аграрных отношений, ренатурализации аграрного сектора. Никаких шансов

для трансформации подобного рода хозяйств, лишенных финансовых источников для роста инвестиций и производительности труда, в фермерские хозяйства нет.

Разумеется, не всякое потребительское хозяйство в сельской местности является в строгом смысле слова хозяйством для выживания. Однако и личные подсобные хозяйства имеют мало шансов для развития. Хозяйства населения не демонстрируют более высокой эффективности производства, чем хозяйства других категорий. Статистика свидетельствует, что к концу 1990-х гг. возможности личных подворий оказались практически исчерпанными (таблица 13).

Таблица 13

Производство основных видов продукции в хозяйствах населения, млн. т.

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Зерно	0,3	0,4	0,5	0,6	0,6	0,6	0,5	0,7	0,5	0,5	0,5
Семена подсолн.	0,05	0,04	0,04	0,04	0,04	0,6	0,5	0,4	0,5	0,5	0,4
Картофель	20,4	24,8	29,9	31,1	29,8	35,9	34,9	33,8	28,6	28,8	31,4
Овощи	3,1	4,8	5,5	6,3	6,4	8,3	8,2	8,5	8,4	9,5	9,7
Мясо (в убойной массе)	2,5	2,9	2,9	3,0	2,9	2,8	2,8	2,7	2,7	2,6	2,5
Молоко	13,3	13,5	14,8	16,1	16,3	16,3	16,3	16,1	16,0	16,0	16,1
Яйца, млрд. шт.	10,3	10,4	11,2	10,9	10,8	10,2	9,9	9,8	9,9	9,8	9,8

Надежды отдельных экономистов на преобразование крестьянских подворий в крестьянские (фермерские) хозяйства не подтверждаются на практике⁵².

Иногда высказывается точка зрения о том, что рост и укрепление подсобных хозяйств является свидетельством возрождения крестьянства. Мы не разделяем этой точки зрения. Ренессанс крестьянских подворий отражает лишь тот факт, что жители села сохранили в своем облике черты крестьянственности (трудолюбие, способность к адаптации в условиях развала общественных связей, взаимовыручка, умение напряженно работать и т.д.). Однако подсобные хозяйства имеют перспективу лишь в переходной экономике, когда масса крестьян оказалась в условиях борьбы за выживание.

Как атрибут старины потребительские хозяйства населения бесперспективны. Они не могут способствовать окрестьяниванию деревни. Архаизация села выбрасывает крестьян на обочину прогресса. Привязывая их к примитивному деревенскому хозяйству, она ограничивает социальную мобильность крестьян, снижает их потребность в образовании, подрывает здоровье, делая недоступными современные формы трудовой занятости и досуга. Помогая выжить каждой крестьянской семье в

отдельности, подобная экономика обрекает крестьян на исчезновение как класс. Возрождение хозяйств семейно – трудового типа в современной России лишает крестьян исторической перспективы.

Между крупными предприятиями и крестьянскими подворьями сложился своеобразный компромисс. Крупные предприятия помогают подворьям услугами и ресурсами, а хозяйства населения способствуют сохранению и воспроизводству рабочей силы в условиях мизерной оплаты труда. Предприятие заинтересовано в использовании максимально дешевой рабочей силы, а работники заинтересованы в доступе к ресурсам предприятия для своих хозяйств. На основе этого создается своеобразный полустихийный компромисс между интересами предприятия и хозяйствами населения⁵³.

Вместе с тем, характер отношений между хозяйствами населения и крупными предприятиями меняется. Если в дореформенный период наблюдалась устойчивая тенденция к углублению интеграционных связей между ними, то в последние годы эти связи ослабевают. Сельхозпредприятия, находящиеся, как правило, в сложном экономическом положении, сокращают продажу своим работникам кормов, скота, птицы; практически свернута договорная система закупок продукции у населения. Участие крестьян в коллективном хозяйстве формализуется, ослабляется административная и правовая ответственность. В результате кризисные явления в хозяйстве усиливаются, что подрывает материальную основу существования крестьянских подворий⁵⁴. Сложившийся в дореформенное время и сохранившийся в трансформированном виде симбиоз хозяйств разрушается.

Попытка модернизации аграрного сектора в современной России обернулась возрождением не только таких вековой давности институтов, как мелкие потребительские семейные хозяйства и натуральный обмен, но и развитием отношений помещичьего типа в экономически крепких хозяйствах. Подчас представители местных сельских элит, приватизируя бывшее коллективное имущество, становятся хозяевами крупных аграрных предприятий и окружающих их земель. В этом случае колхоз превращается в имение, хозяин которого оказывает патримониальное покровительство местной общности за признание его власти собственника и лидера местного сообщества. В этом смысле мы имеем вариант прусского пути развития сельского хозяйства⁵⁵.

Итак, в результате аграрной реформы созданы новые формы хозяйствования, утвердилась многоукладная сельская экономика, произошли структурные изменения в

формах собственности, землевладения и землепользования, ликвидирована государственная монополия на землю, сельские товаропроизводители избавились от государственно-партийной опеки и получили хозяйственную самостоятельность, формируется инфраструктура аграрного рынка, создаются принципиально новые производственные отношения, первоосновой которых является частная собственность на средства производства. Вместе с тем, в настоящее время мало кто сомневается в том, что российское село переживает системный кризис, основными проявлениями которого являются: кризис сельского хозяйства, прежде всего низкая конкурентоспособность и высокие издержки аграрного производства, масштабное падение производства продукции и усиление зависимости страны от импортных поставок продовольствия; финансовый кризис (неплатежеспособность подавляющего числа сельских товаропроизводителей, кредиторская задолженность, отсутствие оборотных средств у большинства предприятий); разрушение производственной базы сельского хозяйства и деиндустриализация села; сельская бедность и обнищание, высокая безработица сельского населения, депопуляция отдельных сельских территорий; снижение качества сельской жизненной среды (физическое разрушение социальной и инженерной инфраструктуры); обесценивание сельскохозяйственного труда, ослабление мотивационных механизмов развития; потеря исторически освоенных агроландшафтов, снижение почвенного плодородия, генетического потенциала сельскохозяйственных культур и животных. Деревня вступила в XXI в. в состоянии экономической и социальной разрухи.

Таким образом, в течение 1965–1990 гг. одна модель аграрного развития достигла своей последней стадии и сошла с исторической арены, а другая, пришедшая ей на смену, проходит болезненный период становления. Аграрные модели отличаются не только по экономическим параметрам, но и по характеру воздействия на крестьянство, демонстрируя во многом различные варианты раскрестьянивания российской деревни.

Аграрная модель 1965 – 1990 гг. представляла собой альтернативу сталинской политике раскрестьянивания и экспериментированию конца 50-х – начала 60-х гг., а ее появление отражало поиск путей адаптации советской экономической системы к условиям НТР. Аграрный курс 1965 г. стал попыткой консервативного реформирования советского аграрного сектора, призванной не только обеспечить повышение темпов развития сельскохозяйственного производства, но и выработать конкурентоспособную социалистическую альтернативу буржуазно-фермерскому пути аграрной эволюции.

Аграрная модель объективно была направлена на модернизацию аграрной сферы с целью создания агропромышленного сектора, адекватного индустриальной стадии развития общества. В ней учитывались некоторые тенденции развития современных производительных сил, однако недооценивались или вообще игнорировались особенности современного этапа НТР, специфика аграрных отношений и широко признанные в мире принципы экономической деятельности в аграрном секторе.

Догматизированные представления 60–80-х гг. о путях и перспективах развития социально-экономических отношений не позволили до конца осознать, что в развитии аграрной экономики есть закономерности, порожденные спецификой аграрных отношений и независимые от форм собственности и характера политической власти, учесть в полной мере новые реалии в мировой аграрной экономике эпохи НТР. Эволюция аграрной модели приобрела консервативный характер, что отразилось на ее динамике и результатах: медленный рост основных макроэкономических показателей и решение отдельных частных проблем не привели к созданию эффективного аграрного сектора, сопровождалось нелинейным нарастанием кризисных явлений.

С точки зрения социальных последствий (сокращение численности сельского населения, изменение его социально-профессиональной структуры, распространение городской культуры при утрате ряда элементов традиционной сельской культуры и др.) период 60 – 80-х гг. можно рассматривать как завершающий в процессе раскрестьянивания *советской* деревни. Тенденции раскрестьянивания развивались как под влиянием объективных процессов (индустриализация и интенсификация сельскохозяйственного производства, рост производительности труда, урбанизация общества), так и под воздействием конкретных шагов и специфических особенностей аграрной политики (недооценка социальной сферы села, ограничение хозяйственной инициативы крестьян, преобразование колхозов в совхозы, огосударствление колхозов, игнорирование специфических интересов крестьянства, политика "неперспективных" деревень). В ряде регионов обстановка в сельской местности носила весьма болезненный характер. Вместе с тем, аграрный курс носил ярко выраженный патерналистский характер, а аграрная политика характеризовалась отсутствием прямого насилия над крестьянами, постепенной активизацией социального строительства на селе, усилением материального стимулирования, поддержкой личных подсобных хозяйств и другими мерами аграрного протекционизма. Вот почему есть основания утверждать, что период 60–80-х гг. в исторической ретроспективе раскрестьянивания является *наименее болезненным для крестьянства*.

Аграрные преобразования 90-х гг. ориентировались на создание в России аграрного сектора, функционирующего на принципах рыночной экономики. Многие направления аграрных реформ соответствовали утвердившимся в мировой аграрной практике принципам функционирования сельского хозяйства, АПК и сельской социальной среды. В процессе аграрных преобразований были отброшены догматизированные установки аграрной политики КПСС, однако аграрная реформа 90-х гг. не освободилась вовсе от политических и идеологических констант. Приоритеты аграрной реформы во многом определялись либеральными политико-идеологическими ценностями и игнорировали отдельные закономерности функционирования аграрных отношений. В итоге модернизация сельского хозяйства приняла однобокую ориентацию на радикальное изменение системы производственных отношений, следствием чего стало разрушение производственного и социально-культурного потенциала, деиндустриализация отрасли и резкое ухудшение социального положения большинства крестьянства.

Весьма существенно то, что в противовес общемировым тенденциям усиления социальных функций государства, в современной России в переходный период эти функции были ослаблены. Государство использовало в минимальной степени возможности для того, чтобы смягчить приспособление сельского социума к формирующейся рыночной среде. Не в последнюю очередь по этой причине социально-демографическая ситуация в сельских регионах оказалась драматической.

Социальная политика в деревне в 60 – 80-е гг. при всех ее издержках была способна в определенной мере амортизировать трудности модернизации сельского хозяйства и раскрестьянивания деревни. В этом проявилась регулирующая роль государства в социальной сфере. В 90-е гг. государство отказалось от выполнения этой функции. Модернизация общества приобрела иную социально-политическую окраску и иные социально-экономические механизмы реализации, что тяжело сказалось на положении крестьянства и способствовало нарастанию кризисных явлений в сельском социуме. Важнейшая особенность современного этапа раскрестьянивания состоит в том, что оно проходит в условиях, когда значительная часть сельского населения поставлена в условия выживания. В 60 – 80-е гг. перед сельским населением не стояла проблема борьбы за выживание.

Как показывает исторический опыт нашей страны, раскрестьянивание деревни происходит наиболее высокими темпами и в наиболее тяжелой для крестьян форме именно в периоды функционирования стихийного и плохо организованного рынка,

либо в периоды перехода от одного этапа исторического развития к другому. В настоящее время эти процессы "наложились" во времени (переход от социализма к капитализму, формирование "дикого рынка", завершение перехода от традиционного общества к индустриальному), что делает раскрестьянивание наиболее болезненным для крестьян и, очевидно, означает наступление его завершающей стадии.

¹ См. Венжер В.Г. Использование закона стоимости в колхозном производстве. М.,1965; он же. Колхозный строй на современном этапе. М.,1966; Кассиров Л.Н. Плановые показатели и хозрасчетные стимулы производства в колхозах и совхозах. М.,1965; Лемешев М.Я. Межотраслевые связи сельского хозяйства. Вопросы хозяйствования и планирования. М.,1968; Лисичкин Г.С. План и рынок. М.,1966; Производство, накопление, потребление. М.,1965; Экономические отношения колхозов и совхозов с государством и осуществление хозрасчета в сельском хозяйстве. М.,1966; и др.

² Лемешев М.Я. Планирование капитальных вложений в сельском хозяйстве// Плановое хозяйство. 1959. № 2.

³ Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли (1950–1990-е гг.). М., 1999. С.57; Все таблицы, за исключением особо оговоренных, составлены на основе официальных статистических материалов.

⁴ ЦХСД. Ф.5. Оп.77. Д.395. Л.15.

⁵ Там же. Л.16.

⁶ Там же. Л.16 - 17.

⁷ См. Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С.249; Народное хозяйство СССР в 1975 г. М.,1976. С.511. ЦХСД. Ф.5. Оп.62. Д.248. Л.29-31.

⁸ ЦХСД. Ф.5. Оп. 62. Д.239. Л.148 – 150; ЦДНИРО. Ф.9. Оп.2. Д.376. Л.15-16, 101-102; Оп.39. Д.136. Л.106; Д.225. Л.24; Д.244. Л.21, 76.

⁹ ЦХСД. Ф.5. Оп. 62. Д.239. Л.2.

¹⁰ Там же. Л.3.

¹¹ См. Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965 - 1980 гг. М.,1982. С.9 - 10.

¹² См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.11. М., 1986. С.99; Лисичкин Г. Гектары. Центнеры. Рубли// Новый мир. 1967. №9; он же. Спустя два года// Новый мир. 1967. №2; Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. М.,1969. С.30-31.

¹³ ЦХСД. Ф.5. Оп.45. Д.404. Л.87-93.

¹⁴ Там же. Д.422. Л.4 - 7.

¹⁵ Там же. Оп.62. Д.239. Л.143.

¹⁶ Там же. Л.145; Сельское хозяйство СССР. М.,1971. С.484-485.

¹⁷ Пленум ЦК КПСС, 24-26 марта. Стенографический отчет. М., 1966. С.28.

¹⁸ См. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII - XX вв.). М., 1995. С.340.

¹⁹ ЦХСД. Ф.5. Оп.62. Д.215. Л.1-13.

²⁰ ЦХСД. Ф.5. Оп.63. Д.268. Л.4 - 290.

²¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.8. С.84; ЦХСД. Ф.5. Оп.62. Д.211. Л.46 - 48.

²² См. Опыт и проблемы аграрно-промышленного кооперирования. М.,1975; Овчинников В.Н. Интеграция общественного производства на селе. Ростов/Д., 1974; Негру-Водэ А.С. Аграрно-промышленное кооперирование в СССР. М.,1975; и др.

²³ См. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы. С.353.

-
- ²⁴ КПСС в резолюциях и решениях... Т.13. С.99 – 100.
- ²⁵ См. Милосердов В.В. Аграрная политика и проблемы развития АПК. М.,1990. С.76.
- ²⁶ См. Милосердов В.В. Указ. соч. С.79.
- ²⁷ ЦХСД. Ф.5. Оп.76. Д.489. Л.5 - 361.
- ²⁸ Милосердов В.В. Указ. соч. С.80, 83.
- ²⁹ См. Аграрные проблемы развитого социализма. М.,1980. С.371 - 372.
- ³⁰ ЦХСД. Ф.5. Оп.62. Д.215. Л.23 – 26, 43 - 45.
- ³¹ См. Ленинская аграрная политика КПСС. Т.1. С.558-576; Кулаков Ф.Д. Аграрная политика КПСС в период развитого социализма// Коммунист. 1977. №1; Межхозяйственное производственное кооперирование в сельском хозяйстве РСФСР/ Под ред. Л.Я.Флорентьева М.,1975. С.3 - 75.
- ³² ЦХСД. Ф.5. Оп.84. Д.343. Л.25 - 35.
- ³³ Российский статистический ежегодник. М., 2001. С.82.
- ³⁴ Экономика сельского хозяйства России. 2001. № 6. С.23.
- ³⁵ См. Растянников В.Г. Особенности экономического роста в аграрном секторе России. 30-90-е годы XX века// Вопросы статистики. 2002. №8. С.52-53.
- ³⁶ ЦХСД. Ф.5. Оп.76. Д.517. Л.105 – 107; Ф.5. Оп.88. Д.393. Л.201 - 203.
- ³⁷ См. Милосердов. В.В. Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 1998. С.229.
- ³⁸ ЦХСД. Ф.5. Оп.89. Д.318. Л.72 - 78.
- ³⁹ ЦХСД. Ф.5. Оп.88. Д.393. Л.232.
- ⁴⁰ Вопросы статистики. 2002. № 8. С.49.
- ⁴¹ Вопросы экономики. 1995. № 1. С.32-33.
- ⁴² Народное хозяйство СССР в 1987 году. М., 1998. С.14.
- ⁴³ Вопросы статистики. 2002. № 8. С.50.
- ⁴⁴ ЦХСД.Ф.5. Оп. 62. Д.210. Л. 37-44.
- ⁴⁵ См. Мураховский В. В русле аграрной политики партии// Коммунист. 1986. №6. С.34.
- ⁴⁶ См. Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития. М., 1993. С.95.
- ⁴⁷ Экономика сельского хозяйства России. 2002. № 4. С.10 – 17.
- ⁴⁸ См. Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000. С.23.
- ⁴⁹ См. Экономика сельского хозяйства России. 2003. №3. С.39.
- ⁵⁰ Там же. С.34.
- ⁵¹ Социологические исследования. 2002. № 2. С.83-86; Россия-1999. Социально-демографическая ситуация. М., 2000. С.316 – 343.
- ⁵² Экономика сельского хозяйства России. 1999. №12. С.29; Вопросы статистики. 2001. №5. С.37.
- ⁵³ См. Никулин А.М. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз// Куда идет Россия. М., 1998; Родионова Г.А. Современное сельскохозяйственное предприятие и стратегия выживания сельских сообществ: симбиоз величин и функций// Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999; Фадеева О.П. Хозяйственные стратегии сельских семей// Социальная траектория реформируемой России. Новосибирск, 1999.
- ⁵⁴ См. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 1997. № 10. С.42 – 43.
- ⁵⁵ См. Никулин А.М. Кубанский колхоз – в холдинг или асьенду?// Социологические исследования. 2002. № 1. С.48.

История советского крестьянства в российских документальных публикациях за последние 15 лет

Как известно, наши знания о том или ином историческом событии складываются посредством совокупности различного рода информации, почерпнутой из различных источников. Можно выделить четыре наиболее важных и значимых группы информационных источников – *архивные документы, публицистические материалы, мемуары и научная литература*. Каждая из названных групп имеет свои особенности и преимущества, необходимые для воссоздания канвы и содержания исторических событий.

Безусловно, что среди всех источников архивные документы имеют наибольший приоритет в силу своей первичности, как следы деятельности людей, появившиеся в процессе исторических событий.

Фактор первостепенности присутствует и у публицистики, которая всегда рождается на «злобу дня», тем самым, отражая значимость того или иного события и степень восприятия его обществом. Но в отличие от архивных документов, в публицистике в большей степени проявляется влияние автора, когда, то или иное событие освещается через призму восприятия автора-создателя.

К первоисточникам «исторических знаний» по праву относятся и мемуары. В отличие от предыдущих они также пишутся очевидцами событий, но, как правило, уже по прошествии определенного времени. Личность автора в мемуарах присутствует в большой степени, внося субъективный фактор в историческое описание, и тем более в оценку события. Именно поэтому мемуары прекрасно дополняют архивные источники, но не могут претендовать на полную объективность в освещении исторических событий.

Научная литература может также рассматриваться как источник новых знаний, так как авторы для написания исследований используют различные источники, в том числе и архивные, вводя их тем самым в широкий оборот и делая доступным для

других исследователей. Однако, особенность научных исследований проявляется в том, что исторические знания подаются в переработанном виде, а не очевидцами событий и оценка их еще в большей степени зависит от авторской концепции. Тем самым, фактор субъективности, присущий мемуарам, проявляется в научных исследованиях еще в большей степени.

Таким образом, отдавая приоритет архивным документам, мы ни в коем случае не уменьшаем значение других информационных источников, учитывая их особенности в реконструкции исторических событий.

В последние десять лет XX века историческая наука в России пережила настоящую «архивную» лихорадку, сравнимую с «золотой лихорадкой» XIX века, когда редкий человек, приезжающий в Америку, не попытался стать обладателем хранящегося в недрах земли богатства. Таким же богатством для историков, стали «недра» российских архивов, открывшие свои хранилища с конца 80-х годов XX века – число приезжающих из разных стран мира ученых, аспирантов и студентов в эти годы было настолько рекордным за всю историю российских архивов, что по праву заслуживало занесения на страницы знаменитой «книги рекордов Гиннеса». Открытие архивов повлекло за собой широчайшую волну публикаций, когда на страницы самых различных периодических изданий выплеснулся поток архивных документов, заставивший общественность повернуться лицом к истории. На протяжении последующих 15 лет объем опубликованных архивных документов был настолько большим, что историкам потребуется еще немало времени, чтобы осмыслить «новые знания» и совместить их с прежними, не преувеличивая значение одних и не перечеркивая значимость других.

История советского крестьянства не стала исключением в этом процессе архивного познания, особенно периоды революции, гражданской войны и, конечно же, 20-е и 30-е годы. Повышенный интерес к этим годам вполне объясним и как следствие этого, можно рассматривать и сегодняшнюю конференцию, соединившую историков-аграриев России и Японии.

Задача моего доклада, дать обзор архивным документальным публикациям по истории советского крестьянства за последние 15 лет. Объем и тематика этих публикаций настолько обширны, что требует ограничения границ, проводимого обзора. В связи с этим в рамках доклада будут освещены только основные серийные документальные публикации.

Отдавая предпочтение серийным документальным изданиям перед отдельными

тематическими, а тем более, журнальными, мы исходим из следующих преимуществ этого типа публикации. Серийное документальное издание – 1) это публикация комплекса документов по теме, объединенных единым концептуальным замыслом; 2) это, как правило, расширенные хронологические рамки исторического периода, позволяющие исследователю видеть развитие изучаемых событий; 3) это возможность соединения архивных материалов различных уровней власти и ведомств в едином комплексе, позволяющее проследить динамику процесса; 4) это расширенный объем документов, позволяющий более подробно освещать события; 5) это, наконец, результат совместной работы историков и архивистов, позволяющий более эффективно искать новые архивные документы и делать их доступными для широкого круга, имея в виду и процесс «рассекречивания», и процесс комментирования, позволяющий насыщать сборник дополнительной информацией, почерпнутой из недр архивов.

Не будет большим преувеличением утверждение, что по количеству опубликованных новых архивных материалов история советского крестьянства является лидером в этом «документальном марафоне». Одних только серийных документальных изданий по этой проблеме насчитывается четыре. Это – 1) серия тематических документальных сборников объединенных единой концепцией под названием *«Крестьянская революция в России. 1902-1922»*; 2) видовая серийная публикация документов под названием *«Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939»*; 3) тематическая публикация документов под названием *«Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939»*; 4) тематическая публикация документов под названием *«Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930-1945»*. Общее число опубликованных сборников по этим сериям на сегодняшний день равно 15 и это не окончательное число, так как по трем из них работа еще продолжается, что позволяет говорить, по крайней мере, еще о 4 дополнительных сборниках. Таким образом, только благодаря этим серийным изданиям историки сельской России получают около 20 сборников документов. Но наряду с этими сборниками багаж историков за прошедшие годы пополнился и другими не менее значимыми и интересными изданиями, часть из которых будет рассмотрена в докладе.

Теперь несколько слов необходимо сказать о том, как соотносятся ранее опубликованные документы (имея в виду советское время) с появившимся достаточно обширным новым багажом. Абсолютно ясно, что полюсы у этих комплексов противоположные – то, что публиковалось в советское время, должно было отвечать соответствующей идеологии и отражать лояльность к власти, и наоборот – материалы,

опубликованные в пост советское время, освещают негативность и оппозиционность исторических событий. К сожалению, радикализм, который был присущ советскому времени, можно встретить сегодня в подходе к архивному познанию, который проявляется в позиции – все, что было опубликовано в советское время, это «агитационная коммунистическая правда» и ее надо выбросить за борт, как устаревшую и ненужную. А то, что выявлено в архивах и опубликовано сейчас – это «настоящая правда» и только на нее надо опираться. Конечно же, все мы хорошо знаем, что любое явление имеет две стороны «белую» или «черную», для советского времени это соотношение цветов определялось как «красное» и «белое». И нельзя отдавать предпочтение одной и игнорировать другую. Эта аксиома не нова и она известна всем. Но, вспомнив о ней, мне хотелось еще раз обратить внимание на следующее обстоятельство. С публикацией за последние годы новых документов историки получили возможность не только увидеть оборотную сторону событий, но что не менее важно – получили возможность сопоставить и соединить обе стороны (негативную и позитивную) общих процессов. Таким образом, «документальный багаж» советского времени имеет право оставаться на полках библиотек и использоваться в исследованиях.

Переходя к обзору «документального багажа» пост советского времени, позволю сделать небольшую оговорку – анализ изданий будет дан с позиций архивиста и источниковеда – какова новизна и значимость новых комплексов документов как исторических источников в целом. Тем самым я оставляю право за историками характеризовать значимость новых документов в контексте конкретных исторических исследований.

Первым «крестьянским» проектом в ряду перечисленных мною ранее стоит *«Крестьянская революция в России. 1902-1922»*.¹⁾ Период революции и гражданской войны в российской истории занимает особое место, что вполне объяснимо. Этот период как ни один другой освещен документально в ранее вышедших изданиях. Численность опубликованных документов по этому периоду настолько велика, что потребовало в свое время выпуска самостоятельных библиографических справочников, позволяющих исследователям ориентироваться в этом безбрежном море. Не останавливаясь на этом подробно, скажу лишь, что начало системной публикации документов по этому периоду было положено в 30-е годы, и это был заказ власти. На протяжении многих лет в планы работы всех архивов включалось выявление

документов по темам – история Октября и гражданской войны, установление советской власти на территории конкретных регионов. Определенное место в этой работе было уделено роли крестьянства в происходящих событиях и отражении его позиций и лояльности к советской власти. Тем самым, среди соответствующих документальных изданий, вышедших в 30-50-е годы был опубликован достаточно обширный круг источников по истории крестьянства. И это важно помнить. Однако, показ оппозиционных настроений крестьянства к новой власти остался за рамками этих изданий.

Восполнить этот существующий долгие десятилетия пробел был призван проект **«Крестьянская революция в России. 1902-1922 гг.»**, одной из составляющих которого являлась задача изучения крестьянской войны против "военного коммунизма". В рамках этой задачи была начата работа по подготовки серии документальных сборников по отдельным регионам с целью показа настроений крестьянства в период становления новой власти. Авторами проекта были выбраны регионы, в которых крестьянству были присущи характерные либо социальные, либо национальные особенности. В результате были выделены следующие регионы – Тамбовская губерния, Дон, Кубань, Поволжье, Украина.

Первым был подготовлен сборник документов **«Крестьянское восстание движение в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. "Антоновщина"»**.²⁾ Появление этого сборника не было случайным. В официальной советской истории было очень мало открытых страниц, повествующих о крестьянских восстаниях, и только некоторым из них (как правило, их отличали масштабность) было позволено стать известными для широких кругов. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии, лидером которого был А.С. Антонов, одно из этих исключений. Размах восстания, его продолжительность, использование регулярных войск Красной Армии в подавлении – все это было настолько масштабным, что умолчать о нем было невозможно, и оно вошло в разрешенный идеологией список восстаний. Однако, освещение этого восстания было односторонним, т.е. опубликованные источники по нему показывали только одну из противоборствующих сторон – позицию правящей власти. Восполнить существующий пробел – такова была задача нового сборника. В подготовке его приняли участие историки и архивисты, прежде всего самой Тамбовской области и центра. Совместная работа региональных и центральных представителей позволила выявить уникальный комплекс документов из архивов тамбовских (областной государственной, быв. партийный архив, архив областного Управления ФСБ) и центральных (РГВА, РГАСПИ,

ГАРФ, ЦА ФСБ), показывающий развитие событий не только на местном уровне, но что очень важно – и на центральном уровне. Включенные в сборник документы двух уровней власти (центральной и местной) позволяют показать, насколько серьезно это восстание составляло угрозу правящей власти, насколько эффективно со стороны власти были сделаны оценки и анализ происходящих событий и, наконец, насколько полученные уроки были учтены властью.

Вторая важная особенностью данного сборника - это публикация материалов повстанцев. Сохранившиеся в архивах подобные материалы, как правило, немногочисленны и разрозненны и поиск их всегда затруднен. В большинстве своем они откладываются в материалах органов власти, либо как результат агитационной работы восставших, либо как результат агентурной работы соответствующих органов, либо как военные трофеи, либо при арестах. Понимание того, где и как можно найти информацию о повстанцах очень важно, так как без наличия двухсторонней информации о противоборствующих силах трудно соблюдать объективность исследования. Поэтому при работе над сборником особенное внимание было уделено поиску документов повстанцев, причем не только программного и декларативного характера (программы, уставы, воззвания, листовки, инструкции СТК и Партизанской армии), но и повседневного организационного характера. Важность и значимость первых вполне объяснима, о значимости и особенности, последних необходимо сказать несколько слов. Подобные материалы представлены в сборнике протоколами совместных совещаний представителей СТК и командно-политического состава Партизанской армии, донесениями агитаторов, приказами, приказаниями, оперативной перепиской, донесениями разведки повстанческих формирований, протоколами собраний полков, приговорами полковых судов, списками личного состава и удостоверениями повстанцев. Эти, может быть на первый взгляд разрозненные и отрывочные сведения, позволяют по отдельным деталям реконструировать действия и взгляды руководителей восстания, масштаб военно-организационной работы (в составе повстанческих сил действовали две армии), принципы организации и руководства войск, методы ведения боя, организации снабжения вооруженных сил; многое, вплоть до знаков отличия в одежде, было сопоставимо с принципами организации Красной армии. Публикуемые в сборнике документы свидетельствуют о том, что новые революционные идеи, характерные для данного времени нашли отражение во взглядах военно-политического руководства повстанцев и на организацию военных сил и на методы ведения работы. Отмечая эти необычные обстоятельства, авторы проекта в

своем предисловии к сборнику пишут: "Новые документы обнаруживают необычные и неожиданные обстоятельства, подчеркивающие подлинный трагизм ситуации: в противоборстве оказались армии, одинаковые по составу - крестьянские, одинаково организованные (включая комиссаров, политические отделы и т.п.), присягнувшие красному знамени революции, боровшиеся под девизом "Победа настоящей революции!" И между этими армиями вооруженная борьба достигла предельного накала, стала борьбой на взаимное уничтожение".³⁾

Третий вопрос, обращающий на себя внимание, это вопрос о руководителях восстания. Ранее личность Антонова олицетворяла этот единый образ. Сегодня с публикацией новых документов, и особенно заключительного раздела сборника "А.С.Антонов и его окружение", можно говорить о групповом портрете руководства. Воссоздание группового портрета руководства очень важный и необходимый элемент любого исследования, нацеленного на анализ действий противоборствующих сторон, так как именно руководство определяет приоритеты и методы действий. Публикуемые в сборнике документы на наш взгляд позволяют сделать это в той мере, какой возможно. Ведь информация о руководителях восстания и самих повстанцах имеется не только в их собственных материалах, но и в материалах военной разведки, агентурных органов, и, на что особенно важно обратить внимание, в судебно-следственных материалах. Эта группа материалов впервые была введена в научный оборот, и более того, специально для данного сборника была рассекречена. Бесспорно, что значимость ее для будущих исследователей определяется двумя причинами. Во-первых, это возможность показать размах повстанческого движения и в соответствии с ним размах карательных мер правящей власти; во-вторых, это возможность персонализировать общий образ повстанцев, среди которых были не только крестьяне, но и интеллигенция (как местная, так и приезжая), бывшие офицеры русской армии и др., превратив этой образ в совокупность конкретных лиц независимо от того, какую роль они выполняли в ходе событий – руководящую или рядовую.

Таким образом, документы сборника показывают обе противоборствующие стороны, в том числе обстановку в регионе, породившую массовое восстание тамбовских крестьян против большевитской диктатуры, его характер, идеологию, ход и беспощадность в методах и средствах подавления.

Вторым сборником рассматриваемой нами серии стал сборник *«Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917-1921 гг.»*.⁴⁾ По сложившейся традиции работы над первым сборником в состав авторского коллектива вошли ученые и архивисты

соответствующего региона и центра. Однако, показ особенности крестьянского движения на Дону в период революции и гражданской войны был выбран иным, чем в предыдущем сборнике. Главным героем сборника стало не конкретное историческое событие, а личность человека, вокруг которого происходили события, отражающие в сути своей позиции различных крестьянских слоев Дона. Этим героем стал Филипп Миронов, донской казак, стоявший всегда на защите интересов бедного казачества, которое в свою очередь отвечало ему безграничным уважением и верой.

Судьба Филиппа Миронова сегодня известна всем. Хотя еще 20 лет назад не каждый историк мог позволить себе писать о нем, так как имя этого человека в советской истории было одновременно связано и с высшими военными наградами советской власти, и с поднятым мятежом против этой же власти в 1919 г. Его боевые заслуги проявленные в гражданскую войну эта власть оценила самым высоким образом, наградив его несколькими орденами боевого Красного Знамени (кстати сказать, он был одним из первых представлен к награждению этим орденом в 1918 г.) и самой высшей по тому времени наградой – Почетным Золотым оружием. Наряду с этим он был дважды объявлен врагом советской власти, и приговорен к смерти как мятежник. И если первый раз (в 1919 г.) он был помилован и более того использован властью для усиления своего авторитета среди беднейшего казачества, то второй раз (уже в 1921 г.) он был арестован и застрелен без суда и следствия в знаменитой Бутырской тюрьме ВЧК.

Уникальность личности Миронова отразилась не только в его судьбе, она отразилась в вышедших из под его пера и оставшихся после него документах, ставших для нас потомков безценнейшими источниками и свидетельствами того нелегкого времени, о котором одни говорили с проклятием на устах, а другие воспевали романтику и героику тех дней.

Позволив себе столь подробно остановиться на личности Филиппа Миронова, я хотела тем самым подчеркнуть значимость опубликованных в сборнике документов. Почему мы называем это имя в связи с историей советского крестьянства. Потому, что в период революции и гражданской войны Дон стал ареной ожесточеннейшей борьбы за власть, за землю, за хлеб. Волею судьбы сам Миронов оказался в эпицентре этой борьбы, отстаивая интересы беднейшего казачества и перед зажиточной верхушкой Дона, и перед советской властью. Его обращения и письма и к той и другой стороне всегда ярки, публицистичны; они характеризуют политическую ситуацию на Дону,

указывают на ошибки и обманы правящих сил. За строками его писем, порой ярко обличительных, стоят те, кому земля и хлеб должны были принадлежать по праву и кому они были обещаны революцией и новой властью. Документы сборника показывают драматизм ситуации, создавшейся на Дону при проведении политики "рассказачивания", когда методы массового террора и хозяйственного разорения, применяемые новой властью не только против зажиточного, но и беднейшего казачества, вызвали повсеместное вооруженное сопротивление.

Третьим в этом проекте стал сборник документов *«Крестьянское движение в Поволжье в 1919-1922 гг.»*.⁵⁾ Особенность этого сборника от своих предшественников в его концептуальной задаче – через документы показать не одно локальное событие (как, например, «Антоновщина»), а последовательную и по возможности полную картину крестьянской оппозиции в Поволжье на протяжении всего периода постоянного существования советской власти в данном регионе. Эта задача была нелегкой для коллектива составителей, в который уже по сложившейся традиции вошли ученые и архивисты из центра и различных республик и областей этого многонационального края. Трудности, которые пришлось преодолевать в работе над сборником, в результате превратились в достоинства, как в сказке о Золушке, где происходит целый ряд волшебных превращений, в том числе и таких, когда тыква превращается в карету, а крысы в красивых белых лошадей.

Так и в этом сборнике – трудность освоения и показа географического пространства Поволжья, когда огромное количество населенных пунктов из разных уездов, областей и республик готовы были превратиться в безбрежное море географического хаоса, стала в итоге важнейшим достоинством сборника. Публикуемые документы позволяют увидеть достаточно логическую и стройную картину крестьянской оппозиции на территории региона столь сложного этническим и социально-культурным составом населения, особенно в деревне.

Точно также, трудность выявления и окончательного отбора для публикации огромного и разнообразного по видам комплекса архивных материалов (в сборник вошли материалы из 4-х центральных и 14-ти региональных архивов) позволила составителям сделать сборник многоплановым. В итоге в сборнике представлены документы: 1) различных регионов Поволжья, 2) различных уровней власти - от центральной до местной, от распорядительной до исполнительной, а также по направлениям (партийная, государственная, военная и пр.), 3) различных видовых групп (протоколы, доклады, отчеты, сводки, телеграммы, записи разговоров, письма и

пр.). Столь расширенный состав документов позволил в итоге показать разнообразие исторических источников по данной теме, хранящихся в архивах. Издание сборника не означает, что тема, закрыта; составители сборника, опубликовав данный комплекс документов, рассматривают его как основной ствол дерева, который имеет множество ветвей, покрытых листьями. Определены основные направления поиска новых архивных материалов по теме (как по архивам, так и по функциям власти, по авторству документов и т.д.), позволяющие будущим исследователям продолжать его как вширь, так и в глубь и наполнять общую картину дополнительными историческими деталями.

Перечислив, на мой взгляд, самые важные концептуальные особенности сборника, хочу обратить внимание на отдельные, составляющие его группы документов – это, документы, исходящие от органов и представителей власти (наиболее объемная часть сборника) и от самого крестьянства (к сожалению, малочисленная часть сборника). Значимость обеих групп бесспорна. Разнообразие опубликованных документов власти позволяет показывать различные стороны взаимоотношений между крестьянством и властью. Документы, исходящие от крестьянства также имеют свои особенности и несут определенную информацию. Среди них часть составляют документы, появившиеся в результате повседневной жизни крестьянина (это письма крестьян, решения крестьянских сходов), направленные представителям власти. Таких документов немного, ибо нечасто крестьянин отрывался от своего нелегкого труда и брал карандаш в руки, чтобы выразить свое мнение. Поэтому каждый из найденных и опубликованных составителями подобного рода документов бесценен и важен как результат мышления и действия крестьянина. Вторую часть «крестьянской» группы составляют документы оппозиционного крестьянства, вступившего в противоборство с властью. Конечно, не все, вышедшее из под пера повстанцев, принадлежало непосредственно крестьянину (руководители повстанцев были выходцами из разных социальных групп, о чем говорилось ранее). Но в те времена оппозиция могла рассчитывать на успех только при поддержке крестьянства, и если эта поддержка была, значит было и доверие со стороны крестьянства. Таким образом, документы повстанцев – это уникальные исторические источники, позволяющие воссоздать и показать настроения крестьянства в различные периоды становления новой власти и отношение к ней.

Чтобы не повторяться, скажу только, что данный сборник, как и предшествующие, позволяет исследователям сегодняшнего дня более детально изучать различные стороны "крестьянской" проблемы, в том числе и групповой портрет

руководства повстанцев, их политические позиции и лозунги, методы борьбы. Все это относится и к характеристике правящей власти. Некоторые публикуемые в сборнике документы представляют особый интерес. В их числе документы о непосредственных переговорах представителей властей с повстанцами, информационные обзоры о повстанческих силах, действующих на территории Поволжья, инструкции для войсковых частей о методах борьбы с повстанчеством. Последние заслуживают внимания, ибо именно размах повстанчества в Поволжье и обширность территории региона заставили власть передать функции борьбы с ним из ведения внутренних военизированных сил (войска Вохр, Внус, ВЧК, милиция) военным органам, которые вынуждены были разработать систему методов борьбы с повстанчеством. Это обстоятельство очень важно, так как с появлением организованной системы борьбы против повстанчества размах его спадает и те немногочисленные документы сборника за 1922 год, подтверждают это.

Четвертым в этом проекте стал сборник документов *«Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918)»*.⁶⁾ По своим хронологическим рамкам сборник должен был открывать проект, но по степени готовности он является пока завершающим. 1917 год, являясь эпохальным событием в русской истории, как год двух революций, для рассматриваемого проекта значим вдвойне. Перед обеими революциями вопросы земли и хлеба были важнейшими и определяющими исход. Тамбовская губерния была одним из наиболее крупным и напряженным по накалу крестьянского движения аграрных регионов России, являясь одновременно важнейшим регионом мощного помещичьего землевладения и зоной мощного антипомещичьего протеста. Именно в этой губернии одним из первых начался процесс перераспределения земельной собственности. Документы сборника позволяют увидеть, как политические преобразования в стране влияли на действия собственников земли, заставляя их писать своим управляющим и в органы власти. В отличие от крестьянства дворяне и помещики умели писать и знали кто должен стоять на страже их интересов. В силу ряда обстоятельств, и в первую очередь по идеологическим причинам, подобного рода документы не публиковались в советское время. Таким образом, сборник впервые вводит в научный оборот соответствующие материалы, позволяющие показать процесс нарастания и победы антипомещичьего движения крестьян весной-осенью 1917 г. "Историческое значение крестьянского движения в губернии этого периода заключалось в том, - как пишут авторы сборника, - что здесь оно впервые одержало победу: еще в середине сентября 1917 г. (т.е. большевистского Декрета о

земле)".⁷⁾ Меньшая часть публикуемых в сборнике документов относится к 1918 г., "которые с одной стороны отражают продолжение процессов предыдущего года (погромы усадеб, деятельность революционно-демократических органов по установлению организованного контроля над помещичьей собственностью), с другой стороны, показывают новые процессы в деревне (распределение земли между крестьянами и начало борьбы крестьян против "военного коммунизма" за реальное распоряжение своей землей."⁷⁾ Тем самым публикуемые документы сборника становятся необходимым дополнением ранее изданного сборника документов о крестьянском восстании в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг.(Антоновщине). Как и в предыдущих случаях, сборник, открыв собою новое направление исследования общекрестьянской проблемы, может иметь соответствующее продолжение и по другим регионам. А это, в свою очередь, позволит показывать региональное своеобразие и сопоставлять общие черты происходящих процессов в деревне в 1917-1918 гг.

По замыслу авторов проекта завершающим должен стать сборник о крестьянском движении на Украине в 1917-1922 гг., главной фигурой которого будет Нестор Махно. Работа над этим сборником в настоящее время ведется, уже завершено основное выявление документов, как в архивах России, так и в архивах Украины. Как и в случае с Филиппом Мироновым, личность Нестора Махно очень противоречивая и своеобразная. В разные периоды гражданской войны союз с ним был желателен и даже необходим для советской власти. Но каждый раз, используя авторитет Махно среди простых людей, в том числе и крестьян, правящая власть разрывала этот союз, объявляя Нестора Махно своим врагом. Задача сборника показать истинный образ Махно как лидера крестьянского населения южной части Украины, которому удалось на протяжении столь длительного периода сохранить самостоятельность своего региона (как в политическом, так и в экономическом и военном отношении). Гуляй-польская республика Махно смогла сохранить свою самостоятельность не только в отношении Москвы, но и других националистических правительств, которых на территории Украины было предостаточно и не последнюю роль в этом сыграла поддержка крестьянства.

Завершая характеристику документальных сборников, объединенных единым концептуальным замыслом, нельзя обойти молчанием сборник документов *"Сибирская Вандея. 1918-1921"*⁸⁾ Этот сборник и тематически, и хронологически тесно связан с предшествующими. В нем публикуются материалы об установлении новой власти в Сибири и реакции населения на этот режим, вызвавший вооруженное

сопротивление в регионе, в том числе широко известное Западно-Сибирское восстание, которому посвящен второй том издания.

Вторым «крестьянским» проектом является серия документальных сборников под общим названием *«Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939»*.⁹⁾ Основная задача этого проекта – публикация информационных сводок и обзоров соответствующих органов власти, предназначенных для повседневной регистрации всего происходящего в жизни населения огромной страны, его настроений и движений и отражающих ситуацию в деревне. Особенности проекта заключаются в том, что вводится в научный оборот обширный комплекс одного вида исторических источников (информационных сводок и обзоров), объединенных единым авторством за большой период времени.

Значимость публикуемого видового комплекса документов бесспорна – любая власть не может существовать без информации о ситуации в стране. Наверняка, всем известно древнее изречение: «Тот кто владеет информацией, владеет всем миром». Действительно, эффективность анализа полученной с мест информации, а в итоге и будущие шаги власти, зависят от многих факторов, и в первую очередь – от степени полноты охвата по территориальному признаку, от степени полноты охвата по социальному признаку и конечно же, от степени достоверности собранной информации (насколько полно показано соотношение позитивных и негативных сторон действительности). Таким образом, с публикацией подобного рода документов исследователи получают возможность воссоздания последовательной (месяц за месяцем, год за годом) информационной картины повседневной жизни деревни в стране.

Также бесспорна и значимость авторства публикуемых сводок. Одной из важнейших функций ВЧК-ОГПУ-НКВД являлась организация системы государственной информации. Сбор информации для власти о том, *где и что* происходит, *кто и что* думает, *кто и чем* недоволен начал формироваться с первых месяцев существования новой власти, ведь от этого зависела ее боеспособность и жизнедеятельность. Первоначально собранная информация предназначалась для очень узкого круга лиц руководства страны и самого ведомства (Дзержинский, Ленин, Троцкий) и систематизировалась в виде сводок, позволяющих оперативно и кратко сообщать о ситуации в регионах. Принципы составления сводок, во-многом заимствованные у военных, соответствовали условиям исторического момента, когда

от оперативности получения достоверной информации зависел исход борьбы. Постепенно количество адресатов рассылки столь важной для управления государством информации росло и от 5-7 экз. (начальных) дошло до 25-30 экз.

Потребность власти в соответствующей информации влияло не только на расширение круга адресатов, происходила постепенная трансформация и в составе информационных сводок. Если в первых сводках преобладал территориальный принцип подачи информации, то в последующем в основе сводок мог быть использован и тематический принцип (систематизация информации по одному конкретному вопросу), и социальный принцип (систематизация информации по социальным группам общества). Трансформация сводок происходила и в их содержании – на смену лаконичной и констатирующей информации (с обязательным указанием адресата ее получения) приходит аналитическая информация, которая в свою очередь способствует появлению новых информационных источников – обзоров. И сводки, и обзоры, являясь разновидностью одного вида исторических источников (информационного), позволяют не только соединять отдельные лоскутки информации в одно большое информационное пространство, но что не менее важно видеть процесс работы с информацией непосредственно со стороны власти.

Наряду с перечисленными особенностями публикуемого вида исторических источников, существует еще одна не менее важная особенность публикуемого комплекса документов – это его хронологические рамки, которые охватывают 20 лет, столь насыщенных политическими событиями, имеющих первостепенное значение для развития крестьянства России. На сегодняшний день исследователи уже получили в свое распоряжение комплекс важнейших информационных источников за 1918-1931 гг., на выходе из издательства – за 1932-1935 гг.; в ближайшем будущем можно ожидать завершающий серию том за 1936-1939 гг. Комплектация томов проводилась составителями с учетом особенностей исторического процесса. Так, в 1-й том были включены документы за 1918-1922 гг. – период деятельности ВЧК; 2-й том составили документы за 1923-1929 гг. – период деятельности ОГПУ; 3-й том, состоящий из двух частей охватывает период 1930-1935 гг., когда ОГПУ было реорганизовано в НКВД. Таким образом, рассматриваемый проект ввел в научный оборот богатейший пласт массовой и разноплановой информации, важной как для исследования крестьянской части общества, так и его роли в общеисторическом процессе.

Как подтверждение всему сказанному можно рассматривать появление первого регионального аналогичного документального сборника *«ВЧК-ОГПУ о политических*

настроениях северного крестьянства. 1921-1927 годы. (По материалам информационных сводок ВЧК-ОГПУ)», вышедшее в Сыктывкаре в 1995 г.

Третьим «крестьянским» проектом является публикация комплекса документов под названием *«Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939»*.¹⁰⁾ По значимости и масштабности своей этот проект имеет первостепенное значение, так как коллективизация сельского хозяйства стала рубежным событием в истории СССР. Характеризуя значение коллективизации, главные редакторы проекта в своем вступительном слове пишут: «Со стороны коммунистической партии это была первая попытка широкомасштабной социальной инженерии, и это было начало сталинского массового террора. Коллективизация разрушила традиционную крестьянскую общину и другие институты крестьянской автономии и поставила на их место принудительную структуру аграрного производства, социалистическую по форме. Новая колхозная система позволила государству обложить крестьянство данью в форме обязательных поставок сельхозпродукции и обусловило господство на селе».¹¹⁾ Столь большая цитата была приведена нами только для того, чтобы еще раз подчеркнуть значимость и долгожданность публикуемых документов, позволяющих исследовать «глубину противоречий сталинской эпохи».

Проблема коллективизации, как ни одна другая в истории советского крестьянства, имела строжайшее официальное табу, ибо она повлекла за собой процесс раскулачивания, который, став оборотной стороной ее, вылился в «наиболее ужасающую волну массовых репрессий XX века». Жесткие идеологические установки, существовавшие на протяжении всего советского периода (несмотря на «оттепель» 60-х и «перестройку» 80-х) в первую очередь касались доступа к архивным документам. Только со второй половины 50-х годов ученые смогли приступить к изучению проблем коллективизации советской деревни, получив доступ к очень ограниченному кругу источников. Естественно, что с первыми исследования стали появляться и первые документальные издания, начало им положил сборник важнейших постановлений Коммунистической партии и Советского правительства по вопросам коллективизации сельского хозяйства за 1927-1935 гг.¹²⁾ Вслед за ним были изданы сборники документов по социалистическому преобразованию в деревне в Херсонской (1957), Харьковской (1959) и Саратовской областях (1960, 1961). Комплексная публикация документов началась с созданием при Главном архивном управлении СССР в 1957 г. *Главной*

редакции общесоюзной серии издания документов и материалов «История коллективизации сельского хозяйства СССР». Первый том этой серии вышел в свет в 1961 г., а первым регионом стал Узбекистан, вслед за ним были изданы сборники по другим национальным регионам (Молдавия, Казахстан, Туркмения, Татария). Обращает на себя внимание приоритет выбора национальных регионов, что не случайно. В них проблема коллективизации не имела столь острых и болезненных проявлений, как это было в наиболее плодородных районах страны. Наряду со сборниками, входящими в состав общесоюзного документального серийного издания, в регионах продолжали выходить и самостоятельные сборники, дополняющие общую картину происходящих в деревне событий.¹³⁾ Всего в данной серии вышло 36 сборников, последний из которых был издан в 1989 г. Общее число изданных к моменту распада СССР, т.е. к 1991 г., по соответствующей проблеме сборников достигло 58.¹⁴⁾ Вышедшие в свет тома охватывают почти все бывшие *национальные республики* (перечисление дается по последовательности выхода сборников): *союзные* – Украину, Узбекистан, Молдавию, Казахстан, Туркмению, Таджикистан, Киргизию, Грузию, Белоруссию, Литву, Азербайджан, Латвию, Эстонию) и *автономные*, входящие в состав РСФСР (Татария, Мордовия, Дагестан, Якутия, Башкирия), а также *12 экономических районов РСФСР* – Север, Запад, Северо-Запад, Среднее Поволжье, Центральный-Промышленный район, Северный Кавказ, Западная Сибирь, Центрально-черноземная область (ЦЧО), Восточная Сибирь, Дальний Восток, Урал. Кроме того, изданы сборники документов по отдельным *регионам и областям*: Украины (Херсонской, Харьковской, Кировоградской областей), РСФСР (Саратовской и Рязанской областей, Астраханскому и Нижегородскому краю, а также по Нижегородской губернии).

Содержание и значение публикуемых в этих сборниках документов отражало возможности своего времени, ограниченные жесткой цензурой. В названных сборниках публиковались постановления и резолюции, доклады и отчеты, свидетельства с мест, отражавшие официальную политику и версию развития сельского хозяйства, коллективизации и раскулачивания. Только с 1989 г. стали появляться сборники, в которых начали публиковаться документы, свидетельствующие о негативных сторонах коллективизации – о голоде и хозяйственном упадке в деревне, о практике насилия и раскулачивания, о крестьянских протестах и сопротивлении политике коллективизации. Только за период 1989-1991 гг. было издано 6 сборников документов по истории крестьянства, положивших начало процессу введения в научный оборот,

абсолютно новых, ранее закрытых исторических источников.¹⁵⁾ Позволив себе чуть более подробно остановиться на советском «документальном багаже», мы тем самым обратили внимание на уже существующую документальную базу к моменту появления проекта, о котором идет речь.

При публикации документов в советское время хронологические рамки соответствующих изданий пестрели разнообразием. Наибольшее число вышедших сборников (чуть более 20), ограничивались основными рамками периода 1927-1937 гг., только в 5 сборниках этот рамки доведены до 1941 г., а в 10 сборниках рамки сужены до периода 1926-1932 гг. Публикация 5 томов нового проекта, потребовала от его авторов уточнения хронологических рамок как для всего проекта (для всего собрания документов), так и для составляющих его исторических периодов в соответствии с задачами момента (для каждого тома в отдельности). Таким образом, была принята следующая систематизация документов по периодам (по томам). Документы *первого тома* освещают период с мая 1927 г. по ноябрь 1929 г. и раскрывают связь между хлебозаготовительными кампаниями и «наступлением на кулачество» с переходом к массовой коллективизации в конце 1929 г. Документы *второго тома* освещают период с декабря 1929 г. и весь 1930 г., показывая как разворачивался процесс «сплошной коллективизации» и паскулачивания. Документы *третьего тома* освещают период 1931-1933 гг., показывая причины, ход и последствия Великого голода. Документы *четвертого тома* освещают период 1934-1936 гг., когда основные мероприятия власти были направлены на ликвидацию остроты социального протеста на селе (приобретавшего в основном пассивные формы) после потрясений, вызванных массовой коллективизацией в стране и Голодом, а также на стабилизацию колхозной системы и поднятие трудовой активности колхозников, не ослабляя при этом экономического пресса со стороны самого государства. Документы *пятого тома*, завершающего серию, будут освещать период 1937-1939 гг. и впервые освещать методы и масштаб «больших чисток» в советской деревне.

Основное внимание авторов проекта и составительского коллектива, в который по сложившейся традиции вошли историки из ряда стран (России, США, Канады, Великобритании, Австралии, Южной Кореи) и архивисты из ведущих федеральных архивов России и ведомственного Центрального архива ФСБ РФ, было сосредоточено на выявлении ранее недоступных исследователям документам, раскрывающих те стороны исторического процесса, которые оставались неизвестными, либо преподносились как всего лишь частные случаи «извращений» и «перегибов»,

допущенных на местах. Таким образом, внимание архивистов при поиске документов было направлено, в первую очередь, на следующие важнейшие стороны – 1) принудительные хлебозаготовки, подчинившие себе все другие направления в деревне и создавшие обстановку «чрезвычайщины»; 2) борьба с кулачеством, ставшая главным средством проведения хлебозаготовок и подчинения крестьянства в целом; 3) собственно коллективизация, осуществляемая, форсированными темпами, пренебрегая возможностями кооперативного развития и технического перевооружения. Такой виделась задача вначале работы над проектом.¹⁶⁾ В процессе выявления и обработки нового архивного материала происходило расширение и углубление исторических знаний, что вполне объяснимо, в том числе и тех, что происходило непосредственно в деревне, с самим крестьянством, какой была практическая политика и следствия этой политики.

Не только новизна публикуемых документов и исторических знаний является важнейшей особенностью данного проекта. Значимость его складывается и из положенного в основу принципа поиска архивных документов. Количество вовлеченных в этот проект архивов и объем проводившегося выявления несравним ни с одним из рассматриваемых ранее проектов, скажем более – не сравним ни с какими другими, осуществлявшимися в этот период по другим проблемам российской истории. В проекте принимают активное участие важнейшие федеральные архивы России – РГАСПИ, ГАРФ, РГАЭ, РГВА, ведомственный – ЦА ФСБ РФ, областной – Новосибирской области. Это позволило выявить и отобрать для публикации документы всех органов власти – политической, государственной, исполнительной, в первую очередь, осуществлявших проведение политики в деревне, а также военных и карательных органов власти, которые являлись основной силовой опорой власти. Помимо этого, выявление в архивах проходило и по вертикале власти – просматривались фонды не только центральных органов власти, но что не менее важно соответствующих областных и даже районных структур; в силу этого многие фонды впервые были просмотрены для раскрытия темы проекта.

Таким образом, публикуемые документы позволили – *показать*, кто стоял у истоков принятия тех или иных политических решений и как принимались соответствующие директивы ЦК ВКП(б) и его Политбюро, Оргбюро и Секретариата; *показать*, как принятые политическими органами решения оформлялись через практические постановления и директивы, циркуляры и разъяснения высших органов государственной власти ВЦИК и ЦИК РСФСР, СНК СССР и РСФСР, а также

соответствующих центральных исполнительных органов власти, и в первую очередь Наркоматов – земледелия, торговли, юстиции, ОГПУ, Верховного суда, Прокуратуры; *показать*, как шла реализация политики на местах через материалы различных временных центральных органов, создававшихся для руководства и контроля за проведением коллективизации (вроде Колхозцентра и Тракторцентра), а также через отчетные материалы партийных и государственных органов на местах.

Безусловно, что при поиске и отборе документов для публикации особое внимание было уделено проблеме сопротивления коллективизации, причем не только со стороны самого крестьянства, что закономерно, а среди общества и в первую очередь внутри советского руководства. Такие документы есть и с их публикацией исследователи получают возможность более детально и глубоко изучать эту малоизвестную пока страницу истории России. Позволю себе еще раз процитировать авторов проекта, которые в своем вступительном слове отмечают: «Невозможно глубоко понять сталинизм и развитие в Советской России, не изучая сопротивления сталинским методам управления, - это одна из многих «чистых страниц» в истории России XX века и наш проект предполагает внести свой вклад в ее заполнение».¹⁷⁾

Очевидно, что недра российских архивов хранят в себе намного больше документов, чем могут вместить в себя возможности даже такого масштабного проекта, о котором говорилось ранее. И поэтому очень важно вводить в научный оборот и пополнять источниковую базу за счет других публикаций, имеющих более локальные темы, но позволяющие в итоге расширять наши «новые знания» по соответствующей проблеме. И в этом направлении работа также ведется.

Так, при активном участии одного из авторов предшествующего проекта Линн Виолы были подготовлены два региональных сборника, вышедшие друг за другом в 1997-1998 гг. и освещающие процесс коллективизации и раскулачивания на Украине – в Винницкой области и в РСФСР – в Рязанской губернии. Это сборники – *«Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 г. – март 1930 г.)»*¹⁸⁾ и *«Рязанская деревня в 1929-1930 гг.: Хроника головокружения»*.¹⁹⁾ Как и в предшествующих случаях данные сборники стали плодом совместной работы ученых России, Украины, Канады и архивистов, в частности архива Винницкой области Украины и государственного архива Рязанской области (ГАРО) Российской Федерации.

Основу *«рязанского сборника»* составили документы рязанских силовых

структур: ОГПУ, Административного отдела окрисполкома (милиции), прокуратуры. Таким образом, сборник, с одной стороны, продолжая тему соответствующего проекта, расширяет источниковую базу информационных материалов силовых структур страны (ВЧК-ОГПУ-НКВД), но уже в региональном масштабе; с другой стороны сборник вводит в научный оборот новый слой документов, детализирующий события областного уровня в острейший период проведения коллективизации и раскулачивания. Документальное богатство сборника не ограничивается только материалами областного ОГПУ и др. административных органов. Наряду с ними публикуются интереснейшие свидетельства очевидцев событий, в том числе и пострадавших, в эти страшные годы. Среди них, сохранившиеся в ГАРО воспоминания тогдашнего директора архива С.Д.Яхонтова, его организатора и собирателя, арестованного в разгар событий, описываемых в сборнике (в декабре 1929 г.) и проведшего несколько месяцев в Доме Заключения. «Посидев 4 месяца, – писал он позднее, – я понял, что большинство «тюремных» – хозяйственные люди, отстаивавшие и личную свободу, и свой быт. ...Население Дом-Зака всегда в своем составе отражает или политический, или социальный момент в жизни народа. ...Большинство, которое окружало меня, были взяты «по подозрению», «догадкам», «доносам», прошедшие через ГПУ: ...купцы – бывшие и настоящие, так называемые кулаки, ремесленники, арендаторы, хозяйственники, антиколхозники, чиновники. ...Здесь я насмотрелся на горе и слезы, что лились рекой, благодаря любителям властолюбия. Террор... для одних это особая политическая организация и орудие власти, для других... все несказанное горе, которое только может вместить в себя человеческое сердце».²⁰⁾

Еще одно издание, которое заслуживает хотя бы нескольких слов характеристики в нашем обзоре – это сборник документов *«Красная Армия и коллективизация деревни в СССР (1928-1933)»*.²¹⁾ Значимость публикуемых в сборнике документов, несмотря на их небольшой объем (всего несколько десятков), для истории крестьянства России определяется, прежде всего, в новизне постановки концепции темы сборника. Действительно, в 20-е и 30-е годы Красная Армия в большинстве своем состояла из крестьян, которые составляли около 90% всего рядового состава и немалый процент среди командного состава. И даже те командиры, которые перестали считать себя крестьянами, продолжали сохранять связь с деревней, так как в ней оставалась родня. Красная Армия для власти была не только опорой и силой, стоящей на защите ее интересов, она была и школой политического воспитания нового молодого поколения, которое возвращаясь из армии, становилось опорой власти

на местах, и в первую очередь – в деревне. Поэтому, так важно изучение вопросов не только политической работы в армии (что достаточно много исследовалось в советское время), но и вопросов, требующих еще серьезного исследования – настроения и реакция армии в период ломки деревни, а также формы и методы работы власти по использованию армии в проведении политики коллективизации деревни и в борьбе с крестьянским сопротивлением. Документы сборника в силу своей малочисленности не могут дать всесторонние ответы на поставленные вопросы. Публикуя их, составители ставили перед собой задачу – привлечь внимание историков и к абсолютно новому слою исторических источников, и к тем. Здесь я вопросам, которые в них поднимаются.

Наконец, последний, **четвертый «крестьянский» проект**, о котором необходимо сказать в данном обзоре. Это публикация серии документальных сборников, объединенных единым названием *«Спецпереселенцы в Западной Сибири»* и охватывающих период 1930-1945 гг.²²⁾ Актуальность и значимость этого проекта вне всяких слов. И хотя мы завершаем этим проектом обзор документальных публикаций, так как логически он является продолжением проблемы коллективизации и раскулачивания, но важно отметить, что именно издание соответствующих сборников в 1992-1994 гг. положило начало системной публикации документов по проблеме, которая являлась абсолютно «чистой» страницей в истории советского крестьянства. Отрадно, что столь важный почин новосибирских ученых и архивистов был подхвачен и в других регионах – на Урале и в Карелии²³⁾, где спецпоселки были явью, а не страницей истории. Этими сборниками был введен в оборот пока только пласт исторических источников регионального уровня, с очень немногочисленными вкраплениями отдельных документов высшей и центральной власти. Последующие издания документов, в том числе и сборники проекта по коллективизации и раскулачиванию, и сборники информационных материалов ОГПУ-НКВД СССР, во многом дополнили и расширили представления историков по данной проблеме, но основная работа по ней впереди – и это, прежде всего публикация комплекса соответствующих документов высшего и центрального уровня, и в первую очередь силовых структур, а также материалы самих пострадавших, в том числе и о их жизни.

Подводя итог нашему обзору, позволю себе немного статистики. Число только рассмотренных и упоминаемых в обзоре сборников насчитывает около 30, что немало. И это, по всей видимости, не окончательное число (к сожалению, за эти 15 лет была нарушена система информации о документальных изданиях, выходящих в регионах).

Не менее внушительно и количество вновь опубликованных документов, которое исчисляется на десятки тысяч. Помимо этих «живых» документов многие из рассмотренных изданий имеют также обширный научно-справочный аппарат (в виде примечаний, биографических справок, различных таблиц и справок), содержащий также обширнейший объем новой информации (как из документов, оставшихся за пределами рамок публикации, так и из других архивных материалов. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что за последние 15 лет историки, как российские, так и зарубежные, изучающие не только историю советского крестьянства, но и историю советского общества, получили в свое распоряжение безценнейшую источниковую базу, которая даст импульс для новых идей, исследований, статей и монографий.

Работа в архиве предполагает встречи с огромным потоком исследователей, которые обращаются и за советом, и за помощью, чтобы поделиться своими архивными находками и будущими планами исследования. Этот процесс взаимного общения очень важен как для исследователей, так и для архивистов, ибо работа и тех и других направлена на сохранение и воссоздание исторической картины прошлого. Подготовка сборника документов сравнима с рождением ребенка – это долгий и кропотливый процесс, формирования гармоничного целого. Как и ребенок, который формируется постепенно день за днем, месяц за месяцем, становясь в итоге чудом природы, сборник проходит последовательно определенные стадии своего появления (выявление документов, их отбор, комментирование, техническое оформление, создание справочного аппарата и пр.), становясь в итоге нелегким и долгожданным детищем. Опыт последних лет показал, что совместная работа ученых и архивистов – это залог объективности, репрезентативности, научной новизны и информативной ценности публикуемых источников, тех основных принципов, на которых должно строиться познание истории.

1). Речь идет о серии тематических документальных изданий, объединенных единой концепцией и принципами составления. На сегодняшний день в этой серии вышло 4 сборника документов (2 – по Тамбовской губернии, 1 – по Дону, 1 – по Поволжью; в работе находится 1 – по Украине).

2). Сб.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. "Антоновщина". Документы и материалы / Под. ред. В.Данилова и Т.Шанина. Отв. составители:

В.Данилов, С.Есиков, Н.Тархова, Г.Ходякова - Тамбов, 1994 – 334 с.

3) Там же, с.6.

4). Сб.: Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917-1921 гг. Документы и материалы. / Под ред. В.Данилова и Т.Шанина. Отв. составители: В.Данилов, Н.Тархова - Москва: Международный Фонд «Демократия», 1997 – 792 с.

5). Сб.: Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922 гг. Документы и материалы / Под ред. В.Данилова и Т.Шанина. Отв. составители: В.Данилов, В.Кондрашин, Н.Тархова - Москва, РОССПЭН, 2001 - 944 с.

6). Сб.: Крестьянское движение в Тамбовской губернии. (1917-1918). Документы и материалы / Под ред. В.Данилова и Т.Шанина. Отв. составители: В.Данилов, В.Канищев, Г.Ходякова - Москва, РОССПЭН, 2003 - 480 с.

7) Там же, с. 9.

8) Сб.: Сибирская Вандея. 1918-1921. Документы. В 2-х томах / под ред. А.Н.Яковлева. Составитель В.И.Шишкин. - М.: Международный Фонд "Демократия", 2001. - Том 2. - 776 с.

9). Сб.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы в 4-х томах. / Под ред. А.Береловича, Н.Верта, В.Данилова.

Том 1 – 1918-1922 гг. / Отв. составители: В.Данилов, Л.Борисова, Н.Ивницкий, В.Кондрашин - Москва, РОССПЭН, 1998 – 864 с.

Том 2 – 1923-1929 гг. / Отв. составители: В.Данилов, Л.Борисова, Н.Перемышленникова - Москва, РОССПЭН, 2000 – 1168 с.

Том 3. Часть 1 – 1930-1931 гг. / Отв. составители: Л.Борисова, В.Данилов, Н.Перемышленникова, Н.Тархова - Москва, РОССПЭН, 2003 – 864 с.

Том 3. Часть 2 – 1932-1935 гг. (сборник сдан в издательство).

10). Сб.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939». Документы и материалы в 5-ти томах. / Под редакцией: В.П.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы.

Том 1 – Май 1927 – ноябрь 1929 / Отв. составители: В.Данилов, М.Кудюкина - Москва, РОССПЭН, 1999 – 880 с.

Том 2 – Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Отв. составители: Н.Ивницкий, М.Кудюкина, Е.Хандурина - Москва, РОССПЭН, 2000 – 927 с.

Том 3 – Конец 1930-1933 / Отв. составители: В.Данилов, И.Зеленин, В.Кондрашин, Н.Сидоров - Москва, РОССПЭН, 2001- 1008 с.

Том 4 – 1934-1936 гг. / Отв. составители: В.Данилов, Ю.Мошков, М.Кудюкина, Т.Царевская - Москва, РОССПЭН, 2002 – 1056 с.

11). Сб.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939». Том 1. – С. 7.

12). Сб.: Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства: 1927-1935 / Отв. ред. П.Н. Шарова. М., 1957. - 575 с.

13). Более подробная характеристика опубликованных в течение 60-х и 70-х годов сборников документов содержится в статьях:

Богденко М.Л. Первые тома общесоюзной серии документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства // Вопросы истории. 1966. № 8;

Ивницкий Н.А. О публикации документов по истории коллективизации сельского хозяйства // «Археографический ежегодник» за 1967 год. М., 1969;

Кабанов В.В. Документы по истории коллективизации сельского хозяйства // История СССР. 1978. № 5.

14). Перечень сборников документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства СССР, опубликованных с 1957 по 1991 гг. дан в приложении к 1 тому серии «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939». – Там же. С. 765-767. Характеристика, вышедших к этому периоду сборников дана Л.Виолой – см. Viola L. Guide to Dokument Series on Collectivization // A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s / Ed. by Fitzpatrick S. and Viola L. Armonk, N.Y., 1990.

15). Сб.: Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. / Под ред. В.П.Данилова и Н.А.Ивницкого - М., 1989 – 526 с.;

Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917-1922. Документы и материалы. / Отв. ред. В.П.Данилов - М., 1990 – 396 с.;

Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів / Редкол.: Ф.М.Рудич (голова), И.Ф.Курас и др. - Київ, 1990 – 605 с.;

Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923-1927. Документы и материалы. / Отв. ред. В.П.Данилов - М., 1991 – 426 с.;

Из истории раскулачивания в Карелии. 1930-1931 гг. Документы и материалы. / Науч. ред. Н.А.Ивницкий, В.Г.Макуров - Петрозаводск, 1991 – 296 с.;

33-й: голод. Народная книга - мемориал / Підгот.: Л.Коваленко и В.Маняком - Київ, 1991 – 582 с.

16). Редакторское вводное слово. В.Данилов, Роберта Маннинг, Линн Виола – «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939». – Том 1. – С. 10.

17). Там же. С. 9.

18). Сб.: Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 г. – март 1930 г.) / Отв. составители В.Васильев и Л.Виола. - Винница. 1997. – 536 с.

19). Сб.: Рязанская деревня в 1929-1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы. / Отв. редакторы-составители: Л.Виола, Т.МакДоналд, С.В.Журавлев, А.Н.Мельник - Москва: РОССПЭН, 1998. – 749 с.

20). Вводное слово зам. директора ГАРО А.Н.Мельник «От архива». – Там же. С. V.

21). Сб.: Красная Армия и коллективизация деревни в СССР (1928-1933). Сб. документов из фондов Российского государственного военного архива / Сост.: А.Романо и Н.Тархова. Редкол.: Ф.Беттанин, А.Грациози, В.Данилов, Л.Двойных,

В.Михалева, Э.Чинелла - Napoli, 1996 – 538 с. (Публикация документов на русском и итальянском языках).

22). Сб.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / Отв. ред.

В.П.Данилов, С.А.Красильников - Новосибирск, 1992. – 283 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. / Отв. ред.

В.П.Данилов, С.А.Красильников - Новосибирск, 1993. – 341 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933 – 1938 гг. / Отв. ред. В.П.Данилов,
С.А.Красильников - Новосибирск, 1994. – 310 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939 – 1945 гг. / Отв. ред. В.П.Данилов,
С.А.Красильников - Новосибирск, 1996. – 303 с.

23). Сб.: Гулаг в Карелии. 1930-1941» / Науч. ред. В.Г.Макуров. - Петрозаводск, 1992. – 226 с.

Раскулаченные и спецпереселенцы на Урале. (1930-1936 гг.) / Сост. Т.И.Славко,
А.Э.Бебель - Екатеринбург, 1993. – 221 с.

Спецпоселки в Коми области: По материалам сплошного обследования. Июнь
1933 г. Сборник документов / Сост. Г.Ф.Доброноженко, Л.С.Шабалова - Сыктывкар,
1997. – 298 с.

Реформы и крестьянская община в дореволюционной России

1. Реформы Петра I и община

Реформы Петра I, проводимые с целью модернизации и европеизации России, привели к укреплению крепостного, общинного порядка и тем самым придали все более неевропейские черты российскому обществу:

Как известно, в начале XVIII века Петр I замыслил сделать свою страну великой европейской державой. На севере он вел борьбу с Швецией за выход к Балтике, на юге – с Турцией, для завоевания господства на Черном море. Чтобы осуществить эти притязания, нужно было укрепить государственную мощь, в особенности военный ресурс. Используя опыт западных стран, Петр I содействовал развитию военной промышленности, внедрил систему воинской повинности, провел административную, церковную и другие реформы. Модернизация России началась, однако источники финансирования реформ были таковы, что укрепляли крепостную систему. Вводились ревизия и подушная подать. В дополнение к повинностям в отношении помещиков (оброк или барщина), на крестьянство были возложены государственные обязательства уплаты подушной подати и исполнения воинской повинности. Это укрепление крепостничества значило укрепление общинного порядка. В центральной России усилилась крестьянская община, которая несла коллективную ответственность за всех своих членов при исполнении повинностей, связывая их круговой порукой, и производила равное распределение повинностей, и – соответственно - земель между ними, проводя - по мере изменения работоспособного состава каждого двора - переделы повинностей и земель. Кроме того, община, как средоточие крестьянской повседневной жизни, а, временами, как опорный пункт крестьянского бунта, осуществляла разнообразную деятельность и выполняла множество функций. И в то же время она поддерживала крепостнический порядок и царское самодержавие. Таким образом, намеченная по образцу Западной Европы модернизация России в действительности отличалась по ряду параметров и отделила ее от западного общества.

***II. Дискуссия о земледельческом усовершенствовании и община
Дискуссия об улучшении хозяйствования в последней трети XVIII -
первой половине XIX века вылилась в дебаты о вредности общины.
Проводились аграрные усовершенствования, вводились агротехнические
новшества, совершался переход от общинного землепользования к
подворному, однако подобные новации потерпели неудачу вследствие
незрелости экономических условий :***

Последняя треть XVIII и первая половина XIX века были насыщены оживленными дискуссиями, вызванными стремлением использовать западноевропейский опыт рационального хозяйствования в России. Ее активными участниками были А. Т. Болотов, Д. М. Полторацкий, М. Г. Павлов и другие. В помещичьих хозяйствах получили практическое применение западные агро-технологические новации, в частности, теории И. К. Шубарта о многопольном севообороте с высаживанием клевера, проводились опыты, связанные с внедрением новых сельскохозяйственных культур (картофель и пр.), вводились более совершенные методы обработки земли. Важную роль в этом играли специализированные журналы и школы. Движением "нового земледелия" руководили Вольное Экономическое Общество, Московское Общество Сельского Хозяйства и другие общества. Обсуждение путей и способов преобразования аграрного строя России привело к постановке вопроса о перспективе крестьянской общины. Ф. Удолов, А. В. Рознатовский, Д. П. Шелехов, В. А. Черкасский и другие подчеркивали необходимость введения рациональных форм и методов хозяйствования и отмечали вредность общины. Одновременно делались шаги по переходу от общинного к подворному землепользованию.

Однако подобные попытки внедрения "нового земледелия" не удались. Весьма красноречива в связи с этим мысль, высказанная в 1806 году Ф. В. Ростопчиным в его брошюре «Плуг и соха» : "Отцы Наши были не глупее нас были". В 1845 году И. В. Киреевский, отмечая неудачу многих рациональных хозяйств, написал : "Как прежде искали всего нового, называя всякое нововведение улучшением, так теперь начали бояться всякого улучшения потому, что оно нововведение". Основной причиной неудачи "нового земледелия" была недостаточность рыночных и других экономических условий.

Накануне крестьянской реформы возобновилась полемика вокруг крестьянской общины. Против таких защитников общины, как славянофилы и Н. Г. Чернышевский, выступили либеральные экономисты - И. В. Вернадский, Д. Н. Стурков и другие, ратовавшие за упразднение крестьянской общины, однако их позиция не пользовалась влиянием.

III. Крестьянская реформа в Прибалтике и община

Крестьянская земельная община в Прибалтике получила развитие в ходе крестьянской реформы, начатой в конце 1810-х годов и продолженной в 1865 году. Она приобрела возможность самоуправляющейся деятельности, но в то же время была включена в систему государственного управления для укрепления самодержавия :

В Прибалтике, которая была присоединена к России после Северной войны (Ливония и Эстония) и при третьем разделе Речи Посполитой (Курляндия) и сохраняла отличную от в центральной России традицию землепользования, постепенно распространилось крепостничество. Появились - особенно в Ливонии и Эстонии - помещики, которые, оказавшись в нищенском положении после Северной войны, стремились максимально эксплуатировать своих крепостных. Однако можно отметить и стремление помещиков=дворян точнее определить юридическое положение крепостных, используя опыт «опеки крестьянства», существовавший в период шведского владычества.

В соответствии с «духом времени» и настроениями эпохи Просвещения, генерал-губернатор в Ливонии, следуя советам Екатерины II, тоже предложил улучшить крестьянское положение. В этой обстановке под руководством дворянства были составлены Положения об упразднении крепостничества в трех прибалтийских губерниях: в Эстонии в 1817 году, после Правила об опеках крестьянства в 1795 году и Положения о крестьянстве в 1802 году; в Курляндии в 1818 году, минуя Положение об опеке крестьянства; в Ливонии в 1819 году, после Положения о крестьянстве в 1804 году. Реформы привели к установлению для владельца полного права собственности на все земли. Крестьяне стали свободными, но оказались безземельными. Были учреждены и крестьянские общины, постановленные под контроль владельца. В 1866 году в отношении прибалтийских губерний было принято Положение о земельной общине, освобождавшее общины от владельческого вмешательства в их самоуправляющуюся деятельность, но, в то же время, включавшее общины в систему государственного управления с целью распространения царизма.

IV. Крестьянская реформа 1861 года и община

Крестьянская реформа 1861 года предоставила крестьянству личную свободу, но не изменила общинный порядок земельного пользования, и в этом заключается исторический смысл крестьянской реформы :

Перед русским правительством после поражения в Крымской войне вновь стояла задача модернизации для восстановления международного статуса России, ее престижа как великого государства и для укрепления монархического режима. Модернизация предполагала формирование новой социальной структуры и ускорение промышленного развития, а укрепление монархии значило укрепление самодержавия на основе

консервации сословной системы и общинного порядка. Правительство, таким образом, преследовало цель ускорить промышленное развитие, поддерживая при этом старую, сложившуюся социально-сословную и общинную систему, используя для финансирования индустриализации традиционные внутренние источники, а также иностранный капитал. В то время Россия включалась в международный капиталистический рынок, развивался в этом направлении и внутренний рынок. Однако правительство не могло стоять во главе капиталистической индустриализации. Правящая государственная элита опасалась усиления социальной дифференциации, пролетаризации крестьянства и, как следствия этого, общественной нестабильности.

Крестьянская реформа 1861 года, проведенная по инициативе верховной власти, включала в себя постепенное освобождение крестьян с наделом земли (в противоположность освобождению без земельного надела, как это произошло в Прибалтике), выкупную операцию и сохранение общины и ее порядка. Крестьяне были освобождены от личного управления помещиков, однако сохранились повинности за пользование надельными общинными землями. Для крестьян уход из сельских обществ, которые включились в систему государственного управления, был затруднен. Крестьяне, освобожденные с недостаточными наделами земли, вынуждены были прибегать к аренде земли своих бывших помещиков за отработочную ренту, а также становились отходниками на промышленных предприятиях, принадлежавших бывшим помещикам. По сути сохранялось не только административное, но и экономическое подчинение крестьян их бывшим помещикам. Крестьянское право земельного пользования не ограничивало право собственности бывших помещиков, оно находилось не только под руководством общины, но иногда и в зависимости от интересов бывших помещиков. Выкупная операция легла тяжелым бременем на крестьян. Они могли стать "собственниками", но их право собственности было неполным, поскольку они не могли свободно распорядиться своими наделами до окончания выкупной операции.

Следовательно, крестьянская реформа 1861 года не изменила сущности сельского экономического общинного порядка, и в этом заключается её исторический смысл.

V. Промышленное развитие и община

Крестьянская община препятствовала капиталистическому экономическому развитию, но в то же время промышленное развитие поддерживалось общинным порядком :

По данным конца 1870-х годов (как показывает исследование П. А. Орлова) на Московскую губернию Центрально- промышленного района приходились 17,6% общей суммы производства промышленных предприятий и 23,1% рабочих Европейской России. Главной отраслью промышленности в Московской губернии была текстильная, и ее удельный вес в российском бумаготкацкого производстве был значительным, составляя 28,3%. Формами производства в этой отрасли были промыслово-кустарная (ручная) и

фабричная (ручная и машинная).

Кустарные ткачихи и ткачи занимались ткачеством на дому или в мелких заведениях в свободное от сельскохозяйственных работ время и прерывали его после Пасхи или Петрова дня до середины сентября, занимаясь земледелием. Они получали сырье от фабрикантов, купцов или сельских мастерков, посредников между поставщиками сырья и ткачихами-ткачами, и выполняли полученный заказ за сдельную, чаще натуральную, плату с удержанием налога, который ткачихи-ткачи обязаны были платить в волость. Кустарные ткачихи-ткачи находились в подчинении у фабрикантов, купцов и мастерков, которые произвольно устанавливали трудовые и финансовые условия. Отношения между выдающими сырье фабрикантами и купцами, мастерками и ткачихами-ткачами очень напоминали те, которые существовали в крепостнический период между помещиками, приказчиками и крестьянами, и в этом кустарном ткацком производстве по сути воспроизводился общинный порядок.

Да и в фабричном ткацком производстве тоже можно видеть общинный порядок. Фабричные ткачихи-ткачи, которые были отходниками, крестьянами-общинниками, возвращались в свои деревни для сельскохозяйственной работы летом или, если это было невозможно, хотя бы на период праздника (на Пасху или Рождество), а также во время остановки фабричного производства. Фабричные ткачихи-ткачи поддерживали прочные связи с деревнями. Фабриканты сами обращались в волостное управление с просьбой о вербовке ткачих-ткачей, удержали налог с заработков своих работников и отсылали его непосредственно в волостное управление. В вербовке ткачих-ткачей, а также во всей их жизни в закрытом фабричном пространстве активную роль сыграли также землячества и общинные связи, как видно в накрытиях артельных столов. Фабриканты самовольно вмешивались в существование свидетельства современника, который представил ткацкую фабрику как деревню, отношения между фабрикантом и его рабочими как отношения между помещиками и крепостными, а фабричных рабочих сравнил с кочевниками, перемещающимися между городом и деревней.

Но и в жизни рабочих тяжелой промышленности южной России, которые были отходниками из центральной России, определенную роль сыграла артельная организация.

Таким образом, промышленное развитие в пореформенной России поддерживалось общинным порядком.

VI. Столыпинская реформа и община

Неудача Столыпинской земельной реформы проистекла, помимо сохранения крестьянского общинного сознания, от запутанности землепользования, с которой сталкивалась практика землеустройства :

Неудача Столыпинской земельной реформы была порождена многочисленными обстоятельствами. Главные заключались во-первых, в сохранении крестьянского

общинного сознания, во-вторых, в практическом осуществлении землеустройства, которое было осложнено чересполосностью.

Как показывает исследование А. А. Кофода, землеустройство начиналось уже перед Столыпинской реформой в некоторых районах России, преимущественно в западных, где на него оказали большое влияние латышские, жмудские, немецкие, чешские и другие колонисты. В центральной России оно проводилось с большими трудностями из-за чрезвычайно распространенной чересполосности, которую американский историк Д. Мейси, называет "совершенным хаосом". Существовала как внешняя чересполосность между селениями, а также между селениями и владениями помещиков, так внутриселенная чересполосность. Следствием этой чересполосности, как отмечалось в исследовании П. Н. Першина, была чрезмерная удаленность полевых наделов от селений и раздробленность земель, то есть, дально- и длинно-земелье, много-, мелко- и узко-полосность, сохранение хозяйственной зависимости крестьянства от бывших помещиков и так далее. Для ликвидации чересполосности нужно было проводить групповое землеустройство (выдел селений, выдел выселков, дачи разверстания, раздел угодий общего пользования, разграничение земель и другие) и участковое землеустройство, но осуществление его на практике было затруднено, и это обстоятельство привело Столыпинскую земельную реформу к неудаче.

Селькоровское движение в период НЭПа

В последнее время все большее внимание историков привлекают письма рядовых советских граждан в различные органы власти в первые годы существования большевистского государства. Они называются «голосом народа», обращенным к новому политическому режиму, и используются специалистами главным образом как материалы для исследования социальной истории, то есть для изучения проблем как бы «снизу», с точки зрения широких народных масс (1).

Письма трудящихся во власть, как показывают изученные источники, не были исключительно стихийным порывом. В значительной мере они инициировались самими большевиками с вполне определенной целью. Имея большой опыт, большевики прекрасно осознавали возможности печатного слова. Они рассчитывали использовать печать в качестве инструмента взаимодействия власти и народа в период строительства нового общества. Так, например, председатель ЦИК СССР М.И. Калинин заявлял, что газета должна быть *«огромным парламентом или постоянно заседающим митингом, где люди учатся и вместе учат других»* (2). В этой связи письма простых граждан в редакции газет рассматривались большевистским руководством в качестве основной формы реакции масс на политику советской власти. Массовые обращения трудящихся в печатные средства массовой информации были названы большевиками корреспондентским движением, или рабселькоровским движением (3).

В значительной степени его теоретическую основу заложил один из лидеров большевистской партии Н.И. Бухарин, сделавший не мало и в плане практической организации рабселькоровского движения. Будучи ответственным редактором центрального органа партии - газеты «Правда», Н.И. Бухарин придавал особое значение этому новому движению как способу демократического контроля над государственным (даже и партийным) аппаратом, с одной стороны, и начала коммунистического воздействия на народные массы, с другой. Для него рабселькоровское движение было зримым проявлением общественной активности трудового народа, от которой в немалой степени зависела судьба большевистского режима (4).

Тема	Число писем	%
Низовой аппарат	18,753	13.2
Быт	13,832	9.9
Кооперация, страхов., кредит, взаимпо.	13,351	9.4
Налог	10,930	7.7
Землеустройсиво	10,781	7.6
Юридические запросы	10,375	7.3
Лес	8,852	6.3
Общее положение кресьянства	8,427	6.0
Просвещение и культработа	6,846	4.8
Агрономия	5,960	4.2
РКП(б) и РЛКСМ	5,923	4.2
Прочее*	27,544	19.5
Всего	141,574	100.1

*
Остальные

письма падают на художественную литературу, Красную армию, отзывы о газете и запросы различного характера.

Печать СССР за 1924 и 1925 гг., М.-Л., 1926, С.23.

Другой печатный орган – «Крестьянская газета», возникший в ноябре 1923 года как средство дальнейшего проникновения большевистского слова в деревню, также с самого начала своего существования взял на вооружение идею селькоровского движения. Редакционная коллегия газеты с момента начала своей работы стала призывать читателей к активному сотрудничеству и сразу же добилась небывалого успеха в этой области (5).

В общем и целом, селькоровское движение в эти годы стало поистине *крестьянским*. Оно стало играть роль своего рода «канала», по которому крестьянское недовольство направлялось на самый верх пирамиды власти (6). И большевики поддержали и одобрили такую форму связи, расценив ее как первую ступень грандиозного плана взаимодействия с крестьянством. Поэтому они принимали меры по расследованию поступавших жалоб, стремились оперативно реагировать на крестьянские письма. Причем на фоне внешнего благополучия, царившего в отчетах местного руководства, именно жалобы крестьян на поступки деревенских коммунистов выступали диссонансом и голосом правды. Активные селькоры (иногда некрестьянские) смело обличали неблагоприятные дела местных руководителей. Нередко за это они подвергались преследованию, которое характеризовалось уже не «кулацким», а «коммунистским», то есть организованным местными коммунистами.

Местные коммунисты всячески стремились сдерживать критику «снизу», поставить ее под контроль с помощью цензуры, а в ряде случаев и даже путем прямого насилия. Но подобные факты предавались огласке, так как критические письма селькоров о недостатках на местах поощрялись центром. Руководство партии с помощью печати стремилось организовать «контроль масс над аппаратом» (7).

Таблица 3.

Сводки достижений письмами в «Крестьянскую газету» за 10 месяцев (с 1 января по 1 ноября 1925 г.)

Наименование должности	Исключ. из партии	Предвы. суду	Арестова -ны	Сняты с работы	Адм. и дис. взыскания	Партийные взыскания	ИТОГО
Секретаря волкомов, райкомов и сельячек	2	3		8	1	3	17
Рядовые члены РКП и РЛКСМ	58	23	6	15	10	34	146
Работники вигов и с/сов	15	206	12	178	48	6	465
Работники милиции		46	1	38	22		107
Председ. и члены вол. ЗК		4		1	3		8
Агрономы и землемеры		3		7			10
Народные судьи		3		11	2		16
Работники кооперации	1	40	1	13	6	1	62
Объездчики и лесники		16	2	34	12		62*
Председатели К.О.В.	2	27		24			53
Участковые врачи		3		15			18
Учителя и избачи		4		31	9	1	45
Зав. п.-т. отделениями		1		9	2		12
Фининспектора и агенты	1	9		18	4		32
Зав. хоз. предпр. деревни (совхоз. мельниц. и пр.)		8		18	2	1	29
ИТОГО	79	396	22	420	121	46	1084

* Вероятно, 64.

Крестьянская газета, 1925. 17 ноября.

Дилемма в годы «реконструкции»

Начало так называемой «социалистической реконструкции» оказало не малое влияние на селькоровское движение. Как уже отмечалось нами, в предшествующий период это движение играло для режима роль информатора о крестьянских настроениях, проводника его интересов во власть. В новых же условиях ему предназначалась роль коммунистического воздействия на крестьянство. Намечившийся поворот в селькоровском движении был обусловлен не только задачами «реконструкции», но и стремлением режима не допустить излишней критики коммунистов со стороны селькоров. Теперь селькоры должны были выступать в

качестве «нового деревенского актива», поддерживающего политику партии, и обращаться в редакции газет лишь с рядовыми жалобами, не бросающими тень на эту политику. Они должны были просвещать односельчан через печать: «проводить классовую линию» на выборах в советы, в духе партийных решений пропагандировать передовые методы ведения сельского хозяйства и т.д. (8).

Новые задачи потребовали от большевиков более действенных средств организации и руководства селькорами. Особое внимание было обращено на работу в деревне стенгазетного кружка. Теперь в каждой избе-читальне базой селькоровской работы становилась стенгазета – низовая печать данного селения. К работе над ней следовало привлекать как можно больше местных крестьян. В конечном итоге стенгазета должна была выступить «общественной силой, двигающей общественную жизнь села» (9).

Однако предпринятая большевиками попытка изменить характер селькоровского движения не достигла желаемого результата. Напротив, она вызвала его ослабление. Так, например, проведенное отделом печати ЦК ВКП (б) в 1926 – 1927 гг. обследование выявило ужасное состояние селькоровских организаций в ряде районов Советского Союза. Селькоровские кружки в них распались или действовали в отрыве от крестьянских масс (10). Еще одним фактом подобного рода стала *бюрократизация селькоров*, ухудшение их качественного состава. Проведенный в редакциях газет учет зафиксировал в составе селькоров уменьшение крестьян от сохи и одновременно - увеличение коммунистов и служащих (11). Но самым очевидным фактом в этом ряду стало падение тиражей крестьянских газет (12). Таким образом, в годы «реконструкции» крестьяне не приняли новую линию в селькоровском движении.

Таблица 4.

Состав активных селькоров «Крестьянской газеты» в 1926 г.

	всего	партийных	комсомолцев	непартийных	бедняков	средняков	батраков	служащих	женщин
апрель 1926 г.	6350 *1	(476) 7.5%	(1270) 20%	(4604) 72.5%	(4159) 65.5% *2		(857) 13.5%	(953) 15%	(254) 4%
сентябрь 1926 г.	6257 *3	2495 (39.9%)		(3762) (60.1%)	1876 (29.8%)	2597 (39.8%)	184 *4 (3%)	1230 (19.7%)	140 (2.2%)

*1 По возрасту — больше всего селькоров между 20 и 30 годами. Почти половина (42.5%) — демобилизованные красноармейцы. Общественников — 38.5%.

*2 Половина из них — бедняки, половина — середняки.

*3 До 30 лет — 4341. Свыше 30 лет — 1704. Ведущих общественную работу □ 4004 (63.4%). В хозяйстве отца — 147.

*4 Батраков, кустарей и рабочих

Крестьянская газета, 1926. 27 апреля; 1926. 24 мая; РГАЛИ, Ф. 2503, Д. 529, Л.89.

Вместо заключения

Селькоровское движение, стремившееся стать средством «интерактивной коммуникации» власти с крестьянством, добилось немалых успехов на первой стадии своего развития. В этот период оно функционировало как посредник между крестьянством и властью, выступало проводником крестьянских интересов во власть. Именно поэтому многие крестьяне покупали и читали большевистские газеты, посылали письма в редакции, надеясь на их помощь. Но когда большевики избрали новую линию, и наступил этап «социалистической реконструкции», положение изменилось. Крестьяне ограничивались жалобами и уже не стремились к активной общественной работе. Они с недоверием относились к навязчивой агитации большевиков и, в конце концов, просто переставали покупать газеты. Подобная ситуация не могла не встревожить мыслящих газетных работников. Некоторые из них, чтобы восстановить доверие крестьян к газетам, пытались говорить об этом еще накануне «кризиса», предлагая новую линию (13). Однако дальнейшие события свели на нет все эти начинания. Возникший кризис хлебозаготовок коренным образом изменил ситуацию в деревне. Он сделал неосуществимыми прежние формы селькоровской работы, саму практику корреспондентского движения. В новых условиях советская власть отказывалась от идеи воздействия «снизу» через печать и корреспондентское движение. Теперь и газеты, и селькоры должны были выступать лишь исключительно средствами агитации «сверху» (14). Они превращались в звенья мощного пропагандистского аппарата сталинского режима, взявшего антикрестьянский курс на насильственную коллективизацию деревни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. М., 1998; Письма во власть 1917 – 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001.

2. *Калинин М.И.* О корреспондентах и корреспонденциях. М., 1958, С. 37.

3. Положение рабселькора было положением рядового гражданина, добровольно, а не по служебной необходимости, исполнявшего свои обязанности. Большевики определяли рабселькора как всякого трудящегося, который «в интересах нашего советского, партийного или профессионального строительства проявил активность путем освещения соответствующих вопросов в газете (журнале)» // Красная печать. 1926. № 6. С. 43.

4. *Асаока Дз.* Бухаринский план для корреспондентского движения – массовая добровольная общественность при «диктатуре пролетариата» // Мысль. № 917 (ноябрь 2000).

5. *Асаока Дз.* Формирование селькоровского движения в СССР – изучение конкретных случаев двух центральных органов – «Бедноты» и «Крестьянской газеты» // Исследование западной истории. № 26 (ноябрь 1997).

6. Беднота. 1925. 20 февраля; Третье всесоюзное совещание рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров при «Правде» и «Рабоче-крестьянском корреспонденте» // Стенографический отчет. М., 1926. С. 121.

7. *Асаока Дз.* Преследования селькоров и работа по улучшению низового аппарата в период «оживления советов» // История России. № 63 (октябрь 1998).

8. Третье всесоюзное совещание рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров. С. 68 – 89, 127 – 142; Красная печать. 1926. № 13. С. 5 – 36; О партийной и советской печати: Сборник документов. М., 1954. С. 361 – 363; Селькор. 1926. № 8. С. 12; № 23. С. 1; 1927. № 14. С. 3 – 6.

9. Селькор. 1926. № 14. С. 12.

10. Советская деревня и работа селькоров. Сборник статей. М.-Л., 1927; Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. № 13 – 15. С. 16.

11. Красная печать. 1926. № 13. С. 1 – 2; Селькор. 1926. № 24. С. 13 – 14.

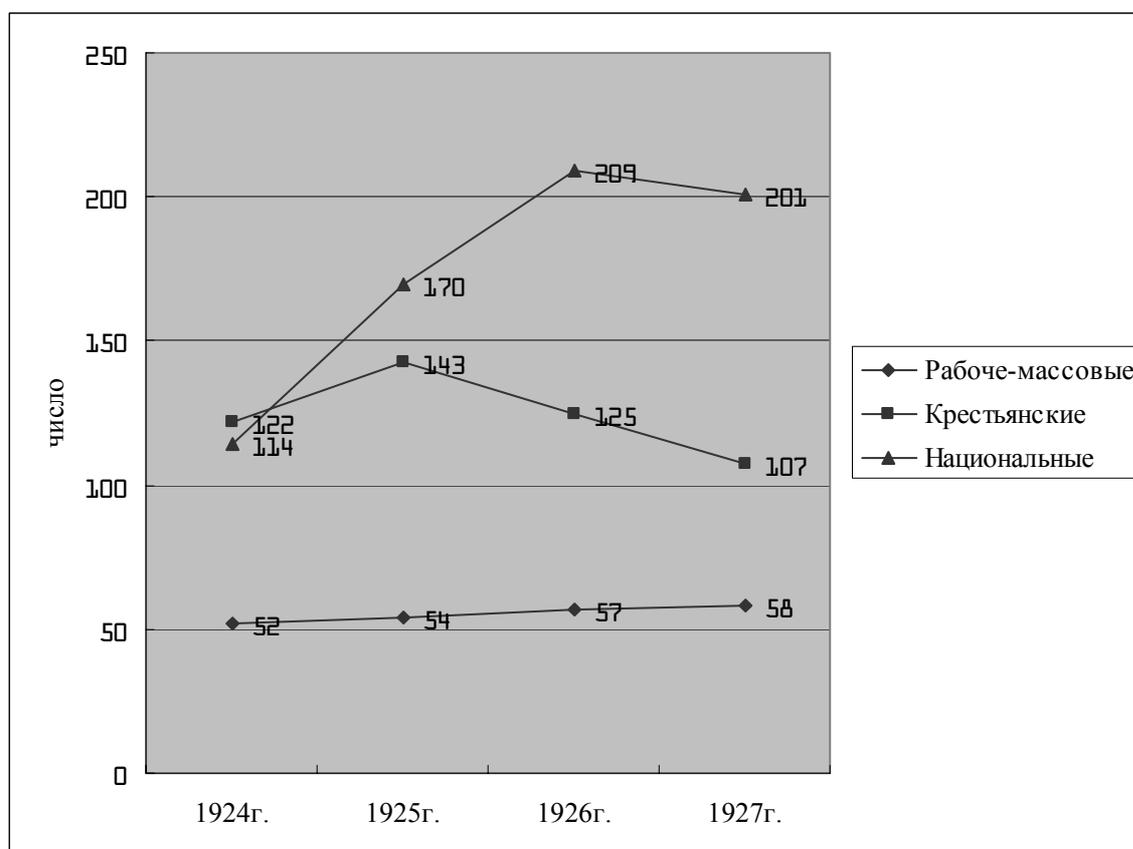
12. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. 2-е издание. М.-Л., 1928. С. 1082

13. ГАРФ. Ф.Р. – 5566. Оп. 4. Д. 5. Л. 28 – 30; Красная печать. 1927. № 4. С. 12 – 14.

14. Асаока Дз. Бухаринский план для корреспондентского движения.

Рисунок 1.

Газетная сеть СССР по типам изданий

Г. В. Жирков, Советская крестьянская печать — Один из типов социалистической прессы
,
Л., 1984, С. 81.